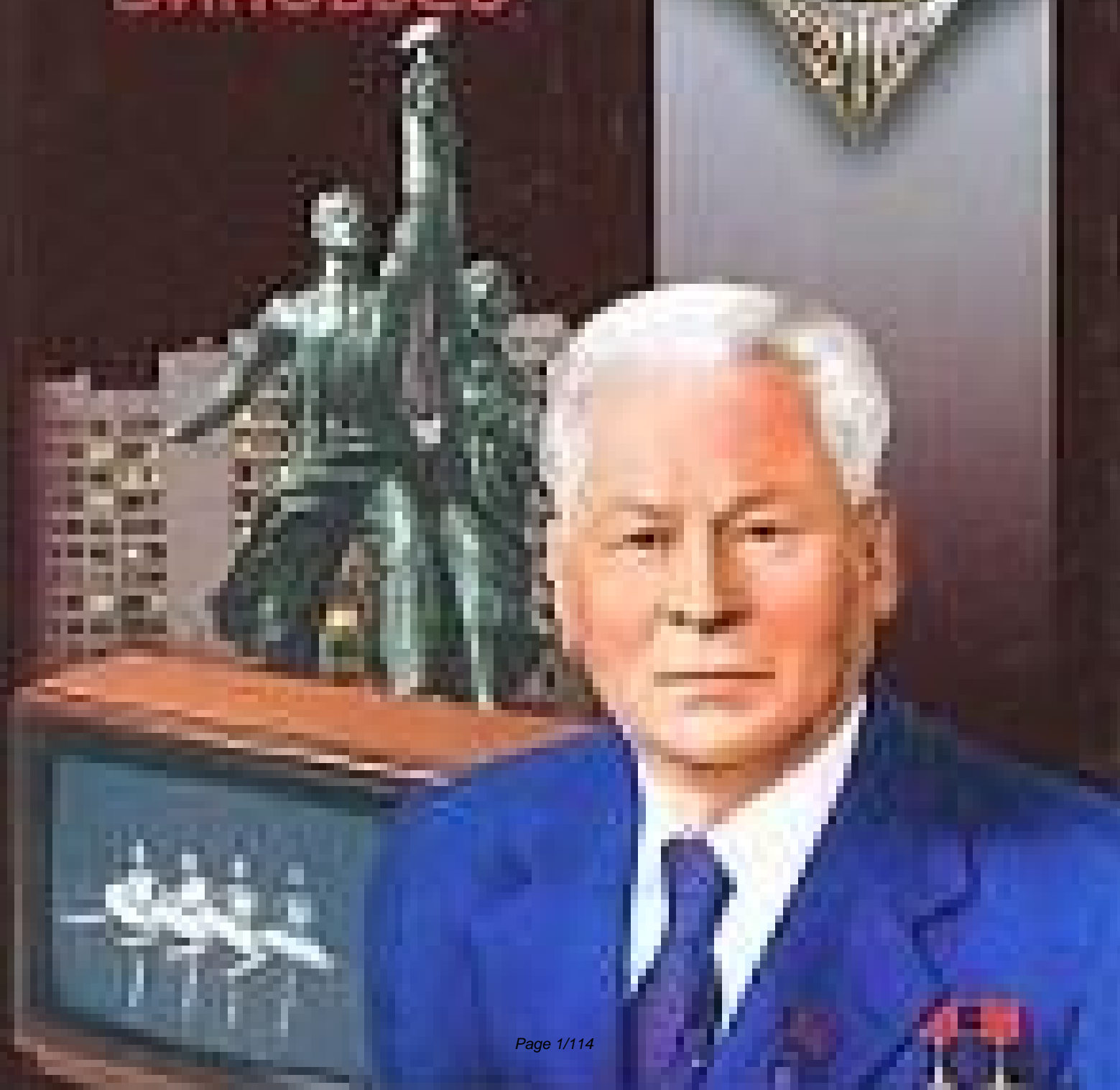

РУССКИЙ ПУТЬ

Александр
Зиновьев

Александр Зиновьев

ЖИВИ

Исповедь инвалида

Он — безногий от рождения инвалид. Знакомые называют его Роботом за то, что он передвигается на изобретенных им протезах подобно роботам первого поколения. Он родился в поселке «Атом» неподалеку от русского города Партграда. Родился с безобразными отростками вместо ног. Родители отказались от него. Он рос в интернате для таких, как он, детей — инвалидов от рождения и без семьи. Когда он научился говорить, он спросил воспитательницу, вырастут ли у него ножки. Воспитательница была добрая и верующая. Она сказала, что ножки у него не вырастут, зато придет время, и у него вырастут крылышки. И он поверил ей. Он говорил другим детям, что у него скоро вырастут крылышки. Они смеялись над ним. Шли месяцы и годы. Он понял, что обречен жить без ног. Но мечта о крыльях не оставляла его никогда. После окончания школы его как одного из лучших учеников приняли в институт. Он стал образованным человеком и хорошим специалистом. Но на него периодически нападало состояние отчаяния. Сейчас это отчаяние оказалось особенно тяжелым. И он начал писать свою исповедь, чтобы облегчить душу от накопившейся в ней боли.

Потребность в исповеди

Даже вполне здоровые и благополучные люди, не совершающие больших грехов, периодически испытывают потребность в исповеди. Исповедь помогает людям очищать души от всего того, что им причиняет боль и мешает жить. Верующие исповедуются перед священниками и через них перед Богом. Атеисты исповедуются перед близкими, перед сослуживцами и знакомыми, даже перед случайными собутыльниками или попутчиками. На Западе изобрели психоанализ, выполняющий функции исповеди. У нас аналогичные функции выполняли партийные и комсомольские организации, а также всякие прочие организации и объединения людей, с которыми так или иначе приходится иметь дело почти всем членам общества. Исповедуются перед самими собою. Причем они это делают систематически, как правило, даже не отдавая себе в этом отчета. Короче говоря, исповедь как форма очищения души есть столь же нормальный и необходимый элемент человеческой жизни, как и очищение тела и очищение среды, в которой живет человек. Человек, лишенный исповеди, обрекается на душевные болезни и страдания. Исключительно по этой причине я начинаю эту мою исповедь. Может быть, она поможет мне выкарабкаться из душевного кризиса, который обрушился на меня в последнее время, и потом продолжать жить так, как я и жил до сих пор. Просто жить. Жить, не претендуя на что-то большее, чем сам факт жизни.

Эпохальный неудачник

Человек может привыкнуть ко всему и примириться с любой судьбой лишь при том условии, если он деградирует интеллектуально и морально до своего жалкого положения. Если же он достигает сравнительно высокого интеллектуального и морального уровня и сохраняет его, то он никогда не сможет привыкнуть к своим несчастьям и примириться с неудачами судьбы. Они постоянно причиняют ему страдания. Оглянитесь вокруг себя, и вы увидите множество людей, всю жизнь страдающих из-за плохой формы носа или испорченных зубов, из-за малого роста или неправильной фигуры. Они всю свою жизнь ощущают себя неудачниками. А я — неудачник с рождения: я родился с какими-то омерзительного вида отростками вместо ног. Родившая меня женщина при виде их потеряла сознание, а придя в себя, отказалась от меня. Я начал свой сознательный жизненный путь с осознания этой моей изначальной неудачи. С тех пор оно не оставляет меня ни на минуту. Не оставляет ни во сне, ни наяву. Не оставляет даже в такие моменты, когда человек, казалось бы, должен быть счастлив.

Люди вообще не уважают неудачников, если даже последние здоровы физически. Они относятся к неудачникам с насмешкой и даже со злобой. А что касается нас, инвалидов от рождения, то здоровые люди в глубине души смотрят на нас так, как будто мы покушаемся на то, что им принадлежит по праву рождения в качестве здоровых людей. Конечно, они это стараются скрыть, поскольку их естественное отношение к биологическому уродству не соответствует общепринятой морали и идеологии. Но мы все равно это чувствуем. И это усиливает наше непроходящее страдание.

В наше время к прирожденному отвращению людей к отклонениям от биологических норм, какими являемся мы, присоединяется осознанный страх того, что такие отклонения от норм сами могут стать нормой. Мы, современные инвалиды от рождения, особенно остро чувствуем этот страх здоровых. Причем мы, будучи жертвами здоровых усилий здоровых людей, ощущаем себя объектами приложения этого страха здоровых. И это удесятерит наши страдания. Так что я не просто неудачник. Я — неудачник эпохального масштаба. И это сознание эпохальности жизненной неудачи добавляет свою долю в страдание. Вот почему я постоянно обдумываю все один и тот же гамлетовский вопрос: жить или не жить?

Жить или не жить

Особенно мучительно я обдумываю этот вопрос по ночам, когда ощущение одиночества особенно сильно. Поскольку я не принц, а всего лишь безногий от рождения инвалид, поскольку живу я не в старинном замке, а в крохотной комнатухе в коммунальной квартире, я обдумываю этот вопрос не на уровне трагедийных страстей, а как заурядный советский человек, компенсирующий убожество бытия роскошью бесплодной мысли и неосуществимых моральных претензий.

Недавно у нас в городе проходил смотр самодеятельных драматических кружков. Кружок психиатрической больницы поставил «Гамлета». Гамлета играл лечившийся от алкоголизма тракторист с кривыми ногами, широким лицом и раскосыми глазами. Когда он завопил вечный вопрос «Быть или не быть?», в зале начался гомерический хохот. А ведь этому русскому алкоголику этот вопрос подходил гораздо больше, чем датскому принцу.

Считается, будто шекспировские герои выражают некие общечеловеческие проблемы. Какой вздор! Таких проблем вообще нет. Одни проблемы у принцев, другие — у шутов. Просто шутовские проблемы выглядят значительнее, если их представить как проблемы принцев. Правда, проблемы принцев не теряют значительности, если их высказывают в шутовской форме. Но короли и принцы в роли носителей неких общечеловеческих проблем суть такая же нелепость, как партийные секретари и начальники КГБ в роли выразителей неких

общечеловеческих дум и чувств нашей эпохи.

Есть вечные вопросы, но нет истинных вечных ответов. Вечный ответ есть логическое противоречие. Жить или не жить? Иметь или не иметь? Делать добро или зло? Быть праведным или грешить? Приняв одно решение, тут же убеждаешься в его ложности и бросаешься в другую крайность. И так до тех пор, пока сами обстоятельства не решат твою логически неразрешимую проблему на свой лад. К тому же вечные вопросы не являются общечеловеческими. Они специально придуманы для тех, кто и без них обречен, у кого и без них ничего нет, кто и без них не может делать зло, кому и без них не дано свершить греха. Они суть вопросы для неудачников вроде меня. Кому суждено жить, иметь и грешить, те не ломают голову над такими нелепыми вопросами.

Тот алкоголик — тракторист сыграл Гамлета гениально, сам не подозревая того. Не заметили этого и зрители. Над принцем Гамлетом смеялись окружавшие его, а наши зрители перенесли свой смех на исполнителя его роли.

Рассвет

В отличие от принца я мучаюсь не столько самой проблемой «Быть или не быть?», сколько тем, как я ее постоянно решаю. Ночью я склоняюсь к тому, что жить не стоит, а с рассветом кидаюсь в другую крайность: «Быть!» Сейчас как раз начинает светать, и я могу разглядеть Ее. Она лежит на диване в моей комнатухе. Лежит одетая. Вчера поздно вечером она приволокла своего пьяного ухажера, который живет в нашей квартире. Домой возвращаться ночью опасно. Ограбят. Изнасилуют. Могут и убить. Вот она и осталась ночевать у меня. В комнате ухажера спать негде. Там кроме самого ухажера, спит его мать со своим сожителем. Странное слово: «сожитель». Сожитель — это не любовник, а просто мужчина, который более или менее регулярно «спит» с определенной женщиной, не состоя с ней в законном браке и не испытывая к ней любви в высоком литературном смысле слова. Ухажер — тоже не любовник, а ослабленная форма сожительства. В нашу эпоху сожительство становится доминирующей формой отношения между полами. В этом, конечно, есть свои преимущества для людей. Они очевидны и соблазнительны. Они достаются без особых усилий. Но к каким последствиям это ведет человеческое общество в ряде поколений? Над этим никто не хочет задуматься. Впрочем, думать об этом бессмысленно. Если уж наше сверхмощное государство, идеология и коллектив не способны остановить этот процесс, то тем более тут бессильны что — либо сделать мыслящие одиночки.

Учение Будды и Лаптизм

Мы коллективисты, и потому мы страдаем в одиночку. Наши страдания мелки и незначительны, и потому мы возносим их на космическую высоту. Мы не верим в рай как на небе, так и на земле, и потому мы надеемся на чудо. Мы атеисты, и потому мы цепляемся за религиозные учения.

В прошлом году в нашем учреждении появилась фотокопия книги «Учение Будды». В учреждении началось нечто невообразимое из-за нее. Люди готовы были платить деньги, лишь бы заполучить ее на сутки. Надеялись на то самое Чудо: а вдруг в этом таинственном учении они найдут решение своих жизненных проблем?! Ведь не зря же оно более двух тысяч лет владеет душами миллиардов людей! Чудо есть последняя соломинка, за которую

хватается человек, утопающий в нашей житейской помойке. Причем инстинктивно он поступает правильно. Для помоечных червей помойка и есть то общество всеобщего благополучия, к которому всегда стремятся, но которого никогда не достигнут люди, оставаясь людьми. Поэтому люди сами стремятся превратиться в помоечных червей, лишь на этом пути достигая гармонии со своей средой. Именно этому и учил Будда — учил тому, как превратиться в помоечного червя, а не тому, как выбраться из помойки.

Ажиотаж с учением Будды продолжался до тех пор, пока не вмешались партийные органы и КГБ. Двух молодых сотрудников посадили в тюрьму за размножение фотокопий книги с целью наживы. На нас обрушили усиленную дозу антирелигиозной пропаганды.

Учение Будды чуждо условиям нашей жизни и нашей психологии. Нам в принципе невозможно вести рекомендуемый им образ жизни. Нам надо работать, писать отчеты о проделанном, сидеть на собраниях, изучать постановления ЦК КПСС и речи вождей, осуждать американский империализм, прославлять реформы нашего руководства, делать вид, будто мы с энтузиазмом осуществляем их, и делать многое другое, о чем Будда не имел ни малейшего представления. Успех учения Будды мог бы быть большим, если бы власти не приняли мер против этого. Но это был бы успех чисто литературный, то есть как чтение и материал для болтовни, а не практический. Люди не стали бы буддистами — им не позволили бы это сделать условия нашей жизни. Учение же, которое точно соответствовало бы нашим условиям, потребностям и психологии, заранее обречено на провал даже как материал для чтения и разговоров.

Одно время у нас в городе проповедовал некто Иван Лаптев. Он придумал свое собственное учение — лаптизм. Это учение было предназначено специально для нас. Но именно у нас Лаптев не встретил никакого сочувствия. Кончил он тем, что угодил в сумасшедший дом в назидание прочим мыслителям такого рода. Почему так получается? Потому что буддизм есть штучка заграничная, вроде американских джинсов и жевательной резинки, а лаптизм есть нечто свое, доморощенное. Считается, что если уж какой-то тунеядец и пьяница Иван Лаптев придумал это, то, значит, и любой из нас может придумать не хуже. В административной комиссии, принявшей решение направить Лаптева на принудительное лечение, ему сказали, что у нас уже есть учение, отвечающее нашим условиям: марксизм — ленинизм. Они действовали вполне в русском духе. Хотя марксизм чужд нам не меньше, чем буддизм, его тоже можно жевать, как американскую жевательную резинку. Верно говорится: нельзя стать пророком в своем отечестве. Но многие ли становятся ими в чужом?

Впрочем, и лаптизм неприемлем для нас, хотя он и был предназначен для нас. Дело в том, что лаптизм был предназначен для интеллектуально и морально элитарной части нашего общества, то есть для таких образованных и порядочных людей, которые по тем или иным причинам не принимают участия в ожесточенной борьбе за лучшее положение в обществе и за лучший кусок жизненных благ. Такие люди составляют у нас меньшинство. Неизбежным следствием той их исключительности является изоляция от нормальной общественной жизни, что усугубляет их душевные болезни, а не лечит их. Если бы я был здоров, я, может быть, последовал бы за Лаптевым. Но я — урод. Я вынужден сражаться за жизненный успех и хотя бы минимальное благополучие под угрозой деградации и гибели.

Имя и кличка

Ее ухажера зовут Николаем. Но чаще его зовут Солдатом, так как он недавно демобилизовался из армии. Он на эту кличку не обижается. Для таких ничтожных существ, как мы, собственное имя вообще не есть предмет первой необходимости. Достаточно и

клички. Сожителя матери Солдата жильцы нашего дома презрительно именуют Хахелем. Мать Солдата зовут просто Соседкой, хотя у нее красивое имя — Антонина. Да и клички-то у нас не всякий достаивается. Часто индивидуальность человека обозначается совсем не индивидуальными средствами. Например, у нас в доме живет старая пенсионерка, заслуженная учительница. Ее зовут просто «Ведьма с третьего этажа». Или идешь по улице и вдруг слышишь: «Эй ты, морда!» И ты безошибочно знаешь, что это обращаются именно к тебе, хотя морда у тебя не хуже, чем у других.

Такая деперсонализация рядовых граждан имеет свои неоспоримые достоинства: она избавляет нас от непомерных претензий и облегчает жизнь. Выходит, Будда, отвергая реальность «я» и считая его плодом ошибочных иллюзий, не так уж не прав. Меня зовут Роботом, так как я передвигаюсь на протезах точно так, как устаревшие роботы первого поколения. Мне было бы тяжелее жить, если бы ко мне всегда обращались по имени и отчеству (Андрей Иванович) или по фамилии (Горев).

Невеста

У нее тоже есть прозвище: Невеста. А зовут ее Анастасией, Настей, Настенькой. Невестой ее прозвали за то, что у нее до Солдата уже было несколько ухажеров, которые собирались на ней жениться, но женились на других. Бабы нашего района обзывали ее всякими оскорбительными словами. Но в конце концов сошлись на том, что прозвище Невеста для нее является самым обидным. Я же называю ее Невестой, вкладывая в это слово самое чистое, светлое и радостное содержание.

Она лежит совсем рядом, так что я мог бы дотянуться до нее рукой. Но я не решаюсь на это. И кажется, я понимаю, почему те ухажеры не женились на ней и почему Солдат не женится тоже; они боятся, что не смогут долго удержать ее за собой! А за меня она замуж не идет потому, что сама боится, что не сможет долго вытерпеть меня. Она красива и здорова, но распутна. Я добродетелен, но некрасив и нездоров. Но равноценны ли мои добродетели ее красоте и здоровью? Искушает ли ее распутство мои очевидные дефекты?

Проблема «я»

Я отвожу от нее взгляд и вновь обращаюсь к моей гамлетовской проблеме. Вообще-то говоря, эту проблему можно углубить так: что лучше — родиться, страдать и потом навеки исчезнуть или совсем не появляться на свет? Допустим, лучше второе. Но как узнать, что то существо, которое не появилось на свет, есть действительно я, а не кто-то другой? Таким путем я углубил гамлетизм до самой глубокой проблемы человеческой жизни — до проблемы «я». Причем я сделал это задолго до того, как познакомился с учением Будды.

С точки зрения Будды, «я» есть плод иллюзий. Вот это я категорически принять не могу. Для меня без «я» вообще нет человека. У нас в городе проводилась всесоюзная конференция на тему о границах замены частей человеческого организма искусственными аналогами. Хотя в газетах писали, что «конференция прошла на высоком уровне», она на самом деле прошла на высоком уровне. Конференция фактически на первое место выдвинула именно проблему «я». Выступил один инвалид, потерявший в какой-то катастрофе руки, ноги и зрение. Он был образованным человеком и вел за собой наблюдение в течение ряда лет. Он утверждал, что есть предел утраты частей и функций тела, за которым человек перестает идентифицировать

себя как данное индивидуальное «я». И никакие искусственные заменители не способны компенсировать эти потери. Он стал замечать, что его «я» становится все более расплывчатым и неустойчивым. Все чаще его состояние становится близким ко сну, к кошмару, к болезни. Благодаря усилиям воли, памяти и культуре он еще как-то удерживает свое «я». Но с каждым днем это становится для него все труднее. Пока еще не поздно, нужно произвести серьезное психологическое исследование последствий операций над организмом вплоть до таких, как вырезание аппендикса и вставление искусственных зубов. Не исключено, что человечество несет серьезные потери именно по этой линии прогресса. Нет абсолютного прогресса. Прогресс в одном отношении всегда сопровождается регрессом в другом. Участники конференции раскритиковали выступление этого человека как проявление буржуазного индивидуализма. Но я подозреваю, что в его словах содержалась очень верная и тревожная мысль. Истину все-таки высказывают одиночки. Когда ее принимают многие, она теряет жизненную боль и превращается в само собой разумеющуюся банальность или обнаруживает себя как заблуждение.

Жизнь

Вот Невеста проснулась, взглянула на часы, воскликнула: «Ой, опаздываю!» — и убежала, не попрощавшись и не поблагодарив за ночлег. Пора вставать и мне. Начинается очередной день жизни.

День жизни. А что такое жизнь? Прошлым летом в наш город приезжал знаменитый столичный писатель. Приезжал с намерением наблюдать и описывать нашу жизнь. Посмотрели бы вы, как потешались жители города над ним! Описывать нашу жизнь?! Неужто уж получше ничего нет?! Да у нас и описывать-то нечего. Вот гляди, мы сейчас вывернем карманы. Что видишь? Пусто. И дома у нас пусто. И в магазинах пусто. И на работе пусто. И в желудке пусто. И в голове пусто. Везде пусто. Никакого образа жизни у нас вообще нет. Есть лишь одно безобразие.

Через пару недель, осушив дюжину поллитровок, писатель отбыл обратно в столицу.

— Такой унылости и серости, как тут у вас, я и в Москве нагляделся досыта, — сказал он на прощание своим собутыльникам. — И нет мне никакого расчета тратить свое драгоценное творческое воображение еще и на вашу серость и унылость.

Хотя столичный писатель в минуту пьяной откровенности отнесся к нашей жизни с таким презрением, я эту нашу гнусную жизнь все равно люблю, ибо другого выхода все равно нет. Если нашу жизнь не любить, то и жить невозможно будет — сразу подохнешь от тоски и отчаяния. Любовь к жизни вообще есть самозащитная реакция тех, кому в жизни приходится плохо. Если тебе хорошо живется, то любить жизнь тебе совсем ни к чему, поскольку тебе и без этого хорошо. Это отношение к жизни особенно ясно выразил один мой знакомый по прозвищу Блаженный. Все равно, где и как жить, — считает он. Лишь бы жить. Главное в жизни — ощущение самого факта жизни. Обычное душевное состояние Блаженного выражается восклицаниями: «Ах, как хорошо!», «Волшебнo!», «Боже, какая благодать!». Из этого не следует, что ему хорошо живется. Живет он отвратно, как и все мы, а может быть, даже еще хуже. По выражению Хакеля, отсидевшего пять лет в исправительно — трудовых лагерях за хищения социалистической собственности, мы живем как черви в арестантской помойке. Восклицания Блаженного выражают нашу субъективную установку по отношению к нашей житейской помойке. Возлюби помойку свою, — слышится мне в этих восклицаниях, — ибо она есть твой дом, и иного дома у тебя нет и не будет. Возлюби копошащегося рядом с тобой червя, ибо он есть ближайший брат твой, и иного ближнего у тебя нет и не будет.

Жизнь одна. Устраивайся в ней так, чтобы другим было не очень противно от твоего кратковременного пребывания в ней.

Рассвело, и я выбросил из головы гамлетовскую проблему. Вечные проблемы вообще суть проблемы ночные.

Соседи

Пора вставать. Я подтягиваюсь на руках на специально приспособленных для этого кольцах, вставляю свое тело в приспособление, изображающее ноги, привожу их в рабочее состояние и иду в туалет, стараясь не скрипеть «ногами», — чуткая Соседка ненавидит этот скрип. Она грозит переломать мои протезы и выбросить на помойку. Я ее угрозы не принимаю всерьез: намерения не подлежат моральной оценке. Людей не награждают за неосуществленные добрые намерения. Так почему же их надо осуждать за неосуществленные дурные намерения?

Звуконепроницаемость у нас в доме плохая или, выражаясь более оптимистически, звукопроницаемость хорошая. Поэтому мне невольно приходится слушать то, что говорят и делают соседи.

— Эта шлюха опять ночевала у соседа, — говорит Соседка.

— Почему же шлюха, — говорит Хахель. — Неплохая девчонка, по — моему. Николай на ней вроде бы жениться собирается.

— Не он первый, не он последний. Потаскается еще немного и бросит. Какой смысл ему на ней жениться? Ни квартиры. Ни профессии. И потасканная. Он парень не дурак, найдет получше. Девочек на заводе полно. С квартирой. С образованием...

— Ему, конечно, виднее. Но я бы на его месте...

— А я бы на твоём месте жене рассказала бы все по — честному про наши отношения.

— Зачем? Ну, скажу я ей. А дальше как жить? Разводиться? Алименты на двоих детей платить? А жить где? У тебя?

Хахель одевается, уходит. Соседка будит Солдата, ругаясь матом. Тот отвечает ей тем же. Мне это противно слушать. Я мат вообще не употребляю. Но и делаю это не из ложной благопристойности, а потому что русский мат опозилили нерусские интеллектуалы и иностранцы. Они лишили русский мат народной целомудренности, взяв из него одну лишь скабрёзность.

Я тихо закрыл дверь своей комнаты и начал продвигаться к выходу из квартиры, стараясь не потревожить сверхчуткую Соседку. Но ускользнуть незаметно не удалось.

— Вечно они скрипят своими ногами, — заворчала она.

Марш уродов

Настроение у меня сегодня отличное, и реплика Соседки его не испортила. Иногда у меня

случается так, что без всякой видимой причины во мне пробуждается какое-то ликование жизни. Тогда мне кажется, что жизнь прекрасна и люди прекрасны. Так случилось и сегодня. Я бодро двинулся к выходу из квартиры, напевая про себя мою любимую песню «Марш уродов», сочиненный местным нелегальным поэтом по прозвищу Бард.

Уроды! Плевать на хвори!

Слепые, глядите в оба,

С дороги не сбиться чтобы,

Грядущего зрите зори!

Хотя мои протезы скрипнули на миг, Соседка употребила слово «вечно». В этом кроется глубокий смысл. Я его поясню потом. Соседка по натуре существо доброе. Но она срывает на мне злобу, которая накапливается у нее по отношению к другим, так как я у нее под рукой и кажусь ей безответным. Бойся не столько злых людей, сколько добрых, делающих зло без особой на то надобности. Когда Соседка бывает в особо добром расположении ко мне, она обычно жалуется на то, что им втроем тесно жить в одной комнате.

— Хорошо вам, инвалидам, — сказала она однажды. — Вам отдельные комнаты дают.

Солдат тоже завидует мне: ему нужно лет десять «ишачить» на заводе, чтобы получить отдельную комнату. А если женится и заведет ребенка, то еще лет пять потребуется, чтобы дали отдельную квартиру.

Шагайте, безногие, в ногу!

Протезам — ничто расстоянье.

Где видят слепые сиянье,

Туда пролагайте дорогу!

На пороге квартиры меня догнал Солдат и попросил занять трешку до полочки — ему похмелиться после вчерашнего перепоя надо. Я сказал, что у меня денег нет. Он обругал меня. Мне надоело давать ему рубли и трешки «до полочки»: он никогда не отдает долги.

Безрукие, руки раскроем!

Локоть друг друга почуем!

Свободу себе завоем

Своею железной рукою!

Между вторым и третьим этажом меня догнала «Ведьма с третьего этажа». Я не успел посторониться. Она оттолкнула меня так, что я чуть не упал, пробурчала что-то насчет «нынешней молодежи» и через несколько секунд злобно хлопнула парадной дверью. Вот это скорость! Мне хотя бы половину такой. Куда она устремилась? Скорее всего — занять очередь за чем-нибудь.

Правьте, безмозглые, нами!

Мир направляйте идеей!

О судьбах народа радея,

Вовсю шевелите мозгами!

Перед выходом на улицу меня настиг Правдоборец. По профессии он инженер. Но дело его жизни — обличение беспорядков и жалобы во всевозможные учреждения и по всевозможным поводам. Сейчас он написал жалобу в Обком партии по поводу выбитых стекол и неработающего освещения на лестничных площадках. Собирает подписи жильцов. Я сказал, что уже подписывал такое письмо. Он сказал, что то письмо было адресовано в районный совет. Я нехотя поставил свою подпись под новым письмом.

Безголосные, взвойте песни,

Сочиненные тем, кто без слуха!

В бурном танце кружись, старуха,

В одеянье из праха и плесени!

Правдоборец меня почему-то не любит. Он уже написал на меня жалобу в мою партийную организацию, обвинив меня в «безнравственном поведении, выразившемся во внебрачном сожительстве с известной во всем районе проституткой». Аналогичное заявление он написал в комсомольскую организацию Невесты. На Солдата он написал донос в более серьезное учреждение. Тем самым он вносит свой вклад в «моральную непорочность» (это его слова) нашего общества.

Дерзайте! И всюду народы

Забудут былые тревоги.

Все счастливы будут, как боги,

Поскольку все будут уроды.

Должен вас предупредить, что этот марш здоровым не годится: у них иной ритм и темп движения.

Темп жизни

На Западе инвалиды моего типа пользуются инвалидными колясками. Но у них коляски делаются на таком высоком техническом уровне, какой у нас пока недостижим. Кроме того, на Западе не стесняются своих уродств. Даже наоборот, всячески стараются их обнажить, сделать их видимыми для всех. Там уродство — своего рода капитал. Наши инвалиды стесняются своих дефектов, стараются их скрыть. Они их обнажают для всеобщего обозрения тогда, когда опускаются морально, начинают пьянствовать, побираться. У нас, конечно, тоже делают коляски. И ими пользуются, когда уже никакой иной возможности передвигаться нет. Но я предпочитаю протезы, хотя это мучительно. На протезах я выгляжу почти как полноценный человек. С психологической точки зрения это важнее, чем преимущества коляски. Коляска мне представляется в некотором роде капитуляцией. Протезы же суть для меня символ сопротивления падению и борьбы за человеческую жизнь.

Как это ни странно, мое предпочтение протезов многих раздражает. Мне не раз говорили, что я «выпендриваюсь», хочу якобы показать, что я не такой, как все, выделиться хочу. И это говорили вроде бы хорошие люди. А когда обо мне напечатали статью в газете, меня обвинили даже в карьеризме, зазнайстве и в чем-то другом, чему я не нашел подходящего названия. Никто не подумал о том, что для меня речь идет о чем-то более фундаментальном, чем стремления здоровых людей, а именно — о том, чтобы удержаться на человеческом уровне. Повышенная с точки зрения здоровых активность некоторых инвалидов, доходящая порою до видимой агрессивности, есть лишь самозащита в условиях, которые гораздо хуже условий здоровых людей соответствующих категорий.

Выйдя на улицу, я побрел по направлению к столовой, где я иногда завтракаю. Мимо меня торопливо пробегают люди. Все куда-то спешат. А между тем реальный темп нашей жизни очень замедленный. Мой способ передвижения соответствует ему больше, чем всеобщая внешняя суета. Люди торопятся, чтобы ничего не делать или делать свой замедленный процесс социальной жизни. Отсутствие реального динамизма жизни компенсируется динамизмом внешним, динамизмом по мелочам и показным. Любопытно, что я с моим медленным способом передвижения никогда и никуда не опаздываю. А самые стремительные и суетливые мои знакомые и сослуживцы постоянно куда-нибудь опаздывают.

Мой замедленный темп передвижения оказал решающее влияние на весь мой темп жизни. Я никогда не спешу, а успеваю сделать больше других. Я очень медленно читаю книги, а вычитываю в них больше, чем другие, буквально глотающие книги любого размера и содержания. Если книга меня интересует, я перечитываю отдельные страницы по нескольку раз. А иногда перечитываю и всю книгу. И так во всем. В этом есть преимущество: я ощущаю ход времени. Суетясь и спеша, люди вообще не замечают хода жизни или видят лишь ее мелькание.

Вечность

Подойдя к столовой, я подсчитал мою наличность. На вечность, конечно, маловато. Но на помой, какими кормят в этой столовой, хватит. Пока стоял в очереди, думал о вечности. Вечность — что это такое? Обещают жизнь продлить до ста лет. Разве это вечность? Все равно миг. Тысяча лет и то миг. Вечность есть нечто качественно иное. Это не вульгарное

бессмертие: последнее есть тоска и скука. В чем разница?

Подошла моя очередь в кассу. Когда я искал недостающий гривенник, кассирша проворчала: «Вечно они копаются...» Опять это «вечно»! Неужели и она бьется над проблемой вечности? Но надо найти местечко, куда бы я смог временно (слава Богу, не вечно!) поставить свой поднос с грошовыми помоями. С грошовыми — вот в этом состоит их величайшее достоинство. Как сказал наш директор, вернувшись из заграничной командировки, мы питаемся скромно, зато нигде в мире вы не сможете поесть за такие гроши, как у нас. Этому у нас не отнимешь! Хотел бы я знать, имеются ли в мире существа, которые захотели бы отнять у меня вот эту несъедобную дрянь? Хотя о чем ты говоришь! Конечно, имеются. И не меньше двух миллиардов. Так что ешь то, что дают, и будь счастлив уж тем, что ты не входишь в эти два миллиарда голодающих. Прав наш директор: наш строй этой грошовой едой доказал свое историческое преимущество. И правы наши высшие власти, создающие могучие вооруженные силы и запускающие свои щупальца во все уголки планеты: это нам нужно для того, чтобы у нас не отняли эту отвратную, но зато грошовую пищу.

Думаем о вечности, а сами портим жизнь этой мерзкой пищей и отправляем души мелочной нервотрепкой. Прожить кое-как лет пятьдесят, а потом целую вечность торчать в очередях в больнице? Избави Боже! Наконец-то я заметил место, которое должно вот — вот освободиться. Владелец места, видя мое нетерпение, стал нарочно медленнее жевать. Потом начал ковырять спичкой в зубах. По его роже я понял, что и он озабочен проблемой вечности. И он готов вечно торчать перед этим грязным столом, заваленным грязными тарелками и несъедобными объедками. Представляете, проходит век за веком, тысячелетие за тысячелетием, а ты стоишь вот так перед грязным столом, залитым соусом, который не лижут даже наши коммунистические собаки, и ждешь (вечно!), пока владелец места выковыряет из зубов жилу от Бог весть какого животного. Вечно!

Место наконец-то освободилось. Какое это блаженство, поставить поднос на стол и изменить позу. Но надо скорее есть, а то на меня уже начинают с ненавистью поглядывать другие мыслители на тему о вечности. И, как назло, жила неизвестного животного застряла у меня меж зубов. Я прилагаю всяческие усилия ее вытащить. Но тщетно. Меня это бесит, так как другие могут подумать, будто я нарочно ковыряюсь в зубах, чтобы подольше постоять у этого грязного столика. Так и не вытащив проклятую жилу из зубов, покидаю столовую. Мое место немедленно занимает пожилой мужчина, по цвету лица которого можно безошибочно установить диагноз: язва желудка.

Забота о ближнем

По выходе из столовой я встретил Романтика — так мы зовем пожилого пенсионера, который живет в соседнем доме и часто проводит время в нашей компании. Сейчас он направляется на заседание районной административной комиссии, членом которой он является. Задача комиссии — борьба с хулиганством, мелкими бытовыми преступлениями и тунеядцами. На заседаниях комиссии Романтик строг и неподкупен, но справедлив. Он часто вспоминает о сталинских временах и отстаивает Сталина, за что приобрел репутацию «недобитого сталиниста». Он утверждает, что эти времена были самыми романтичными в нашей истории. За это-то он и получил прозвище Романтик.

— Скрипим, Андрей Иванович! — поприветствовал он меня.

— Скрипим, Сергей Павлович! — ответил я.

— Это хорошо, что еще скрипим. Вот когда и скрипеть не сможем, тогда пиши, брат, пропало.

Ну, да мы еще поскрипим! Мы не из того теста сделаны, чтобы сдаваться!

Он пошел на заседание своей комиссии, состоящей из пенсионеров, — старых коммунистов, с намерением отправить человек десять принудительным порядком на работу в «Атом» или на химический комбинат. Но от встречи с ним мое настроение поднимается. Появляется ощущение, что у нас есть еще люди, «болеющие душой за общее дело» (это — слова Романтика). Я знаю одного забулдыгу, который просидел в сталинских лагерях много лет и был освобожден при Хрущеве. Он говорил, что забота о ближнем — это не только когда конфетку дают и по головке гладят, но и когда порют. Было страшно, конечно, что за каждым их шагом и словом следили в те годы. Но вместе с тем мысль о том, что какие-то важные люди думали о тебе лично и планировали твою личную судьбу, вызывала ощущение причастности к большему и общему делу. Теперь, говорил он, такого ощущения уже нет. Зверства сталинского периода были продиктованы не столько дурными намерениями, сколько чрезмерной заботой о человеке. Забота о ближних всегда связана с насилием. Ослабление насилия всегда означает усиление равнодушия к человеку.

Романтик, между прочим, был среди тех, кто принял решение направить Ивана Лаптева на принудительное лечение в психиатрическую больницу. Он руководствовался при этом заботой о человеке.

Черви и люди

Иду к автобусной остановке. Смотрю внимательно под ноги, дабы не раздавить дождевого червя или муравья. Я уважаю все живое. Когда я вижу ползущего червя, я говорю ему: «Живи, друг, живи! Умножай сумму живого. Это дело случая, что ты — червь, а я — человек. Но не завидуй мне: я тоже червь, только в отличие от тебя наделенный органами страдания и предвидящий свой конец. Ты не можешь знать того, что вот сейчас вон тот червяк — человек наступит на тебя и оборвет твою неповторимую жизнь. А я могу. Для тебя человек есть Бог, судьба. Для меня же — такой же собрат — червяк, как я сам. Ползи скорее, иначе вон тот с утра пораньше напившийся бедняга раздавит тебя, как червяка. Ползи!»

Мое отношение ко всему живому, в том числе — к червякам, я выработал еще до того, как прочитал книгу об учении Будды. Я был поражен тем, что судьба одного несчастного червяка послужила причиной переворота в сознании Будды. Он однажды увидел, как птица вытащила из земли червяка и съела его. Трагедия ничтожного червяка заставила Будду обратить внимание на страдания людей. У меня же произошло наоборот: наблюдая и переживая человеческие страдания, я перешел к размышлениям о судьбе червяков. Будда имел успеху людей. Но вряд ли червяки оценят мое сострадание к ним.

Вот автобусная остановка. Становлюсь в длинную очередь, хотя как инвалид имею право влезать без очереди и с передней площадки. Делаю так из принципа: я не признаю для себя никаких привилегий. К тому же лезущих без очереди и с передней площадки больше, чем число стоящих в очереди, и они агрессивнее. А для меня это опасно. И ко всему прочему я люблю стоять в очереди и слушать разговоры о самых обычных житейских делах. Очередь есть тоже проявление жизни, причем — жизни настоящей, а не показной, жизни, полной искренних страстей, надежд и разочарований. Когда я приблизился к заветной двери, передо мной втиснулась запыхавшаяся Соседка. Теперь она совсем другой человек, «фигуристая баба» в духе откровенных вкусов здорового трудового народа и тайных помыслов гнилой интеллигенции. Лысеющие служащие с серыми язвенными лицами и в засаленных штанах и пиджаках стремятся прикоснуться к ней. Она чувствует это и напропалую кокетничает. Это вносит разрядку в злобную атмосферу переполненного автобуса. Мелькают улыбки.

Слышатся остроты. У библиотеки имени В. И. Ленина Соседка сошла — она тут работает библиографом. Перебежав на другую сторону улицы, она оглянулась на автобус и помахала рукой. Хорошо все-таки жить на свете, на котором существует такое чудо — преждевременно постаревшая и растолстевшая, злобная и добрая, глупая и мудрая, расчетливая и бескорыстная русская женщина! Меня толкают во все части тела, а я чувствую себя виноватым и прошу извинения у них за то, что я есть и что мешаю им жить свободнее и счастливее.

Национальный характер

От остановки до учреждения, где я работаю, иду с сотрудницей, которая является самым талантливым нытиком у нас в городе. Поскольку она идет со мной, она жалуется на боль в ногах.

— Вам хорошо, — говорит она, хромая на обе здоровые ноги, — у вас ноги механические. Никаких мозолей, никакого ревматизма. А у меня не ноги, а сплошная боль. Всю ночь глаз сомкнуть не могла, вены проклятые замучили. Вам, мужикам, хорошо, рожать не надо. Попробовали бы родить хотя бы одного, тогда узнали бы, почему фунт лиха. А мы...

Кто бы и в чем бы ни страдал, ей обязательно надо убедить собеседников в том, что ей еще хуже, что ей вообще во всем и всегда хуже всех. У вас, например, болит голова. «Это что, — говорит она, — это пустяк. Вот у меня болит голова, так болит! Еще немного, и я тапочки откину!» Слег сослуживец с инфарктом в больницу. «Это разве инфаркт? — говорит она, хватаясь за место, где по идее должно быть сердце. — Мне бы такой „инфаркт“, так я бы в соревнованиях по бегу участвовать стала. Вот у меня инфаркт, так инфаркт! Еще чуть — чуть, и я копыта откину!»

Эта женщина в такой форме выражает наше общее качество: мы гордимся тем, что живем хуже всех, что понесли кошмарные потери в сталинские годы и больше всех пострадали в войну. Мы гордимся и тем, что нам и в будущем не светит ничего хорошего. Когда мы собираемся вместе, мы хвастаемся не успехами и приятностями, а неудачами и неприятностями. Это качество есть наша психологическая самозащита. У нас нет надежды изменить свое положение и нет иных средств защитить свои души от разрушающих их страданий.

Русская романтика

В коридоре меня перехватил признанный пьяница моего отдела. Можете вообразить, что это за пьяница, если он считается пьяницей в группе, сплошь состоящей из алкоголиков. Он прижал меня к стенке, задышал в меня водочным перегаром, попросил «выручить до полочки». Его в партбюро и в дирекции наметили в качестве козла отпущения в проходящей кампании против пьянства, так что он и не пытается соблюсти даже минимальную осторожность и уже с утра напивается.

Этот человек тоже в нашем национальном духе. Если вы предложите пьющему русскому человеку вместо тошнотворной водки некий приятный на вкус и запах напиток, без головной боли и тошноты во внутренностях, он откажется. Что это за пьянство, если пить не противно, если не падаешь от бесчувствия, если не болит голова, не воротит с души и не тянет

похмелиться?! Без всего этого и дурак пьянствовать может! А ты вот попробуй по — нашенски, по — русски!

Сколько мыслителей безуспешно ломали голову над тем, почему русские предпочитают водку и самогон коньякам, вискам и прочим западным штучкам даже тогда, когда имеют возможность выбора. А между тем секрет прост: мы, русские, по натуре суть романтики. При чем, вы спросите, тут водка? А при том, что каждый раз, очухавшись от перепоя и чувствуя отвратность во всем организме и в мыслях, человек ощущает себя так, как будто он избежал смертельной опасности, вернулся с опасного для жизни боевого задания, случайно уцелел после страшного сражения.

Рабочее место

Не место красит человека, а человек место, — гласит старая поговорка. Вот почему у нас рабочие места выглядят так противно. Но несмотря на это я свое рабочее место люблю. Я руководствуюсь в данном случае принципом Блаженного «Возлюби свою помойку!». Ровно в девять ноль — ноль я вхожу в свою каморку, которую из вежливости и престижных соображений называю кабинетом. Отпираю ящички и шкафчики. Передвигаю телефонные аппараты. Заглядываю в мусорную корзину. Испытываю на прочность стул. Убедившись в том, что все на месте и все в порядке, сажусь на стул, слегка откидываюсь назад и вперяю взор в грязное пятно на потолке. Я ощущаю гармоническое единство со стулом, столом, мусорной корзиной и всем остальным Мировым Целым. Как хорошо, что есть такое замечательное учреждение, дающее мне хлеб насущный и эту каморку, отделяющую меня от остальной Вселенной и тем самым присоединяющую к ней! Я теперь не просто обрубок нормального человека, а исполинское неземное существо, мчащееся через бесконечное пространство в бесконечном потоке времени на гигантском корабле — планете. Как хорошо, что на потолке есть грязное пятно (откуда оно взялось?), на которое можно смотреть часами, освободив мозг от никчемных мыслей (все мысли вообще никчемны), а тело — от мелких эмоций (все эмоции вообще мелочны). Я мог бы попросить закрасить это пятно, но я это не хочу делать: благодаря ему я без всяких хитроумных буддистских приемов и йогических тренировок сразу же погружаюсь в состояние, являющееся вершиной человеческого бытия, — в состояние служебно — бюрократической нирваны. При полном коммунизме все люди будут начальниками и начальничками. Все будут иметь кабинеты и кабинетки. В них на потолке будут грязные пятна, глядя на которые люди будут коротать свое служебное время. Я бы определил коммунизм вообще как всеобщую служебно — бюрократическую нирвану. Кстати, у помоечных червей полный коммунизм есть изначально и конечное состояние.

Мое учреждение

Я работаю в Протезном комбинате имени маршала С. М. Буденного. Комбинат является образцово — показательным предприятием. За выдающиеся успехи во всякого рода социалистических соревнованиях комбинат награжден орденами «Знак почета», «Октябрьской Революции» и «Отечественной войны». О размерах комбината можно судить по таким данным: если бы всем гражданам Европы переломали руки и ноги, комбинат в течение пяти лет снабдил бы их всех протезами, вполне достаточными для того, чтобы добраться до ближайшего кабака и поднять стакан с алкогольным напитком до уровня рта.

Комбинат назван именем маршала С. М. Буденного, прославившегося в Гражданскую войну и

опозорившегося в войне с Германией. Какое, спрашивается, отношение имеет герой Гражданской войны к протезам рук и ног? Самое что ни на есть непосредственное. Во время Гражданской войны командарм Буденный самолично отрубил не одну сотню рук и ног. А сколько конечностей отсекла вся его Первая Конная армия, сосчитать невозможно. В двадцатые годы по инициативе Ленина в Партграде создали маленькую инвалидную артель по изготовлению искусственных рук и ног. На этой основе и возник комбинат, ставший теперь одним из крупнейших предприятий и исследовательских центров в стране. После войны с Германией комбинат посетил маршал К. Е. Ворошилов, тоже прославившийся в Гражданскую войну и опозорившийся в войне с Германией. Он-то и вспомнил о том, что его друг и соратник маршал Буденный со своими конармейцами не одну тысячу рук и ног отрубил. А сколько голов! В этом месте речи Ворошилова в зале начался гомерический хохот: комбинат еще не освоил протезирование голов. Вместе со всеми посмеялся и маршал Ворошилов. Тогда-то и началось движение за присвоение комбинату имени Буденного. Сначала хотели присвоить имя Ворошилова, но именем последнего уже был назван военный завод. В областной газете поместили фотографию с картины партградского художника, на которой был изображен командарм Буденный на лихом коне, отрубающий белому офицеру руку по самое плечо, подготавливая этим ударом максимальные условия для полного правостороннего рукопротезирования.

Наш комбинат можно рассматривать как миниатюрную модель всего нашего общества, причем — как модель, доведенную до степени карикатурной ясности. Это не моя идея — я до такого интеллектуального уровня не дорос. Это — идея Сергея Смирнова, сотрудника социологического отдела. В комбинате его прозвали Социолухом, так как он своей несдержанностью на язык отрезал себе всякую возможность сделать карьеру, хотя имел все данные для этого. Но я понимаю, что хотел сказать он. Если бы вдруг произошла мировая катастрофа и уцелел бы один наш комбинат, то из него через несколько поколений развилось бы все советское общество со всеми его частями, органами, свойствами.

Если бы вы попали на какое-нибудь собрание или совещание к нам, вас хватил бы удар либо от смеха, либо от ужаса. Когда наши руководители делают отчетные доклады, нам самим становится не по себе. В текущем году, — гремит, например, торжественный глас нашего директора Фрола Нилыча Дубова, — наш трижды орденоносный комбинат выпустил полных левоножных протезов двести тысяч штук, полных правоножных протезов — триста тысяч штук... (Оказывается, трудящиеся чаще теряют правую ногу, чем левую. Научного объяснения этому пока еще не найдено). Левоступных протезов выпущено... — продолжает греметь медью глас директора. — Леворучных долоктевых протезов... Левокистевых... Освоим выпуск праворучных протезов с автоматическим подъемом руки для приветствия... С автоматическим пожатием... И вот так глас Фрола Нилыча или другого ответственного лица гремит по два часа подряд, а то и того дольше.

Для посторонних и новичков наш комбинат дает материал для мрачных шуток. Новичков у нас, например, потчуют ужасным рассказом о том, как подрались два инвалида — испытателя у пивного ларька: один сбил другого на землю, тот же ухватил первого за ноги, появилась милиция, оба драчуна убежали, оставив у ларька один — свои ноги, другой — руки. Любимый анекдот у нас — о том, как молодой парень женился на пожилой женщине с квартирой и дачей (брак по расчету). Стали они после свадьбы спать ложиться. Жена отстегнула грудь и ногу, вынула челюсть и глаз. Молодой муж, однако, не смутился. Он отстегнул свой член, бросил его в кучу протезов и сказал: «А это мой вклад в нашу здоровую социалистическую семью!» Но люди очень скоро привыкают к особенностям нашего предприятия и начинают видеть в нем то, что обще ему с любым другим советским предприятием.

Комбинат недавно засекретили. Произошло это при следующих обстоятельствах. Один шутник вынес как-то номер стенной газеты из комбината и копию доклада секретаря партбюро и пустил это по рукам в городе. Весь город хохотал. Сначала решили, что это — «самиздат». Но КГБ разобралось, в чем дело, и комбинат на всякий случай засекретили.

Теперь за вынос из комбината даже пустяковой бумажки могут засудить. Теперь с сотрудников комбината берут подписку о неразглашении и осматривают при выходе.

Лозунги

Наш комбинат, как и всякое любое советское учреждение, украшен портретами классиков марксизма, руководителей партии и правительства, признанных писателей и ученых, космонавтов и прочих важных лиц, а также лозунгами. Лозунги разделяются на такие категории: 1) эпохальные (вроде «Да здравствует коммунизм — светлое будущее всего человечества!»); 2) генеральные (вроде «Ускорение социально — экономического развития — закон нашей жизни!»); 3) конъюнктурные (вроде «Все на выборы!»); 4) локальные (вроде «Повысим качество супинаторов!»). Какие лозунги рекомендуется вешать в учреждении, решают на уровне райкома партии, а для предприятий союзного значения — на уровне обкома партии. Затем партийное бюро учреждения решает, какие лозунги и где следует вывесить во исполнение решения вышестоящей инстанции. Наш комбинат находится на особом положении. Потому эпохальный лозунг на главном корпусе был отобран и одобрен в ЦК в Москве, генеральные лозунги на прочих корпусах и внутри цехов и отделов были рекомендованы обкомом партии, конъюнктурные — райкомом партии, а локальные — партийными бюро комбината в целом, цехов и отделов. Так что когда я движусь к своему рабочему месту, я первым делом зрю эпохальный призыв нашей партии вести за собою все прогрессивное человечество. На здании нашего отдела я с умилением читаю призыв догнать и перегнать передовые страны Запада в экономическом отношении. Стены моего кабинета украшены призывами шагать в ногу с требованиями перестройки. Причем это — не случайные совпадения и не измышления остряков. Это — продукт долгих раздумий идеологически грамотных руководителей.

Атом

Если охарактеризовать одним словом наш век, то это слово будет «Атом». Для нас, жителей Партграда, это слово обозначает атомное предприятие неподалеку от города, играющее в нашей жизни особую роль. А для таких инвалидов, как я, оно обозначает нашу личную судьбу.

Согласно нашей прессе, атомное предприятие около Партграда строилось как первое в мире предприятие такого рода для мирных целей. За строительством как-то само собой закрепилось название «Атомград» или короче — «Атом». Строился «Атом» главным образом силами заключенных. Их большими партиями пешим ходом пригоняли на стройку из исправительно-трудовых лагерей, которых было множество в области. По истечении некоторого срока их куда-то увозили в товарных вагонах с заколоченными окнами и с усиленной охраной.

С началом стройки вся область украсилась плакатами и лозунгами, из которых было видно, что у нас «атом поставлен на службу мира и прогресса», тогда как на Западе он «служит целям подготовки новой мировой войны и интересам империализма». На одном из плакатов был изображен советский мирный атом и американский военный. Советский был одет в комбинезон рабочего и держал в руке молот. Американский был вооружен до зубов, в руках держал бомбу. Советский бил американского по голове молотом. Американский корчился от бессильной злобы.

С первых же дней строительства весь район «Атома» стал секретным. Въезд и выезд из него разрешался только по особым пропускам. О районе ходили самые противоречивые слухи. По одним слухам там был рай земной, все было в изобилии и почти бесплатно, как при полном коммунизме. По другим слухам там поселили заключенных, осужденных на большие сроки или на смертную казнь, которую им заменили опасной для жизни работой в условиях повышенной радиации.

Прошли годы. «Атом» стал привычным элементом жизни области. Многих выпускников институтов и техникумов Партграда направляли на работу в «Атом». Они соглашались на это, соблазняясь выгодными условиями (квартира, повышенная зарплата, удвоенный отпуск, лучшее снабжение) и надеясь на то, что их минует участь, о которой ходили мрачные слухи. Вместе с тем в «Атом» высылали из города лиц, уклоняющихся от трудовой деятельности, пьяниц, хулиганов, спекулянтов и «внутренних эмигрантов», то есть тех, кто подпал под «тлетворное влияние Запада».

В питейных заведениях города стали появляться забулдыги с толстыми пачками денег, которые они проматывали за один вечер. Их вылавливала милиция и отправляла обратно в «Атом». Эти забулдыги рассказывали, что они порою за один час на каких-то «сверхсекретных работах» получали денег столько, сколько получали рабочие в городе за целый месяц. Правда, от такого часа их жизнь становилась короче по крайней мере на десять лет. Но зато они могли себе позволить хотя бы один день пожить «по — коммунистически», то есть промотать деньги с первыми встречными проходимцами, упиться до бесчувствия и оказаться в больнице, из которой они уже не возвращались.

Город уродов

С первых же дней существования «Атома» там что-то случилось непредвиденное. В результате там стали рождаться дети-уроды. С годами случаи рождения таких детей стали учащаться. Наиболее радикально мыслящие партийные руководители, составившие теперь опору горбачевского руководства в области, высказывались зато, чтобы вообще прекратить деторождение в «Атоме», превратив его в исправительно — трудовой лагерь, полностью изолированный от общества. Но их смелым и весьма прогрессивным идеям не суждено было осуществиться. Но не из-за консерваторов и бюрократов, совавших палки в колеса горбачевского прогресса, а по той простой причине, что дети — уроды стали рождаться и в других районах области, удаленных от «Атома», и даже в самом Партграде, причем в различных слоях населения, включая и высшие. Очевидно, к усиленной радиации присоединилось влияние химии, фармацевтики, алкоголизма и других фактов нашего образа жизни. Перед нашим руководством встала задача не столько бороться с этим явлением, сколько скрывать его. В связи с горбачевской установкой на гласность в наших газетах стали появляться статьи об инвалидах от рождения. Наконец-то официально признали факт их существования. Но при этом упор сделали на следующие обстоятельства: 1) на Западе таких детей — уродов рождается больше, чем у нас; 2) у нас инвалидов от рождения не уничтожают, как это имело место в Спарте, а сохраняют им жизнь; 3) у нас дети — инвалиды воспитываются в здоровой среде и принимают участие в жизни общества как полноценные граждане.

Помимо инвалидов, производимых в нашей области, в Партград стали стекаться инвалиды со всех концов России. Это произошло потому, что в Партграде построили больницу союзного значения для людей, ставших инвалидами и нуждающихся в протезировании или в приспособлениях, компенсирующих потерянные или недоразвитые органы. Кроме того, в городе построили больницу для детей — калек, два интерната для инвалидов от рождения и

дом для безнадзорных инвалидов. Построили эти заведения именно в Партграде, руководствуясь тем, что город расположен в глуши России, куда иностранцы вообще и не помышляли совать нос. Кроме того, сосредотачивая эти заведения в одном месте, рассчитывали на то, что инвалиды в массе себе подобных будут не так остро переживать свои уродства и образуют некое подобие здорового общества. Наконец, таким путем легче решалась проблема трудоустройства — для инвалидов специально создали предприятия (инвалидные артели), соответствующие характеру их инвалидности.

Инвалиды ужасающе пьют и ведут трущобный образ жизни, заражая этим остальную, здоровую часть населения. Многие становятся преступниками. Один из исправительно — трудовых лагерей области почти полностью укомплектован инвалидами. Этот лагерь особо секретный. Если бы о нем узнали на Западе, была бы большая потеря для советской репутации. По бытовым преступлениям Партград стал самым передовым в стране, оставив далеко позади себя самые бандитские города Америки. Сам начальник областного управления КГБ товарищ Горбань заметил по сему поводу, что если бы ввели социалистическое соревнование за Переходящее Черное Знамя, то последнее навечно водрузилось бы в Партграде. А председатель Горсовета сказал на том же заседании бюро обкома партии, посвященном вопросам жилищного строительства, что в Партграде надо в первую очередь построить новое кладбище для трудящихся, так как «инвалиды умирают в два раза чаще, чем здоровые люди».

Одним из следствий «Атома» явилось рождение довольно большого числа лилипутов. Сначала их, когда они подрастали, устраивали на работу в цирк. Когда же их число значительно возросло, из них создали ансамбль. Ансамбль пользуется успехом не только в области, но и по всей стране. Выступал он и в Москве и произвел там фурор. Его хотели было послать на гастроли за границу. Но испугались того, что самые талантливые актеры ансамбля, мечтающие о мировой славе в Голливуде, станут невозвращенцами. И гастроли отменили.

Другим следствием повышенной радиации явилось возникновение новых целебных водных источников, с помощью которых излечиваются некоторые виды рака. Правда, при этом люди заболевают другими видами рака. Но тут уж ничего не поделаешь: за здоровье надо расплачиваться. Наши ученые выяснили, что положительные следствия прогресса все же превышают отрицательные. Во всяком случае, они выяснили, что наша советская радиация гораздо здоровее и полезнее западной.

Отмечу, наконец, еще одно следствие нашей здоровой советской радиации: это — появление на колхозных рынках города овощей, которые надо есть с громоотводом в зубах. Берешь, например, огурец, подносишь ко рту, а между кончиком твоего носа и огурцом с треском проскакивает молния. Страшно, но зато занимательно. Потом в городе появилась водка, от одного стакана которой даже опытные пьяницы по нескольку дней ходят как одурелые. Дешево и эффективно. Водку так и стали называть «Особая радиоактивная». По слухам, ее гонят прямо в атомных реакторах из отработанного топлива. Помимо дешевизны и силы воздействия, эта водка имеет еще одно достоинство: милиция стала легко находить пьяных, валяющихся в самых невероятных местах, с помощью счетчика Гейгера.

Первыми уродами, родившимися в «Атоме», были я и Юрий Чернов, сотрудник группы моделирования, прозванный Теоретиком, поскольку он занимается общетеоретическими проблемами компенсации недостающих или недоразвитых частей тела. У меня от рождения недоразвиты обе ноги, а у него — руки. Но к несчастью для нас, у меня обнаружились средненормальные, а у него — выдающиеся интеллектуальные способности.

Я

Мое имя — Горев Андрей Иванович — является чисто условным. Мне его дали в специальном интернате для детей, которые рождаются калеками и от которых отказываются родители. О детстве и юности не хочу вспоминать. Мне повезло сравнительно с другими детьми. Началась какая-то кампания за приобщение инвалидов от рождения к полноценной социалистической жизни. Меня как одного из самых способных перевели в городской интернат. Потом я учился в Политехническом институте и стал конструктором и испытателем ножных протезов.

В первые же годы работы в комбинате я изобрел ножные протезы, гораздо более удобные выпускаемых комбинатом. Хотя всем были очевидны преимущества моих протезов, их все-таки отвергли. Почему? Потому что внедрение моего изобретения в производство принесло бы мне славу изобретателя, большие деньги, повышение в должности и другие блага. Мои коллеги допустить этого не могли. Они тут трудятся годами, с великими усилиями продвигаются по службе и улучшают бытовые условия, а тут какой-то без году неделя инженеришка сразу делает карьеру!

Потом я усовершенствовал свое изобретение и сам изготовил себе протезы, мало что общего имеющие с первоначальным замыслом. Но это свое изобретение я храню в тайне. Когда мои коллеги удивляются тому, как я передвигаюсь, я говорю им, что я хожу на тех самых протезах, которые они отвергли. Они предпринимали и до сих пор предпринимают попытки спойть меня, чтобы одним выстрелом убить двух зайцев: испортить мое умение ходить и выведать секрет моих протезов.

Почему я держу свое изобретение в секрете? Я не эгоист и не тщеславен. Я делаю это из принципа: мне нужно лишь справедливое признание того факта, что это изобретение сделано именно мною, Горевым Андреем Ивановичем. Это — часть моего «я», а может быть, даже его основа. Если я доложу о нем в отделе, то самое большее, что я могу получить за него, — грошовая премия к празднику и благодарность в приказе директора. В число авторов изобретения немедленно вотрут высшие начальники из дирекции и отдела, а меня оттеснят на последнее место и в конце концов выбросят из списка. У нас это — обычное дело.

Профессия испытателя требует систематических тренировок. Стоит поддаться на минуту какой — либо человеческой слабости, и пиши пропало. Был у нас в отделе ручных протезов гениальный испытатель. У него не было обеих рук. Но он достиг такого совершенства в овладении протезами, что мог зажигать спички, писать, вдевать нитку в иголку, играть в волейбол с пенсионерами. Его показывали по телевидению. Передача была построена на контрастах. Показали безработных в Нью — Йорке. Здоровенный негр показал свои мощные руки. Диктор прокомментировал это так: он не имеет возможности использовать эти здоровые руки. Вслед за негром показали нашего испытателя. Директор комментировал показываемые картины так: у нас даже такой человек является полноценным гражданином, обеспечен работой, имеет семью, отдыхает вместе со здоровыми людьми. Вскоре испытатель спился. Семья от него поспешила избавиться — его увезли в дом для безнадзорных инвалидов.

Я держусь. Не пью, не курю, регулярно делаю гимнастику, которую сам для себя изобрел. Я принял твердое решение так держаться до конца. Ради чего? У меня нет семьи и нет никаких родственников. Работу я выбрал волею случая, и она меня не захватывает настолько, чтобы отдаться ей целиком. Служебные успехи у меня мизерные. Никаких больших творческих открытий не предвидится. Я даже не могу реализовать мое же собственное изобретение. Я не способен вести образ жизни, доставляющий удовольствие телу. Я с рождения постиг, насколько поверхностна и неустойчива дружба. Поэтому я нуждаюсь в каких-то подпорках, чтобы не последовать примеру того испытателя и не сказать себе однажды: надоело играть в полноценного человека! Так вот, такими подпорками и являются для меня мои принципы. Ну и Невеста, конечно.

Начало трудового дня

Заняв свое рабочее место, я жду появления моих подчиненных — я заведу группой из пяти человек. Раздается стук в дверь, и они один за другим втискиваются в мой кабинетик. Мы здороваемся, перекидываемся шутками, сообщаем новейшие сплетни и слухи. Я говорю им, что сегодня беседую с самим директором, и прошу их на всякий случай быть на своих рабочих местах.

После моего жеста, означающего нечто похожее на «По коням!» или «По машинам!», мои подчиненные исчезают. А я, уставившись взором в пятно на потолке, предаюсь мечтам. Конечно же о ней, о Невесте. Почему она завладела моей душой? В ней нет вроде бы ничего особенного. И вместе с тем она есть чудо. Она — как наша русская природа: в нее надо долго всматриваться, чтобы заметить ее скрытую, глубокую и тихую красоту.

Но открывается дверь. В мой кабинетик вползает исчадие ада — уборщица. Она не здоровается. Мажет грязной тряпкой под. Бесцеремонно толкает меня — ей «работать надо, а они тут задницы просиживают!». Она, конечно, права. Но можно ли считать производительным трудом то, что работающие люди делают для паразитов? Я смотрю на уборщицу и вдруг замечаю в ней увядшие черты Невесты. Только в глазах у нее осталась лишь усталость, пустота, озлобленность.

Уборщица ушла. Я позвонил Невесте на работу. Сказал ей, что если она не выйдет за меня замуж, то я покончу с собой.

— Не торопись, — ответила она. — Умереть всегда успеется. А я подумаю, может быть, и в самом деле выйду за тебя. Чем не муж?! Зарабатываешь хорошо. Не пьешь. Не куришь. Комнату имеешь. И к другим бабам не убежишь!

Она засмеялась своей остроте. И я вместе с ней.

Дело

Большую часть рабочего времени мы, как говорится, переливаем из пустого в порожнее, то есть зеваем от скуки, пересказываем сплетни и анекдоты, перелистываем никому не нужные бумаги, проводим еще более ненужные совещания и собрания. Делаем, конечно, и то, что обязаны делать по должности. На это полезное дело хватило бы и пары часов, если бы мы работали непрерывно и интенсивно. Но мы растягиваем его на восемь часов. Происходит это не из-за нашей природной лени, а из-за объективных законов организации совместной деятельности многих людей. Требуется именно восемь часов полубезделья, чтобы сделать дело, которое независимый от коллектива работник мог бы выполнить за пару часов. Упомянутый мною Социолух предложил измерять производительность труда наших учреждений отношением индивидуального времени, необходимого для осуществления деловых функций, к коллективному времени, фактически затрачиваемому на осуществление этих функций. Для меня эта величина — одна четвертая. Это еще довольно высокий коэффициент производительности или, точнее говоря, занятости. Больше половины наших сотрудников имеют коэффициент одну десятую, а некоторые — даже одну сотую. К числу последних относятся, например, представители КГБ и армии на комбинате: Они торчат на работе по восемь часов каждый день, хотя их месячную работу можно выполнить за один час.

Многие читают во время рабочего дня художественную литературу — одно из условий, благодаря которому наша страна стала самой читающей страной в мире.

Между стеклами жужжит и бьется муха. По ее поведению нельзя установить, куда она рвется — на улицу или в кабинет. Муха мешает сосредоточиться. Пришлось встать. А мне труднее всего даются переходы из сидячего положения в стоячее и обратно. Я открыл форточку. Муха улетела на улицу.

Решил просмотреть материалы, которые я сегодня должен представить директору. Комбинат готовит коллективный труд об инвалидах. Руководителем авторского коллектива считается сам директор. Директор возлагает большие надежды на этот труд: он рассчитывает благодаря ему стать членом — корреспондентом Академии наук и получить Ленинскую премию. Задача моей группы — подготовить тот раздел в книге, в котором речь должна идти о ножных протезах, позволяющих ножным инвалидам «шагать в едином строю строителей коммунизма». Сегодня я должен лично ознакомить директора с ходом работы группы над этим объектом, минуя стадию отдела, — директор не любит заведующего нашим отделом Грбового.

Полагайтесь сами на себя, не зависьте ни от кого другого, — учил Будда. У нас это исключено. Попробуй уклонись от зависимости от директора, заведующего отделом, партийного бюро и массы твоих сослуживцев! Наша проблема — как жить в условиях постоянной зависимости от других. Человек, который в наших условиях попробует всерьез следовать учению Будды, скоро окажется в психиатрической больнице или в «Атоме». А славное — мы не хотим уклоняться от этой зависимости. Иногда посетовать на нее — это можно. Но жить без нее мы не можем. Я не мыслю своей жизни без моего учреждения, моих сослуживцев, директора, партийного бюро.

Директор

Позвонила секретарша директора: Сам ждет меня. И я двинулся в дирекцию с «материалами» для Самого. Если бы вы знали, что это такое! Но начальство именно ничемнейшие материалы ценит превыше всего — они как будто специально создаются для отчетов и пускания пыли в глаза. Раньше я пытался украсить такую белиберду оригинальными мыслями. Меня за это сначала высмеял заведующий нашего отдела Грбовой, затем — сам директор, предшественник нынешнего. И с тех пор я готовлю голые факты, предоставляя возможность одевать их подходящим образом болтунам и бездельникам из реферативной группы, доводящей поступающие снизу «материалы» до нужной (с точки зрения начальства) кондиции.

Секретарша приглашает меня в кабинет Фрола Нилыча. Он сидит за гигантским письменным столом, уставленным всеми необходимыми вещественными атрибутами большого начальника, и делает вид, будто занят важным государственным делом, хотя именно мои идиотские «материалы» и есть сейчас самое важное государственное дело. Наконец Фрол Нилыч поднимает голову и замечает мое присутствие. Сесть мне он не предлагает. Я кладу папку с «материалами» перед ним. Он начинает их листать. Я даю пояснения. Вдруг он замирает, его обычно бегающие глазки стекленеют, пухлый указующий перст упирается в наугад выбранную строку.

— А это как понимать? — произносит он металлически — ледяным тоном. — Ох, Горев, вечно с тобой горе!

— Это по указанию товарища Грбового вставлено, — говорю я.

— Ах вот оно что, — усмехается Фрол Нилыч. — Гробовой вечно отсебятиной занимается. Так ведь все дело угробить можно.

Фрол Нилыч слегка хихикает, довольный тем, что два раза сострил — за счет моей фамилии и фамилии Гробового. Закончив просмотр «материалов», он дал мне еще две недели на их доработку. Это — обычная проформа, а не проявление доброты или разума. Я уже собрался покинуть кабинет, как он неожиданно спросил меня, как я поживаю.

— Отлично, — ответил я.

— Это ты молодец, что отлично живешь, — сказал он. — Так и живи! В нашем обществе мы обязаны жить не просто хорошо, а именно отлично. И пример всем показывать.

Разговор по душам

Я уже был в дверях, когда он попросил меня вернуться.

— Я хочу поговорить с Вами, товарищ Горев, по душам, — сказал он, перейдя на «Вы» и избегая смотреть мне в глаза. — Гробовой утверждает, что Вы изобрели новые чудесные протезы, но скрываете свое изобретение.

— Я ничего не скрываю. Чертежи моих протезов имеются в отделе и в дирекции. Если Вы мне не верите, пригласите сюда Гробового и других. Я разденусь и покажу, что передвигаюсь на тех самых протезах, а не на каких-то других, которые я якобы держу в секрете.

— Что Вы! Я Вам верю. Но Гробовой утверждает, что на тех протезах Вы не смогли бы так двигаться, как Вы это делаете. Теоретически невозможно. В чем тут загадка?

— Протезы сами по себе, какими бы чудесными они ни были, недостаточны. Нужна еще определенная тренировка тела, чтобы ими овладеть.

— Разумно. Но ведь и раньше так делали.

— Нужен другой тип тренировки.

— Прекрасно! Вот и опишите ее. И представьте в отдел. Или прямо в дирекцию.

— К сожалению, не могу. Я новую технику овладения моими протезами выработал лично для себя. Для других она пока еще не годится.

— Что Вы предлагаете?

— Выпустить по крайней мере сотню опытных образцов моих протезов и начать их испытание. Приспособить их к особенностям испытателей. Через год можно будет сделать первые обобщения, внести улучшения в конструкцию протезов и выработать правила тренировки и техники передвижения. Это же обычное дело во всяких экспериментальных исследованиях. Гробовой со своими колясками уже пять лет экспериментирует. Почему бы не попробовать с моими протезами?

— Разумно! Изложите Ваши соображения на паре страниц. Я попробую на Ваши эксперименты выбить дополнительные средства.

Такой «разговор по душам» у меня с директором происходит не в первый раз. Он каждый раз обещает «выбить средства». И каждый раз забывает об этом. А я не придаю этому значения,

У нас охотно отпускают средства на всякую халтуру и ерунду, но не на серьезное дело, сулящее успех рядовому изобретателю. Эксперимент Гробового с украденными в ФРГ инвалидными колясками стал предметом насмешек в комбинате. Но средства на них выделяются регулярно, причем — во все возрастающих размерах.

Коллектив

Основная часть нашей жизни проходит там, где мы работаем. С работой связаны и наши главные страсти. Мы все средства существования получаем в своем учреждении или через него. Здесь мы добиваемся улучшения жизненных условий, продвижения по службе. От взаимоотношений с другими сотрудниками учреждения зависит наша судьба. Бывают, конечно, исключения. В социологическом отделе работает, например, сын второго секретаря горкома партии. Он, конечно, имеет привилегии. Через год работы в комбинате он стал заведующим группой. Через два года защитил кандидатскую диссертацию. Он имеет шансы стать заведующим отделом. Но его это не устраивает. Говорят, что он уходит от нас в университет заведовать кафедрой. Через несколько лет он станет деканом факультета. И если его отец поднимется еще выше, то он может стать ректором университета. Другой молодой инженер как-то ухитрился познакомиться с дочкой самого Сусликова и женился на ней. Вскоре он стал секретарем районного комитета комсомола, затем — городского комитета. Парень он хваткий, наверняка сделает партийную карьеру. Но такие случаи, повторяю, суть исключения. В стране не так уж много дочек высокопоставленных начальников, готовых выйти замуж за парней из низших социальных слоев. Да и сыновья таких начальников предпочитают начинать свою карьеру в более интересных учреждениях, чем такие, как наше. Подавляющее большинство сотрудников наших учреждений суть простые смертные, судьба которых всецело зависит от положения, поведения и репутации в коллективе.

Но дело не только в этом. Для более или менее нормальной жизни человек нуждается в регулярных и разнообразных общениях с другими людьми. Человек нуждается не столько в информации, сколько в живом общении. В обычном коллективе есть все типы людей и возможности для всех необходимых форм общения. Пара слов с одним сослуживцем, пара слов — с другим, пара слов — с уборщицей, пара слов — с секретаршей... Тут как в еде: нужно разнообразие. Нужно общение не только с хорошими людьми, но и с плохими; не только с умными, но и с глупыми, не только с честными, но и с жуликами.

Кроме того, человеческая жизнь есть спектакль. Каждый стремится сыграть в нем роль поинтереснее. Наш жизненный спектакль проходит в основном на работе. Он настолько захватывает нас, что мы его продолжаем и в остальное время суток.

Когда я поступил на работу в комбинат, тут только еще началось разделение на научно — экспериментальную и производственную часть. Мы с Гробовым создали небольшую группку ножного протезирования. Гробовой был вполне здоровым человеком. И образование у него было какое-то мясомолочное. Говорили, что он когда-то вместе с Сусликовым учился в мясомолочном техникуме. Но он был ловким проходимцем. Естественно, он взял инициативу в свои руки. Сначала он предоставил весь научный аспект дела в мое распоряжение. Но когда стало ясно, что «наука» в нашем деле была доступна даже коровьим мозгам, он отпихнул меня на роль рядового конструктора. И если я поднялся до уровня заведующего маленькой группкой, то это произошло благодаря научно — техническому прогрессу, который заключался в стремительном росте числа людей, пожелавших посвятить свою жизнь ножному протезированию. В этом деле Гробовой оказался вполне на своем месте.

По мере роста числа сотрудников в нашей исходной группе происходило разделение на более мелкие группы. Сначала мы разделились на две группы — на группу левой и группу правой ноги. Затем возникли группы ступни, доколennых протезов, координации движений, двусторонних полных протезов. Последняя после длительной борьбы досталась мне. Так образовался отдел. Сейчас у нас работает более ста человек. Общими усилиями мы сделали Гробовому диссертацию, и он стал заведующим отделом.

Мне не раз намекали на то, что и мне пора остепениться. Но одно дело слова, а другое — дела. Как только я начинал делать практические шаги в этом направлении, все настораживались и чинили всяческие препятствия. И те же самые «доброжелатели», которые раньше говорили, что я больше всех в комбинате заслуживаю докторскую степень, говорили теперь, что мне ни к чему и кандидатская диссертация.

Короче говоря, после нескольких попыток я махнул на эту затею рукой. Это истолковали однозначно: мол, не тянет даже на кандидата. Теперь, когда встает вопрос о моем продвижении по службе, мою кандидатуру отклоняют, ссылаясь на недостаток образования.

Обеденный перерыв

Наступил обеденный перерыв. Я с Социолухом и Теоретиком направляюсь в столовую. Для таких холостяков, как мы, столовая комбината есть основной источник питания. Надо сказать, что сравнительно с городскими столовыми у нас кормят совсем неплохо. Но только сравнительно. Семейные сотрудники и женщины, готовящие себе еду дома, нашу столовую игнорируют как «средство для катара и язвы желудка». Они ограничиваются тем, что получают по именному списку продукты, которые в городе купить невозможно или на поиски которых нужно потерять много часов. Фактически это — замаскированная карточная система.

Мы занимаем облюбованный нами столик. Во время еды ведем бесконечные разговоры. Вернее, говорят они, а я терпеливо слушаю. Для них я идеальный слушатель. Я действительно слушаю их с интересом, а главное — они уверены, что я не украду их идеи и не донесу на них куда следует. Сегодня Социолух рассказал нам следующее.

По словам Социолуха, у нас в городе работала московская группа социологов, врачей и психологов. Работала, конечно, секретно. И результаты ее исследований были сверхсекретными. Но о них все же упомянули на заседании бюро обкома партии. Вот некоторые данные. Рождаемость инвалидов растет, а смертность сокращается. Почему растет рождаемость, объяснять не нужно. Смертность же сокращается за счет усилий медицины и заботы государства об инвалидах. Рождаемость здоровых сокращается. В России в среднем приходится теперь чуть побольше одного ребенка на семью. Число бездетных семей растет. Причем дело с потомством у инвалидов обстоит хуже, чем у здоровых. Но ведь инвалидов производят в основном здоровые. А главное — психическое состояние здоровых. По данным упомянутой группы, шестьдесят процентов взрослого населения так или иначе больны психически. Наш город фактически исследует опытным путем, как будет существовать будущее глобальное общество уродов. И надо признать, что эксперимент проходит блестяще, и результаты его — это очевидно уже сейчас — будут положительными. Оказывается, общество может быть вполне нормальным, если даже оно сплошь состоит из уродов. А общество из нормальных людей может быть ненормальным.

— Нам представляется неповторимый случай вписать свои имена в историю человечества, — закончил он свою речь, — разработав социологическую теорию общества уродов на основе нашего эксперимента. В далеком будущем, если мы не упустим этот случай, наши имена будут фигурировать в памяти людей наряду с именами Платона, Аристотеля,

Макиавелли, Руссо, Гоббса, Маркса и других великих мыслителей прошлого.

Таковы маниакальные замыслы Социолуха. А мои замыслы суть замыслы червяка, по непонятным ему причинам выползшего на тротуар и боящегося быть раздавленным потоком богов — прохожих.

Червячный эксперимент

Когда я подросток и осознал себя в качестве уроды, я сделал попытку покончить жизнь самоубийством. Потом мне было стыдно оттого, что моя попытка оказалась неудачной. Я был рад, что выжил. И от этого (оттого, что был рад) мне тоже было стыдно. После этого я всю мою сознательную жизнь был захвачен своим уродством. Я думал о нем дни и ночи, будучи не в силах от него оторваться. Как только я пытался отвлечься на что-то другое, реальность немедленно возвращала мои мысли и чувства все к тому же: я — урод.

Я не могу пожаловаться на окружающих. Они сделали много, чтобы облегчить мои страдания. С этой точки зрения — оказывать внимание несчастным — наше общество является, может быть, лучшим в истории. Конечно, это качество оно проявляет до тех пор, пока ты остаешься внутри своего коллектива, не предпринимаешь ничего для того, чтобы возвыситься над общим уровнем, не нарушаешь принятых норм поведения, не вступаешь в конфликт с властями, короче говоря — если ты являешься образцовым калекой и позволяешь окружающим продемонстрировать на тебе их великодушие, доброту, отзывчивость. Эту истину я понял значительно позже. Но вначале я искренне верил в то, что окружающие меня люди хотели мне добра исключительно ради меня самого. Когда я начал работать в комбинате и предложил начать разработку проблемы использования биотоков организма для создания ручных и ножных протезов, меня немедленно «поставили на место». Эту идею мне так и не удалось реализовать. Говорят, что этой проблемой занимаются у нас в секретных отделах. Но результатов пока что не видно.

Встретив такое, тогда — неожиданное, сопротивление со стороны сослуживцев, желавших мне добра, я постепенно переключил все свои силы на другую, мою личную проблему: сумею ли я в одиночку прожить жизнь, достойную Человека? Я начал ставить свой эксперимент, пусть мизерный с точки зрения общества, зато грандиозный с моей личной точки зрения. Суть моего эксперимента в двух словах такова: способен ли я сохраниться в качестве личности с теми данными, какие я имею, и в том виде, как я себе представляю личность, имея в качестве судьи лишь самого себя и не имея никаких союзников, идущих со мною до конца? Иначе говоря, достаточен ли человек для самого себя в качестве опоры и критериев личности?

Именно в такой словесной форме я осмыслил свой эксперимент для себя много позднее. А вначале я действовал безотчетно и порою лишь из духа протеста. Например, я сказал себе, что не буду пить алкогольные напитки. И сдержал свое слово не из страха превратиться в алкоголика, а из принципа: что же я такое, если не способен сдержать данное себе слово! Мои сослуживцы предпринимали титанические попытки, чтобы напоить меня. И тоже не из желания причинить мне зло, а из принципа: они пьют, а тут какой-то жалкий калека строит из себя трезвенника! Потом я дал себе слово не вступать в связь с женщиной, которую я не люблю и которая не любит меня. Сексуальные отношения для человека, решил я, должны быть символом и проявлением любви, а не просто физиологией. Мне стоило больших трудов устоять и не нарушить свое слово. За этими клятвами последовали другие, касающиеся отношений с сослуживцами, соседями, начальством. Короче говоря, я как-то незаметно окружил себя всякого рода ловушками, заборами с колючей проволокой, рвами, минными полями и прочими средствами самоограничения. Когда я опомнился, было уже поздно.

Передо мной было два пути: капитулировать перед обществом людей без таких самоограничений или доказать самому себе, на что я способен. Подсознание мое сработало в пользу второго пути. Первый путь означал для меня стремительную гибель. На моих глазах люди, которые казались твердыми как скала, терпели сокрушительный крах и погибали из-за какой-нибудь ничтожной уступки окружающим их доброжелателям.

Шли дни, месяцы, годы. Окружающие ни на минуту не оставляли своих стремлений вовлечь меня в нормальную с их точки зрения жизнь. Искушение плюнуть на все свои клятвы и стать таким, как все, тоже не покидало меня ни на минуту. Но я сам все с большим остервенением повторял свои клятвы, отражал атаки ближних и внутренние искушения. Я с маниакальной настойчивостью поправлял свои защитные сооружения и создавал новые. Я зашел слишком далеко в себе самом, чтобы пойти на уступки.

Жизненные спектакли

Наш отдел соревнуется с отделом ручных протезов в претворении в жизнь решений XXVII съезда партии. Это — не пустая формальность. Если мы займем первое место, многие получают награды, а кое-кто продвигается по службе. Если слухи насчет перевода директора в Москву верны, то Гробовому первое место нужно до зарезу: он претендует на пост директора. Начальство к отделу будет относиться лучше. Жить станет чуточку приятнее. На собраниях хвалить будут, что тоже не так уж маловажно. Но вот появились признаки, что наше первое место под угрозой. Гробовой собрал «командный состав» отдела (заведующих группами, секретаря партбюро, секретаря комсомола, председателя профкома, редактора стенной газеты) в своем кабинете.

— Не видать нам первого места, — со вздохом говорит склонный к панике Гробовой.

— Почему же не видать? — спокойно возражает председатель профкома. — Есть два способа уйти вперед: один — самим оторваться от противника, другой — помешать противнику...

— Что ты имеешь в виду? — оживляется Гробовой. — Шубина?..

Шубин — это ведущий алкоголик из конкурирующего отдела, тянувший отдел назад и совавший палки в колеса новому курсу партии, как о нем было написано в стенной газете.

— Он бросил пить, — уныло сказал секретарь партбюро, — и это зачтется в заслугу их отделу. А наши пьяницы пьют пуще прежнего. Сидоров опять в вытрезвителе оказался. Последнее предупреждение от милиции. Еще такой случай, и его вышлют из города.

— Кто поверит, что такой старый алкоголик, как Шубин, бросит пить совсем ради какого-то первого места в соцсоревновании, — говорит заведующий группой инвалидов колясок.

— Никто! — заорали в один голос «командиры» отдела.

— Верно, — соглашается председатель профкома. — Ассигнуем нашим пьяницам пару сотен. Я думаю, профсоюзная организация может раскошелиться на это культурное мероприятие. И...

— ...и через пару дней в комбинат придет «телега» из вытрезвителя на Шубина и бумага из милиции о его непристойном поведении в общественных местах! — восклицает заведующая супинаторной группой.

— Шутки в сторону, — с надеждой в голосе говорит Гробовой. — Культурные мероприятия действительно дело важное. Если профком...

— Между прочим, — тихим голосом говорит секретарь комсомольской организации Леночка, — заведующий конкурирующего отдела вроде бы амурные делишки с секретаршей имеет. Она сама хвасталась.

— Безобразие! — возмущается добропорядочный семьянин Гробовой. — Это нельзя оставлять без внимания!

— Верно, — поддакивает председатель профкома, — к этому факту надо привлечь внимание общественности. Я думаю, это надо осветить в стенной газете. Семью спасти надо. Письмо жене написать надо. Она у него боевая, шум на весь город поднимет.

Не думайте, что мы — безнравственные злодеи. Во — первых, сотрудники конкурирующего отдела ничуть не лучше нас. Во — вторых, они сами обольют нас еще большей грязью, чем мы их. А в-третьих, мы спасем здоровую социалистическую семью морально разлагающегося заведующего отделом ручного протезирования. Гробовому это доброе дело особенно по душе: он подставит ножку конкуренту. А то, что мы вернем Шубина в ряды выдающихся алкоголиков города, это ничего не значит, так как он вернулся бы в эти ряды и без нашей помощи.

Затем мы перешли к основному пункту совещания. Милиция обнаружила, что работники нашего склада продавали протезы в колхозы, где их выбрасывали, используя лишь отдельные металлические детали для ремонта сельскохозяйственных машин. Если дело дойдет до суда, первого места в соцсоревновании нам не видать как своих ушей. Гробовой сказал, что это дело он берет на себя, — районный прокурор его старый приятель. Наша задача — пресекать вредные слухи и сплетни на эту тему в отделе.

Общественная работа

Как член партии я имею общественную нагрузку — занимаюсь в пропагандистском семинаре повышенного типа при райкоме партии и сам являюсь лектором райкома. Поэтому я должен регулярно читать газеты, журналы, сочинения классиков марксизма, партийные документы и речи вождей всех рангов. Но в этом есть и свой плюс. Таким путем я слежу за событиями в мире и общаюсь с людьми. Как лектор я имею успех, и это приятно. За лекции я получаю немного денег и иногда премии. В прошлом году я получил бесплатную путевку в санаторий в Крым.

У меня нет никаких иллюзий насчет нашего общества. Недостатки его мне известны не хуже, чем диссидентам и «критикам режима». Но я принимаю наше общество и наш образ жизни как природную данность. Я не вижу возможности изменить ее к лучшему. Да и не хочу менять. Я не верю в то, что перемены приведут к улучшению жизни для тех слоев населения, к которым принадлежу я. А концентрировать свое внимание на негативных сторонах жизни — значит портить и без того не очень-то приятную жизнь. В партию я вступил вовсе не из карьеристских соображений, как и большинство рядовых членов партии. Благодаря партии я могу более активно участвовать в общественной жизни. Какими бы формальными и скучными ни были партийные собрания и партийные поручения, я от них не откажусь ни в коем случае. Они делают связь человека с обществом прочнее и разнообразнее. А для такого инвалида, как я, это вдвойне важно. Я был бы счастлив, если бы меня выбрали в партийное бюро комбината или хотя бы отдела. На каждом отчетно — перевыборном собрании я попадаю в список кандидатов. Но каждый раз мне дает отвод Гробовой, мотивируя это тем, что мне

физически было бы трудно выполнять функции члена партбюро. Все понимают скрытую суть отвода Гробоного, но соглашаются с ним.

Конец трудового дня

В шесть часов звонок оповестил сотрудников комбината о том, что трудовой день окончился и они могут ринуться в свою столь же трудовую личную жизнь. Я прячу свои бумаги в ящики и шкафы, запираю их, закрываю форточку, игнорируя то, что между стеклами оказалась в заточении другая муха, и покидаю вместе со всеми комбинат.

— А почему ты решил, что это — другая муха? — спрашиваю я себя, спускаясь по лестнице.

— А потому, — отвечаю я на свой вопрос, — что та муха, наученная горьким опытом, вряд ли отважилась бы вторично пуститься в столь опасное приключение.

— А много ли уроков мы, люди, извлекаем из своего печального опыта, — не сдаюсь я. — Так чего же ты хочешь от простой мухи?!

Я шагаю к проходной, где меня обыскивают охранники, дабы я не вынес из нашего секретного учреждения какую-нибудь государственную тайну в виде супинаторов, костылей или протезов. Это выглядит довольно комично, так как метрах в ста от проходной сломан забор. Большинство сотрудников пользуются брешью в заборе, минуя проходную. И уносят с собой все, что плохо лежит и хоть как-то может пригодиться в хозяйстве. Шайка жуликов, переделывающих инвалидные коляски на тачки, существует полулегально. Я такие тачки видел у многих наших сотрудников на дачах и садово — огородных участках.

По пути к автобусной остановке меня догнал заведующий группой инвалидных колясок. Попросил занять пятерку до получки. Я сказал, что сам собираюсь заниматься. Он удивился: я же непьющий, алиментов не плачу, у меня же денег — куры не клюют. Я сказал, что на мою зарплату теперь и курицу не прокормишь. Он буркнул, что странно слышать такие политически незрелые мысли от старого члена партии. У заведующего — язва желудка. Он очень страдает. Но не оттого, что у него язва, а оттого, что из-за язвы он не может пьянствовать так, как пьянствовал раньше. Я заметил, что люди вообще больше страдают не столько от своих пороков, сколько оттого, что им мешают предаваться им. Порок есть падение, добродетель — карабканье вверх. Падать легче. И какое-то время приятнее. Падение некоторое время ощущается как полет. Алкоголик, о котором я уже упоминал выше, утверждает, что несколько минут божественного состояния во время перехода из трезвости в пьяность стоят десяти лет унылой трезвости.

Наш район

Я живу в новом жилом районе, который расположен в десяти километрах от комбината. Чем, спрашивается, думало областное руководство, приняв решение построить жилой район для рабочих и служащих в десяти километрах от места их работы?

Район назван был Новыми Липками в подражание Московским Новым Черемушкам. Строился район как образцово — показательный, то есть с расчетом на граждан с высоким уровнем коммунистической сознательности: в нем не построили никаких питейных заведений, хотя построили вытрезвитель. Местные пьяницы в связи с этой несуразностью засыпали

жалобами все областные и столичные учреждения. Возглавлял эту кампанию трезвенник, инженер с военного завода, прозванный за это Правдоборцем. Он стал самой популярной фигурой в городе. Даже центральный нападающий хоккейной команды не мог сравниться с ним по популярности. Его влияние тогда было сопоставимо с влиянием Римского Папы, когда тот посетил Польшу. Заяви тогда Правдоборец, что он отменяет советскую власть в области и передает власть пьяницам, народ пошел бы за ним. Но он почему-то не рискнул, как и папа римский не рискнул отменить социализм в Польше.

После открытия в Новых Липках питейных заведений тут началось такое безудержное пьянство, какого еще не знала история Партграда. Правдоборец на сей раз начал кампанию против пьянства. Но сограждане на сей раз игнорировали его призывы, и он вскоре был начисто забыт — поучительный пример тому, что слава преходяща. Рабочий класс и служащие района, ведомые беспартийными инвалидами, ударились в такое буйство, что в конце дня стало опасно в одиночку появляться на улице. В середине дня тоже. Парами тоже. Драки, грабежи, изнасилования и мелкое хулиганство стали неотъемлемыми атрибутами будней жизни Новых Липок. Праздников тоже, поскольку по праздникам пьянство удваивается на законных основаниях.

Первое, что вы видите при въезде в Новые Липки, это бронзовый бюст бывшему секретарю ЦК КПСС Портянкину на гранитном пьедестале. На бронзовом лбу Портянкина мелом написано знаменитое русское ругательство из трех букв.

Политический вандализм

Неприличные надписи на портретах вождей и плакатах, пририсовывание вождям усов и выкалывание глаз на портретах, осквернение памятников классиков марксизма — ленинизма и бюстов руководителей партии и правительства есть самое заурядное явление будней советской жизни. Это фактически стало таким же привычным делом для советских граждан, как посещение собраний и участие в демонстрациях. Кстати сказать, иногда это делается одновременно. Секретарь горкома партии по идеологии жаловался однажды, что после демонстраций больше половины портретов — транспарантов приходит в негодность из-за хулиганских выходок «безответственных лиц». Однажды я своими глазами видел пожилого отца семейства, награжденного орденами и медалями за трудовые заслуги, который, думая, что его никто не видит, написал на портрете Брежнева неприличное слово. Но в Партграде «политический вандализм» (это — газетное выражение) принял особенно грубые формы в связи с бюстом бывшего секретаря ЦК КПСС Митрофана Лукича Портянкина, установленным в Новых Липках. Бюст «воздвигли» (как писали газеты) после того, как Митрофану Лукичу в связи с тридцатилетием победы над Германией присвоили звание Героя Советского Союза «за выдающиеся заслуги» в организации партизанского движения в стране в период Великой Отечественной войны против Германии. Таким образом, к «Золотой Звезде» Героя Социалистического Труда, которую он получил как первый секретарь обкома партии, у Митрофана Лукича прибавилась «Золотая Звезда» Героя Советского Союза, и он получил право на бронзовый бюст на родине. В чем заключались «выдающиеся заслуги» Митрофана Лукича в войне, никто не знал. Впрочем, никто не знал и о заслугах самого Брежнева, который стал обладателем самого большого числа наград в истории человечества. Во время войны Митрофан Лукич был начальником гарнизонной бани и вошебойки в Партграде. Одновременно он числился командиром партизанских отрядов области, которые предполагалось создать на случай, если бы немцы оккупировали область. Но немцы до Партграда не дошли. Тем не менее Митрофан Лукич закончил войну в чине полковника и с десятком орденов и медалей. При Хрущеве он сделал карьеру на партийной работе. При Брежневе стал первым секретарем Партградского обкома партии и затем секретарем ЦК

КПСС.

Сразу же после торжественного открытия бронзового бюста Митрофану Лукичу на гранитном пьедестале появилось знаменитое ругательное слово из трех букв. Слово стерли, но оно появилось вновь. Так продолжалось две недели кряду. Начальник управления КГБ Горбань приказал учредить круглосуточное дежурство агентов КГБ около монумента. Но слово тем не менее появилось вновь. Когда Горбаню доложили об этом, он был настолько потрясен, что автоматически написал это слово вместо своей подписи под важным документом. После этого неприличное слово на монументе Митрофана Лукича перестали стирать. К нему привыкли и не обращали на него внимания. Но вот однажды пенсионеры, просиживавшие штаны на бульваре, где был установлен бюст, учуяли нехороший запах, исходивший от бюста. Приглядевшись внимательнее к подножию монумента, где по идее должны были бы находиться цветы от трудящихся, обожающих своих вождей, пенсионеры заметили большие кучи свежих человеческих экскрементов. Пенсионеры сообщили о своем открытии в Управление КГБ, решив, что тут «пахнет политикой». Пенсионеры в своем коллективном письме в КГБ писали, что «начав с обсирания монументов и портретов вождей, безответственные личности докатятся до того, что начнут в них стрелять и кидать бомбы». В Управлении КГБ состоялось чрезвычайное совещание по поводу «осквернения святынь».

— Надо портреты и лозунги вешать так, чтобы хулиганы не могли достать до них, — сказал в заключение товарищ Горбань. — А памятники надо сооружать так, чтобы обсирание их было сопряжено с непреодолимыми трудностями.

Клумбу вокруг бюста Митрофана Лукича засадили колючими кустарниками. И вражеские вылазки на данном участке строительства коммунизма сократились до терпимого уровня. Но не прекратились совсем. Прошло несколько недель, и монумент вновь стал предметом надругательств. Колючие кустарники выдрали с корнями.

Теоретик предложил внести в стихийное движение по осквернению монументов советским руководителям профессионально разработанную теоретическую программу борьбы, подобно тому как это было сделано со внесением социалистических идей в стихийное рабочее движение. Мне он предложил возглавить движение, делая упор на то, что мне колючие кустарники не страшны — мои протезы не чувствуют уколов колючек. Я поблагодарил за столь высокую честь, но от роли вождя такой вонючей оппозиции отказался. Теоретик сказал, что я упускаю неповторимую возможность прогреметь на весь мир и войти в число выдающихся поборников прав человека.

Путь к дому

Мой путь от автобусной остановки до дома проходит мимо пустыря, огороженного щитами. На щитах — лозунги и агитационные плакаты. К одному из щитов прилепился пивной ларек. Он давно закрыт. Но около него всегда толпится множество пьяниц самого низкого пошиба. Место удобное. После перепоя можно отсыпаться на пустыре. И спекулянты алкогольными напитками легко скрываются от милиции через пустырь.

На этот раз около ларька в грязи сидел одноногий мужчина. Он плакал, ругался и ломал свои костыли. Его собутыльники вопили от восторга и хохотали. Подъехали милиционеры на мотоцикле с коляской. Пьяного инвалида впихнули в коляску и увезли. Пьяницы разошлись. Около ларька остались валяться лишь сломанные костыли. Какой-то старик подобрал обломки и унес с собой, — авось пригодятся в хозяйстве.

Пока я наблюдал сцену у ларька, ко мне подошел Романтик. Сцена произвела на него

тяжелое впечатление.

— Что происходит, — сказал он с гневом в голосе. — Ведь это наши, русские люди! Люди, совершившие величайшую революцию в истории, выигравшие величайшую войну в истории. Ведь эти самые люди создали сильнейшую мировую державу! А каков итог?!

— А может быть, именно потому, что совершили, выиграла, создали, мы и имеем такой итог, — сказал я. — Может быть, эти великие деяния оказались не по плечу и не по нутру народу? Может быть, это — неизбежная плата за великую историческую миссию?

— Эти вопросы мне не по мозгам. Это вам, молодым, решать их. Сегодня мы разбирали дело восемнадцатилетнего мальчишки. Бросил институт. Заявил, что отвергает наш социальный строй. Что было с ним делать? Решили направить в психиатрический диспансер. Я голосовал против. Председатель комиссии посоветовал мне подать заявление о выходе из комиссии по состоянию здоровья. А что я без работы?!

— Если Вы чувствуете себя правым, сражайтесь!

— Не лицемерьте! Да и с кем сражаться? Как? За что? А Вы-то сами много сражаетесь?! Нет, молодой человек, суть дела посложнее этой примитивной морали.

Это на войне было ясно, где враги и где свои. Вы знаете, кто наши враги?

— Мы сами.

— Вот то-то и оно!

Наш дом

Наш дом ничем, кроме номера, от других домов района не отличается. Не буду описывать его архитектурные достоинства, ибо таковых нет. Не буду также описывать его бытовые достоинства, ибо таковых тоже нет. Такие дома называют «хрущобами». Но мы и этим домом довольны, ибо те дома, в которых мы жили ранее, хотя и не имели тоже никаких достоинств, зато имели бесчисленные недостатки.

Из дома доносятся крики. Это один из жильцов пытается вынести какую-то вещь из дома, чтобы продать ее за гроши и продолжить пьянку с заводскими друзьями, а супруга грозит выколоть ему глаза и засадить в каталажку на пять лет за «членовредительство» (он ей уже «подвесил фонари» под оба глаза). Ну, теперь в их дискуссии уже ничего не разберешь, так как живущий над пролетарием студент включил на полную мощность телевизор, чтобы не слышать воплей пролетария и его супруги.

Жильцы нашего дома образуют, несмотря ни на что, единую советскую семью. Вы бы поглядели, какое праздничное единодушие овладело всеми нами, когда наконец-то решили объявить войну тараканам в масштабах целого дома! После этой кампании все жильцы перешли на «ты» и три дня отмечали победу над тараканами шумными пьянками. Правда, через неделю тараканы появились снова: в соседнем доме добиться такого единодушия не удалось, и к нам пришли их тараканы. Но пережитые праздники у людей отобрать уже нельзя. Они навечно остаются их неотчуждаемым богатством.

Около дома стоит Правдоборец. На сей раз он собирает подписи жильцов под жалобой в областное управление КГБ по поводу упомянутых выше тараканов.

— Почему же в КГБ? — спросил я. — Тараканы же не диссиденты и не иностранные шпионы! Это же не дело КГБ!

— КГБ до всего дело, — спокойно сказал Правдоборец.

— Помяните мое слово, когда они узнают, что мы обратились в КГБ, тут ни одного таракана не останется.

— Кто «они»? — спросил я. — Тараканы?

Я медленно поднимаюсь на четвертый этаж. Лифта в доме нет. Как инвалид я имею право на жилье на первом этаже. Я подал заявление по этому поводу в жилищный отдел районного Совета. И вот уже скоро три года тянется волокита по поводу пустяковой проблемы, которую можно было бы решить в три минуты. Было письмо на эту тему от комбината. Писали в газету. Не помогло. В чем дело? Вот реальная проблема для мыслителей. Теоретик решает эту проблему просто: наше общество — общество уродов, и само как целое есть урод. И проблемы наши уродливые. И решения их тоже уродливые. Но мне это решение кажется слишком упрощенным.

Люди

Дома, на кухне, сидит Солдат и подъедает все, что попадает под руку. Он уже успел где-то выпить. Жалуется на заводской «бардак», на начальство, на помои, какими их кормят в заводской столовой. Одновременно работать и учиться очень тяжело. Хорошо сынкам всяких чинов — в армии не служат, институты по вкусу выбирают, живут на всем готовеньком. Где справедливость?! Сравните, например, его и Фюрера, его приятеля. В школе он учился не хуже его. Но у него папаша комиссионным магазином заведует. Денег полно. Ко вступительным экзаменам в институт его «натаскивал» факультетский преподаватель, входивший в экзаменационную комиссию, так что ему была гарантирована «пятерка» по основному предмету. Приятель прошел по конкурсу, а Солдат — нет. В результате — армия. Три года потерял. А вообще институт придется бросить: смысла нет учиться. Как инженер он будет получать меньше, чем сейчас.

Солдат ругает последними словами армию и тут же с гордостью говорит о жизненной школе, которая дала ему закалку на всю жизнь. Я, правда, не могу понять, в чем состоит эта закалка, так как Солдат с первого же дня «гражданки» начал пить, перестал заниматься спортом и по каждому пустяку закатывает истерику. О своем командире взвода рассказывал как о редкостной сволочи, а когда тот приезжает в отпуск (он — из нашей области), встречает его как родного брата.

Солдат для меня — психологическая загадка. Что предохраняет его личность от полного разрушения? Что делает его существом с сознанием «я» и с некоторой степенью надежности поведения? Иногда кажется, что он достиг предела деградации. А на другой день он является свежий как огурчик, с ясными глазами и чистой совестью, готовый в любую минуту пасть еще ниже и тут же подняться как ни в чем не бывало.

— Не ломай голову над моими делишками, — сказал он как — то, когда я выразил беспокойство за его будущее. — Не я первый, не я последний. Загнусь — не велика потеря. Выстою — не велика заслуга. Нашему брату иначе нельзя. Да и не получится иначе. Думаешь, я не пробовал? Пробовал. Я и пить бросал. А что толку? Тоска такая накатывается, что если не выпьешь, непременно удавишься. Если хочешь знать, лучшие представители нашего народа все в таком положении, как я.

Вроде бы хороший разговор. Но вдруг он изрекает какую-нибудь пошлость и искренне наслаждается ею.

— Я хам, — говорит он, насмеявшись. — Но наше русское хамство проистекает от нашей доброты душевной. Мы, конечно, постоянно плюем друг другу в душу. Но ведь не куда-нибудь плюем, а в душу! Не в урну, как это делают равнодушные друг к другу западные люди. В этом самое глубокое различие нашего (коммунистического) и ихнего (капиталистического) человека.

Если бы Будда хотя бы пару раз побывал в компании с Солдатом и побеседовал с ним час — другой, он в корне изменил бы свое отношение к «я». Признав отсутствие в мире такой вещи, как «я», он придумал бы какой-нибудь способ ее изобретения и вселения в человека. Наши люди ухитряются обрести все пороки, которые Будда приписывал «я», даже при полном отсутствии или аморфности «я», развивая тем самым то самое «я», без которого нет здорового социалистического «мы».

Солдат дождался своего приятеля с завода. Приятеля звать Антоном, но знакомые его предпочитают прозвище Остряк. Он учится в заочном Юридическом институте: хочет со временем перейти на «чистую и выгодную» работу. В его суждениях порою чувствуется незаурядный ум. Но он скрывает его чрезмерным шутловством. Это тоже русская национальная черта — склонность к юродству, боязнь показаться слишком умным, образованным, воспитанным.

Недавно Остряк как ударник труда был по туристической путевке в ГДР. Там его больше всего поразило то, что в каком-то музее он видел гребень королевы для вычесывания вшей. Королева — и вши! Причем гребень двусторонний: одна сторона — взрослых вшей вычесывать, другая — маленьких. Ничего не скажешь — немцы суть немцы! А еще его поразило то, что в королевском дворце не было туалетов. Король, королева, принцы, принцессы, графы, бароны, фрейлины и прочие выбегали по нужде в парк и оправлялись за кустиками. Весь парк был загажен. Когда наследный принц привез из Англии ночной горшок, над ним потешались все родственники и придворные. А еще немцы!

Ко мне Остряк относится с большим уважением, чем Солдат, но держится на почтительной дистанции. Я поинтересовался, откуда у него такие джентльменские манеры. Он сказал, что если нашего брата — Ивана слишком близко подпускать, то он превращается в выдающегося пошляка и хама, а он, Остряк, хочет остаться человеком и потому держится подальше даже от самых близких людей.

Пришла с работы Соседка. Включила телевизор. Одновременно начала греметь на кухне. Телевизор теперь будет грохотать до полуночи.

Солдат и Остряк ушли по своим «мужским» делам достать выпить где-нибудь, поболтаться с девчонками. Остряк предложил Солдату заглянуть по дороге к Фюреру — школьному другу Солдата.

— Если забежит Наська, скажи ей, что я сегодня на комсомольском собрании, — не столько попросил, сколько приказал мне Солдат.

Фюрер — студент последнего курса. Зовут его Эдуард. Кличку получил за склонность к руководящей деятельности в комсомоле. Он считает наше время эрой торжества серых и слабых ничтожеств. Он был рожден для конкурентной борьбы с сильными, а не со слабыми. С сильными приятнее сражаться, чем со слабыми. Сильные хотя бы иногда признают твои победы и свои поражения. Слабые любую твою победу считают твоим поражением, а свое поражение — своей победой. Сильные хотя бы иногда бывают справедливыми и великодушными, слабые же — никогда. Быть побитым сильным не оскорбительно, но победа над слабым унижительна. Слабые побеждают своей ничтожностью и полным отсутствием

всего. Среда слабых есть безвоздушное пространство для существа с сильными легкими. Вот в таком духе он иногда высказывается. Но он неглупый и добрый парень, помогает Солдату выполнять задания в заочном институте и часто выручает его деньгами. Иногда он заходит ко мне, чтобы «поговорить о серьезных проблемах», то есть высказаться без риска отрицательных последствий. Однажды мы заговорили с ним о Солдате. Он сказал, что знает Солдата с первого класса школы. Солдат был крепкий парень, а Фюрер — хилек. Солдат взял его под свою защиту и защищал его не раз, причем — самоотверженно. Солдат из тех русских людей, которые способны пожертвовать жизнью ради товарищей, и вместе с тем он — типичный чеховский «хамелеон». Наше общество вообще есть общество социальных и психологических хамелеонов. Это — исторически данная нам форма самозащиты, приспособления и общения. В этом году Фюрер кончает институт. Мечтает вырваться из «партградской трясины». Как отличник и комсомольский активист он вроде бы имеет шанс получить место в целевой аспирантуре в Москве. Целевая аспирантура означает, что стипендию ему будут платить из нашего города, и по окончании ее он обязуется вернуться работать в Партград. Но Фюрер рассчитывает потом остаться в Москве. Главное — зацепиться за Москву хоть одним мизинцем.

Невеста

С точки зрения жилья я принадлежу к средним слоям общества: я обладаю комнатой в четырнадцать метров. Я получил ее как инвалид — вот еще одно неоспоримое преимущество уродства, как сказал бы Теоретик. По интерьеру моя комната мало чем отличается от одиночной камеры каземата царских времен, макет которой вы можете видеть в музее. Стены комнаты увешаны фотографиями Невесты. Это служит предметом насмешек для моих знакомых. Невеста тоже надо мной подшучивает. Вместе с тем ей нравится иметь такого «верного рыцаря». Она стыдится, что «рыцарь» с изъяном. Но у других и такого нет, и она потому гордится тем, что я у нее есть. Явление это — стыдиться и гордиться одновременно — вообще характерно для нашей психологии: у нас каждое чувство и намерение уравновешены противоположными чувствами и намерениями. И в делах тоже. Наш человек, делая добро, вносит в него долю зла, а делая зло, разбавляет его каплей добра.

Забегала Невеста. Спросила, где Солдат. Я махнул рукой: мол, как обычно, пьет с приятелями.

— Брось ты его, — говорю я ей. — Ничего, кроме неприятностей, дружба с ним тебе не дает.

— И приятности бывают. И откуда тебе знать, что лучше — приятности или неприятности? Настоящая любовь без неприятностей не бывает.

— У тебя настоящая любовь?

— Да.

— А у него?

— Какое это имеет значение?

— Что такое настоящая любовь?

— Это когда ты без него жить не можешь.

— Я без тебя жить не могу...

— Это совсем иное дело.

— Выходи замуж за меня. Солдат все равно на тебя не женится.

— Пускай! Это его дело.

— Я не пью, не курю. Неплохо зарабатываю. Скоро начальником стану. В очереди на отдельную квартиру стою. Как поженимся, так сразу дадут. Двухкомнатную! Ты в техникуме учиться будешь. Инженером станешь. Дети будут. Я с ними все свободное от работы время возиться буду. Что еще тебе нужно?! То, что я инвалид, к этому привыкнешь. Все люди так или иначе инвалиды. Твой Солдат будет инвалидом похуже меня.

— Мне скучно так жить, как ты говоришь.

— Чего же ты хочешь?

— Чего-нибудь особенного, яркого.

— А с Солдатом тебе не скучно будет?

— Так ты сам говоришь, что он на мне не женится.

Она убежала «спасать» Солдата. Любопытно, как сложились бы наши отношения, если бы у меня была отдельная квартира. Скорее всего Невеста не выдержала бы и вышла бы за меня замуж. У нас появились бы дети. Семейные хлопоты завладели бы ею. Она подурнела бы. Ей было бы не до распутства. И мы были бы счастливы в общепринятом смысле слова «счастье». Но мне и этого было бы достаточно.

Друг

В соседнем доме живет мой ближайший друг Сергей Григорьев. Он слепой. И наши общие знакомые за глаза так и зовут его Слепым. Хотя он родился не в «Атоме», как я и Теоретик, он тоже жертва того же общественного прогресса. Родился он с кровавыми бусинками вместо глаз. Бусинки удалили. Матери предложили отказаться от ребенка, но она заявила, что лучше покончит с собой, чем сделает это. Отец мальчика отказался жениться на его матери и навсегда исчез из их жизни. Детство мальчика — детские ясли, детский сад, ящик около койки матери. Лишь когда мальчик пошел в школу, им дали крохотную комнатку в коммунальной квартире. Квартиру в нашем доме Слепой получил, лишь став преподавателем института.

Слепой выдумывает «сумасшедшие» теории, которые никто не признает и нигде не хотят печатать. Например, он построил теорию абсолютной пустоты, в которой доказал целый ряд утверждений, кажущихся невероятными: любой объем пустоты может сжиматься в безразмерную точку и, наоборот, безразмерная точка может расшириться в пустоту любого объема; все процессы в пустоте могут происходить с любой скоростью вплоть до бесконечно большой; в любой точке абсолютной пустоты может спонтанно появиться любое количество вещества и, наоборот, любое количество вещества может беспричинно исчезнуть в абсолютной пустоте. Другая его теория — теория уникальных явлений. Согласно этой теории явления с достаточно высокой степенью организации неповторимы. Так, он высчитал, что наша планета является единственной во Вселенной, пригодной для жизни разумных существ; и что никаких разумных существ, кроме человека, нигде нет и не будет. Так что если человечество погибнет на Земле, Вселенная никогда не породит разумных существ вторично.

Слепой много читает, причем — не только по — русски, но и по — немецки, английски и французски. Он выписывает книги на западных языках из-за границы. Конечно, за счет общества слепых. Благодаря его усилиям там образовалась приличная библиотека иностранных книг. Кроме того, ему читают книги на разных языках специальные чтецы, оплачиваемые обществом слепых.

У Слепого на двоих с матерью отдельная двухкомнатная квартира. Опять-таки преимущество уродства. Если бы он был зрячий, такую квартиру ему не дали бы. К тому же он схитрил. Ему положена дополнительная жилплощадь на собаку — поводыря. Площадь он «выбил», а собаку заводить не стал, К тому же собаке положено особое мясо и субпродукты по сниженной цене. Хотя мясо «собачье», однако оно ничуть не хуже того, какое выдают у нас в столовой по списку.

После ухода Невесты я иду к Слепому пить чай. Это стало традицией. Мать Слепого любит меня. И если я задерживаюсь, сама приходит за мной. И я их тоже люблю.

У Слепого сидит Катя, молодая, довольно привлекательная, незамужняя женщина, учительница английского языка в школе. Ее прозвали Моралисткой за страсть к морализаторству. Она читает Слепому книги на западных языках и заодно удовлетворяет его плотские потребности. Первую часть ее работы оплачивает общество слепых, вторую часть она выполняет бесплатно, по доброте душевной. Но при этом не теряет надежды женить на себе Слепого. По всякому поводу она читает всем нравоучения. Однажды мы засиделись долго у Слепого, и я провожал ее до автобусной остановки. К нам пристали подвыпившие хулиганы. Я сбил одного с ног. Второй сбежал. Моралистка обвинила меня в превышении меры самозащиты. Я сказал, что человек имеет моральное право защищать себя от насилия со стороны превосходящего по силе врага всеми доступными средствами. Она обвинила меня в безнравственности. Но в общем и целом она — очень хороший человек. После чая у Слепого я иду в «Клуб». Слепой остался дома — надо готовиться к научной конференции в университете.

Клуб

В середине нашего двора имеется огороженное металлической сеткой пространство с убогими сооружениями и чахлой растительностью. Это — детская площадка. Но служит она главным образом для других целей: тут распивают алкогольные напитки, распевают наши бодрые советские и тоскливые дореволюционные песни и отсыпаются с перепоя пьяницы, кормящиеся в нашем магазине. Кормятся они с черного хода, расположенного в пяти шагах от детской площадки. Жители района называют это мрачное место «Клубом алкоголиков», или просто «Клубом». Название приобрело официальную силу. Когда в городе проводилась очередная антиалкогольная кампания, в газетах появлялись гневные статьи с требованием наконец-то прикрыть «Клуб» — самое позорное пятно на нашем новом образцово — показательном районе. Вслед за этим во дворе появлялись полупьяные личности с ящиком и молотком, приколачивали сетку к столбам, чтобы алкаши не могли проникнуть в Клуб, брали поллитровку с черного хода, подползали под сеткой в Клуб, упивались там окончательно и мирно засыпали. Милиция смотрит на Клуб сквозь пальцы: пьяным все равно где-то валяться надо, так уж пусть лучше тут, не на виду. Наш участковый сказал, что по валяемости пьяных на тротуарах на проезжей части улицы наш район благодаря Клубу вышел на первое место в городе.

Бывает, что на площадке гуляют и дети. По неопытности, конечно. После таких прогулок они поражают матерей и бабушек (отцов и дедов этим не удивишь) своими познаниями в области

народного русского языка.

Посетители Клуба — народ разношерстный, не поддающийся никакой классификации. Иногда тут появляются профессора, писатели, чиновники и даже старшие офицеры. Один раз забрел в доску пьяный генерал. И эти уважаемые граждане города проводят тут время на равных правах с самыми подоночными отбросами общества. Демократия тут настоящая. Люди здесь оцениваются по уму, по талантам и по способности пожертвовать на общее благо какую-то сумму денег. И надо сказать, что, как правило, посетители Клуба с учеными степенями не превосходят по уму и образованности людей с сомнительным образованием; члены Союза писателей не превосходят по таланту безвестных хохмачей и балагуров; состоятельные граждане не превосходят по щедрости тех, кто отсыпается в подворотнях и у помоек. Я не склонен идеализировать человеческое отребье. Я лишь хочу сказать следующее: чего же стоит благоустроенная и благополучная часть общества, если она выглядит так в сравнении с отбросами общества?!

Некоторые посетители Клуба появляются тут регулярно. Некоторые — изредка. Но если человек посетил Клуб два или три раза, он тут уже считается своим. Как бы долго он ни отсутствовал, он рано или поздно появится вновь. Появится хотя бы затем, чтобы похвастаться предстоящим отъездом в Москву или поплакать по поводу предстоящей «вечной командировки на тот свет», то есть по поводу помещения в больницу с диагнозом, не оставляющим никаких зацепок для оптимизма. Некоторых посетителей Клуба как тунеядцев и нарушителей общественного порядка высылают из города в «Атом», а то еще куда-нибудь подальше. Им тут устраивают настоящие проводы, порою — очень трогательные. Как же эти люди живут, если случайное сборище пропойц и неудачников становится для них самым близким человеческим объединением?

Наш Клуб пережил все антиалкогольные кампании. Он держится и сейчас, несмотря на то что против пьянства предпринимаются драконовские меры, включая неимоверно возросшие цены на алкогольные напитки. Это говорит о том, что дело тут не в пьянстве как таковом. Людям нужны какие-то неофициальные места, где они могли бы время от времени встречаться и беседовать, очищая душу от накопившихся в ней болей и тревог. Наш Клуб — своего рода храм и исповедальня. Что же мы такое есть, если наш храм является таким убогим? Спасают Клуб от ликвидации только бюрократическая волокита в инстанциях власти и скрытый саботаж указаний Москвы.

Сегодня в Клубе собралась довольно большая компания: Блаженный, Бард, Агент, Психолог, Полковник, два преподавателя университета — Профессора и какой-то старик, которого я тут увидел в первый раз. Бард на сей раз без гитары — украли. Что из себя представляют эти люди, по существу, сказать трудно. Мы встречаемся не так уж часто и знаем друг о друге лишь отдельные факты, да и то поверхностные.

Блаженный

Не знаю, каково настоящее имя Блаженного, кто он по профессии, где живет и как зарабатывает на жизнь. Только один раз за все время нашего знакомства он заговорил о себе и рассказал следующее.

В каком-то учебнике русской литературы по недосмотру редакторов была напечатана такая фраза: «Лермонтов родился в деревне у бабушки, в то время когда его родители жили в Москве». Я не вижу в этой фразе ничего комического. Я сам родился в деревне Бог знает у кого, когда мой отец был на фронте, а мать работала на военном заводе в Партграде. В детстве я был убежден в том, что мой отец пропал без вести на фронте. Я гордился этим.

Выдумывал романтические версии гибели отца: закрывает своей грудью амбразуру вражеского дота, бросается со связкой гранат под вражеский танк, взрывается с вражеским эшелонем. Однажды мать, сильно упившись, призналась, что мой отец дезертировал из части, направлявшейся на фронт, и лишь после этого пропал без вести. Я сначала очень переживал это известие. Но скоро привык и стал выдумывать новые романтические истории исчезновения отца: долговременное задание нашей разведки, бегство в Америку... Когда я уже кончал школу, у нас появился человек, который сказал, что служил с отцом в одной части, что долго разыскивал нас после войны, чтобы рассказать правду о гибели отца. Оказывается, отец не дезертировал. Их часть отправлялась на фронт. Ехали в товарных вагонах. Кормили их помоями, какие и свиньи жрать не стали бы. Многих пронесло со страшной силой, в том числе — отца. Оправлялись на ходу поезда. Двоим приходилось держать того, кто оправлялся. Когда держали отца, кто-то посоветовал для надежности держать его за уши. Все рассмеялись. Рассмеялись державшие отца и сам отец. И выронили отца, а чтобы избежать неприятностей от начальства, сообщили, будто отец отстал от эшелона. Не все ли равно, как погиб человек?! Война же была. Конечно, они не подумали о том, что жена и ребенок останутся без пенсии. Да они и не знали об этом. Теперь он, гость, готов искупить свою вину и подтвердить, что мой отец был честным воином, а не дезертиром. Я сказал, что предпочитаю оставаться сыном дезертира, чем погибшего из-за поноса честного воина. Я представил себе хохочущего и исходящего поносом отца, падающего под колеса поезда, и сам начал хохотать от такой сюрреалистической картины. Гость укоризненно покачал головой. «Ну и молодежь пошла, — сказал он, уходя. — Никакого уважения к героическому прошлому отцов!»... Школу я так и не закончил...

Бард

Слово «бард» в применении к нашей русской действительности обозначает человека без слуха и без голоса, который нараспев шепчет или истошно вопит под гитару «стишата», сочиненные им самим или ему подобным другим существом в состоянии крайнего перепоя. Барды в нашей области появились, как и сама советская власть, не на пустом месте, а на большой дороге мировой цивилизации. У них были предшественники. Те ходили по поездам и вообще по людным местам, тренькали на балалайке и пикикали на гармошке, плаксивыми пропитыми голосами скулили жалостливые песни (вроде «В воскресенье мать — старушка к воротам тюрьмы пришла...») и просили подать «кто сколько может инвалиду войны». В последние годы их вытеснили барды в указанном выше смысле слова. Барды сами стали сочинять злободневные стихи. Подаяние они не просят. Их подкармливают их поклонники. Иногда собирают им какие-то гроши, снабжают поношенной одеждой. Постоянной работы у них, как правило, нет. Власти считают их тунеядцами, время от времени задерживают и высылают из города, в основном — на химический комбинат или в «Атом».

Наш Бард — уже пожилой человек, ветеран войны. Время от времени он устраивается на работу сторожем, истопником или грузчиком. Работает ровно столько, чтобы не придиралась милиция. Он — хороший рассказчик. Вот один из его рассказов.

Случилось это в начале войны. Их подразделение отступало в глубь страны, не успевая зарывать убитых. Но однажды они одержали победу, которая им дала передышку, достаточную для того, чтобы сварить кашу, поспать и зарыть трупы товарищей. Они молча копали яму для братской могилы, стараясь не думать об участи, ожидающей их самих. «Не хотел бы я после смерти гнить вот в такой коллективной могиле, — вдруг сказал один парень. — Хотел бы гнить в отдельной могиле». На парня донесли в Особый отдел. Его судили по законам военного времени и расстреляли. Но тут перед их начальством возникла проблема: как хоронить расстрелянного? В братской могиле нельзя согласно инструкции. И это было бы

неуважением к здоровому коллективу павших воинов. А хоронить отдельно — значит удовлетворить желание преступника и пойти на уступку буржуазному индивидуализму. Всю ночь начальство совещалось в сарае, где расположился штаб подразделения.

Сейчас это может показаться смешным. Но тогда слова такого рода владели душами людей много сильнее, чем сейчас. Зато им тогда нынешние словесные баталии, вовлекающие в свою сферу миллионы людей, показались бы нелепостью и бредом сумасшедшего. О чем говорили участники той самой логической дискуссии в деревенском сарае (быть может, самой необычной дискуссии в истории логики), осталось неизвестным: на рассвете шальной немецкий снаряд угодил прямо в сарай.

Смертельно раненный политрук приказал сбросить расстрелянного солдата в еще не зарытую братскую могилу. «Политически зрелый коллектив павших однополчан, — прохрипел он при этом, — поможет провинившемуся товарищу преодолеть пережитки буржуазного индивидуализма в сознании». Самого политрука зарыли в индивидуальной могиле в знак уважения к его высокому чувству коллективизма.

Агент

Об Агенте ходит слух, будто он — сотрудник идеологического отдела КГБ. Сам он этот слух не опровергает — почета больше от этого. По другим слухам, он преподает марксизм в каком-то техникуме. Однажды мы завели разговор о том, что пошатнулась вера в марксизм. Он предложил такой метод преодоления этого непочтения к марксизму: создать особое тайное общество наподобие иезуитского ордена. Марксезуитский Орден! Конечно, при ЦК. Лучше — при КГБ. Задача Ордена — следить за чистотой марксизма и за тем, чтобы люди относились к нему должным образом. Дать членам Ордена особые полномочия. За границу щупальца запустить. Напечатал, например, некий профессор книжонку без ссылок на марксизм. Поздно вечером к нему заходят двое мужчин и говорят: если ты в своей следующей вшивой статейке или книжонке не обозначишь четко и подобающим образом свое отношение к марксизму, дочку изнасилуем, черепушку кирпичом прошибем, квартиру ограбим, дачу спалим. А если кому-нибудь пикнешь о нашем этом разговоре, опять же дочку изнасилуем, черепушку кирпичом прошибем, квартиру ограбим, дачу спалим. Беда только в том, что теперь уже никто не знает, в чем должна заключаться чистота марксизма.

Когда в Клубе появляется Агент, предметом злословия становятся наша идеология, марксизм, классики марксизма (включая Ленина), Ничего особенного в этом нет. Мы вообще над всем и над всеми подшучиваем, и это ровным счетом ни о чем не говорит. Придворные королей подшучивали над королями, что не мешало им оставаться роялистами. Подшучивая над начальниками, мы выполняем их приказания. Солдат говорит, что в армии предметом их злословия был старшина, которого все боялись как огня и уважали. В нашем городе ни над кем так не издевались, как над Сусликовым. И ни перед кем так не холуйствовали, как перед ним. Анекдоты о Сусликове нисколько не помешали тому, что его перевели в Москву, где он начал делать карьеру на самом высшем уровне.

Именно потому, что Агент несдержан в суждениях на такие темы, его и считают провокатором КГБ: мол, ему приказано заводить такие разговоры, чтобы выявлять настроения других. Но из посетителей Клуба пока еще никто не пал жертвой его доносов. Зато сам Агент не раз намекал на то, что он имел неприятности за свои разговоры в Клубе и что в Клубе регулярно бывает по крайней мере один «стукач».

О Психологе нам известно только то, что он когда-то учился в Московском университете, подавал надежды как выдающийся ученый, был направлен на работу в нашу психиатрическую больницу, здесь свихнулся сам и опустился. Он — циклический алкоголик. У нас появляется в периоды запоя. Когда он более или менее трезв (это продолжается полчаса), он иногда говорит странные, но очень интересные вещи. Вот один из его разговоров для примера.

— Согласно нашей идеологии, — говорит Психолог, — для полного коммунизма требуется очень высокий уровень сознания. Я утверждаю как специалист: никаких уровней сознания вообще нет. Есть лишь определенная организация сознания. Так вот, уважаемые пропойцы, для полного коммунизма действительно нужно определенным образом обработанное сознание людей. Но я иду дальше классиков марксизма: я утверждаю, что этого и достаточно.

— Чепуха! — возражает кто — то.

— Для человека, — продолжает Психолог, игнорируя это замечание, — важно не столько реальное удовлетворение какой-то потребности, сколько сознание того, что эта потребность удовлетворена. Так вот, я утверждаю, что мы уже сейчас можем так обработать психику человека, что он будет сознавать себя живущим при коммунизме.

— Но ведь тогда общество погибнет, — опять возражает кто — то. — И как быть с теми, кто обрабатывает сознание прочих людей?

— Это не проблема, — говорит Психолог, — Часть людей будет оставаться с нормальным сознанием. Эта часть будет обеспечивать самосохранение общества. Она будет обеспечена по потребности на самом деле.

— Значит, общество разделится на господ, счастливых реально, и рабов, счастливых иллюзорно, за счет медицинских средств?!

— А вы надеетесь осчастливить всех? В мире сейчас около пяти миллиардов человек. Через сто лет будет десять миллиардов. Десять миллиардов счастливицков!! И вы способны перенести такой кошмар?! Нет, дорогие пропойцы, сущность жизни — не счастье. Несчастье есть такой же необходимый элемент жизни, как и счастье. Загляните вон в ту помойку! Сколько там червей! И все счастливы. С точки зрения науки возможно общество, в котором сотни миллионов червяков — людей, ведущих помоечный образ жизни, воображают себя вождями, министрами, генералами, Наполеонами, Лениными, Шекспирами и прочими великими мира сего.

Полковник

Иногда у нас в Клубе появляется отставной полковник. Опьянев, он рассказывает всякие военные истории.

— Самыми ужасными для меня во время войны были два сражения, — рассказывал он. — После тяжелых поражений начала войны особым приказом Сталина были созданы заградительные отряды. Эти отряды располагались в тылу ненадежных частей. Их задача была расстреливать свои части, если те пытались отступить без приказа свыше. Разумеется,

были и перегибы. Хотя наша часть была вроде бы надежной, кто-то решил «подкрепить» наше наступление таким заградотрядом. Наступление наше сорвалось, оно было нам не по силам. Командир полка принял решение отвести полк на прежние позиции. И тут по нам ударили пулеметы и автоматы заградотрядников.

Для нас это было полной неожиданностью: мы об этом заградотряде вообще не знали. Сначала мы решили, что нас обошли немцы, и ответили на огонь огнем. Когда разобрались, что это — свои, мы с такой злостью ринулись на них в атаку, не слушая команд командиров, что через полчаса от этого заградотряда не осталось ни одного живого. И полк потерял от этой атаки больше, чем от немцев. Командование полка после этого, конечно, расстреляли. Полк расформировали. Немцы, между прочим, наблюдали наше сражение, не вмешиваясь в него. Они хохотали. И даже не стали преследовать остатки полка. Они и так были уверены в победе.

— Другое сражение, — продолжал Полковник, — было уже в Германии. До капитуляции оставалось несколько дней. Многие немецкие части капитулировали, не дожидаясь общего приказа сложить оружие. Перед нами отступало эсэсовское подразделение. Надо признать, сопротивлялись они с остервенением обреченных. При этом они расстреливали своих солдат, решивших сложить оружие, обвиняя их в измене Родине. Так они однажды расстреляли около пятисот своих солдат. И вот одна немецкая воинская часть прислала к нам парламентаря с предложением принять их капитуляцию. Там было что-то около тысячи солдат и офицеров. Командование нашего полка капитуляцию немцев приняло. Послали представителей проследить, чтобы немцы сложили оружие и в порядке направились в наш тыл, в плен. И тут появилась та самая эсэсовская часть. Началась оргия расстрела безоружных людей. Командир сдавшегося немецкого полка попросил наше командование вернуть им оружие, чтобы расправиться с эсэсовцами самим. Им выдали оружие. И тут началось такое ожесточенное сражение немцев против немцев же, какого я не видал со времени того нашего сражения с нашим заградотрядом. Дрались всеми средствами вплоть до кинжалов, кулаков и зубов. Эсэсовцев всех уничтожили. Но воевавший против них полк потерял при этом больше половины состава. Мы не вмешивались в эту битву. Но мы не смеялись над немцами: мы их уже победили. Какая же отсюда следует мораль? Нет более жестокого врага для людей, чем их ближние.

В Клубе

Было еще довольно рано. Все были трезвые. Пока никто не собирался раскошелиться. Вообще говоря, это довольно интересная процедура — финансирование выпивки. Сначала все «жмутся», говорят о том, что у них «нет ни копейки», что «пропились вдрызг», что «кругом в долгах». Потом кто-нибудь не выдерживает и «выдает монету». Ему следует еще кто-нибудь. После первой порции алкоголя положение начинает меняться. Люди вытаскивают «из заначки» мятые бумажки и медяки. После второй дозы начинается оргия щедрости: все «выкладывают в общий котел» все свои запасы до последней копейки. Иногда к этому присоединяются часы, портсигары, автоматические ручки, шапки и даже обручальные кольца.

Когда я пришел в Клуб, была первая фаза обычного ритуала — трезвая. Говорили о житейской скуке, об однообразии людей и событий. Кто-то сказал, что в дореволюционной России в изобилии встречались оригинальные люди, описанные в классической литературе. Теперь таких людей нет. Теперь все стали штампованными.

— Не могу согласиться с этим, — сказал один из Профессоров. — Все зависит от нашего

подхода к людям. С точки зрения дореволюционных писателей, любой из нас мог бы стать сверхоригинальным явлением. Возьмите, например, Робота или Барда.

Для Достоевского и Чехова они дали бы материала на толстый роман или на сенсационную пьесу. Сейчас такие произведения, какие сочиняли Достоевский, Чехов, Толстой и другие классики русской литературы, просто не напечатают. А потому и писатели их не пишут. Если бы появились правдивые описания жизни таких, казалось бы, заурядных людей, как мы, и книги такого рода свободно продавались бы, то авторы таких книг вошли бы в историю литературы как сверхдостоевские, сверхтолстые, сверхчеховы. Наверно когда-нибудь так и случится.

— Вы правы, — сказал другой Профессор. — Я сомневаюсь лишь в том, что когда-нибудь у нас будут разрешены эти сверхдостоевские, сверхтолстые, сверхчеховы. Ведь оригинальные личности дореволюционной русской литературы не воспринимали себя как нечто оригинальное. Они, как и мы, страдали от серости, скуки, однообразия.

— Пустые разговоры, — мрачно проворчал пожилой мужчина, впервые появившийся в Клубе. — Я прожил жизнь, какую не пожелал бы и заклятому врагу. Повидал такое количество человеческих судеб, что хватило бы на сюжеты для сотен Достоевских, Толстых и Чеховых. Но цена всему этому — грош. Основной и, пожалуй, единственный урок, который я извлек из своего жизненного опыта, заключается в следующем: нет во Вселенной более гнусной твари, чем человек. И наиболее гнусными из этих тварей являются те, кто кажется достойным восхищения и уважения. Самые подлые существа мне встречались среди так называемых порядочных людей. Самые невежественные и глупые встречались среди тех, кто считается образованным и умным. Самые бездарные встречались среди тех, кто считается талантливым. Больше всего зла мне причиняли добрые и вроде бы близкие люди. Невежественный, глупый, бесчестный, бездарный человек является скотиной вследствие невежества, глупости, бесчестности, бездарности. Образованный, умный, честный, талантливый человек становится сверхскотиной вследствие образования, ума, честности, таланта.

— Но бывают же исключения! — возразил кто — то.

— Бывают, — согласился старик. — Бывают исключительные чудачки. Но их уничтожают общими усилиями и обрекают на страдания. На них клеветают, их пачкают грязью. А главное — их вынуждают на абсолютное одиночество. Вокруг них создают непроницаемую оболочку, в которой они живут, если это можно назвать жизнью, в абсолютном одиночном заключении. Общество изолирует их. Так что для общества их почти что нет или даже совсем нет. Человек, не причиняющий никому зла, не обманывающий никого, не предающий друзей, проявляющий ум и талант ради самих ума и таланта и обладающий прочими абстрактными добродетелями, есть ничто, есть пустое место, в лучшем случае — объект для гнусных тварей по имени Человек проявлять свою гнусность. Короче говоря, исключения, о которых Вы упомянули, суть явления абсолютно негативные, то есть суть материализация отсутствия человека и человеческих проявлений.

Слова незнакомого старика взволновали меня. Я спросил себя, принадлежу ли я к массе гнусных тварей по имени Человек или к исключительным чудачкам? Я боялся признаться себе как в том, так и в другом. Мне вдруг показалось, будто я заключен в незримую оболочку, сквозь которую ко мне не проникает ничто из окружающего мира и от меня ничто не проникает в окружающий мир. Я вроде бы существую, но меня не замечает никто, никто не считается с моим существованием, все проходят сквозь меня и мимо меня. Меня всего заполнил вопрос: зачем жить, если ты все равно не существуешь для других людей, то есть не живешь на самом деле? Я успокоил себя тем, что у меня есть Невеста. Но другая мысль возвратила меня в прежнее состояние: можно ли считать, что она есть у меня, если у нее нет меня? Дело ведь не столько в том, кто существует для тебя, сколько в том, для кого

существуешь ты. Существовать — значит существовать для других.

Пришел Романтик. Спросил Барда, почему он без гитары сегодня. Он, Романтик, весь день мечтал послушать Барда. День был гнусный. Настроение отвратное. Одна надежда — на Барда. К словам Романтика присоединились Профессора. У них было партийное собрание, после которого захотелось забыться.

— Гитару сперли, сволочи, — сказал Бард. — Польстились на такую рухлядь.

— Ладно, — сказал Романтик, — прости им сей грех. Страдивари я тебе не обещаю, но самый дешевый ширпотреб финансирую. На, держи! И поспеши, а то магазин скоро закроют.

— Ты бог, — сказал Бард, взяв деньги, предложенные Романтиком. — Эта гитара будет для меня самая дорогая из гитар в мире. И если мне когда-нибудь предложат поменять ее на Страдивари, не соглашусь.

Бард убежал в магазин. Агент сказал, что он получил гонорар за какую-то халтуру, и сегодня он угощает. Начал собираться народ из окружающих Клуб домов. Я эти вечера в Клубе люблю чрезвычайно. Хотя и тут много грязи, пошлости и жестокости, но зато человеческое начало тут ощущается сильнее, чем где бы то ни было. Порою здесь это человеческое начало поднимается на шекспировские и даже библейские высоты. Вот и сейчас, пока Бард ходил за гитарой, а Агент с кем-то добывал выпивку с черного хода винно — водочного магазина, собравшиеся болтали о том о сем и в том числе — о том, что такое настоящий человек.

— Главное в жизни настоящего человека, — сказал Романтик, — это с достоинством и вовремя умереть. Я никогда и никому не был обузой. Я никогда и никого не просил о помощи и об услуге. Я сам приходил на помощь другим, не дожидаясь их просьбы об этом. Я скоро умру. О похоронах моих я уже позаботился. Все оплачено. Я даже взятку могильщикам уже дал, чтобы закопали как следует. Заплачено и за выпивку, чтобы помянуть покойного. Надеюсь, такая жизненная позиция заслуживает уважения.

— При одном условии, — заметил кто — то, — если мы будем приглашены на поминки.

— Само собой разумеется.

— В таком случае живи, старик, вечно!

Пришел Бард со «свежесрубленной» гитарой. Услужливые пьяницы принесли выпивку и закуску, приобретенные на деньги Агента. Настроение у всех приподнятое. Бард нахваливает гитару. После первой порции выпивки он начинает петь.

По существу, а не ради проформы,

Бог, послушайсь хоть раз меня!

Осуществи лишь одну реформу:

Нас местами всех поменяй.

Хотя слова его песен, по мнению знатоков, примитивны, хотя поет он далеко не блестяще, и не столько поет, сколько хрипит, впечатление получается ошеломляющее.

Хоть бы раз вопреки натуре

Пусть все будет наоборот:

Мы пусть будем в номенклатуре,

А Они пусть станут народ.

Раздаются возгласы одобрения: «Правильно!», «Посадить бы их на наше место, пусть на своей шкуре попробовали бы эту перестройку!», «Зажрались, сволочи!».

Прикажи ты тому «народу»

Вдвое вкалывать за гроши.

Пить не водку, а только воду

Из — под крана ему разреши.

Плачущий Романтик вытаскивает мятые рубли. К нему присоединяются другие. Специалисты по добыванию алкоголя отправляются «на охоту». На них можно надеяться: не обманут и найдут выпивку. Из — под земли выроют. Костями лягут, а найдут.

Трудно сказать, готовит Бард свой репертуар заранее или импровизирует. Он говорит, что импровизирует, а потом немного подправляет. Но никогда не записывает свои сочинения. Это делают иногда случайные слушатели, иногда поклонники, а чаще — осведомители КГБ. Бард шутит по сему поводу, что он за свою посмертную славу спокоен: полное собрание его сочинений хранится в Областном управлении КГБ. Ходит слух, будто сам Горбань является поклонником Барда.

Ночь

Часов в десять все расходятся. Я тоже «скриплю» домой. С помощью изобретенных мною приспособлений освобождаюсь от протезов и готовлюсь спать, то есть к размышлениям в течение бесконечно длинной ночи и к некоему подобию сна. Очень часто я вижу что-то такое, что сном назвать нельзя. На сны это не похоже. Это что-то другое. Вот сейчас я вижу огромный город с удивительными зданиями. Светлыми. Сверкающими. Но без окон. По улицам проносятся такие же прекрасные машины. Я чувствую, что в зданиях и в машинах находятся живые существа. Но мне их не видно. На улицах не видно никого и ничего. Даже пылинки не видно. Стерильно чисто и абсолютно пусто. И не слышно ни звука. Ни птиц. Ни зверей. Ни деревьев. Ничего.

— В чем дело? — подумал я.

— Эволюция, — услышал я Голос. — Когда-то было опасно выходить на улицу из помещений. И общество стало развиваться так, что люди отгородились от внешнего мира. Потом внешние

опасности исчезли. Но люди уже привыкли жить так. И они уже не мыслят о том, чтобы выйти за пределы изобретенных ими ограничений.

— Но как же они должны смотреть на меня? — подумал я.

— Никак, — услышал я Голос. — Они тебя не видят.

— Физически? — спросил я.

— Нет, — услышал я в ответ, — люди привыкли к тому, что снаружи нет никого, и потому ты для них не существуешь, раз ты находишься вне их оболочки.

— Но я же есть! — воскликнул я.

— Это тебе только кажется, — услышал я свой собственный беззвучный голос.

Потом мне приснился одноногий пьяный инвалид, ломавший свои костыли. Мне показалось, этот инвалид был я сам, и что ломал я свои протезы. Я очнулся и уже не мог заснуть до утра. Мне мучительно захотелось, чтобы рядом со мной сидела Невеста, чтобы она положила свою руку мне на голову, чтобы говорила добрые и ласковые слова и чтобы я заснул, успокоенный и умиротворенный. Пусть насовсем. Я готов был заплатить всей оставшейся жизнью за такие минуты. Но Невесты не было. Не было никого. И мне не оставалось ничего другого, как твердить и твердить одно и то же слово: живи!

Живи

Утром я обычно просыпаюсь с сознанием бесперспективности жизни. И как заклинание или как молитву твержу те же привычные слова. Живи! Раз возник, живи. Живи, несмотря ни на что. Родился крысой — живи крысой. Родился орлом — живи орлом. Придет твой срок, и ты исчезнешь навечно. А пока живешь — живи. И радуйся самому факту жизни.

Днем, придя на работу, я снова и снова твержу себе одно и то же: живи! Я гоню прочь мысли о реальности. И живу. И радуюсь самому факту жизни.

Вечером я долго не могу заснуть. И я десятки раз подряд повторяю одни и те же слова. Живи! Раз возник, живи. Живи, несмотря ни на что. Родился тараканом — живи тараканом. Родился крысой — живи крысой. Родился орлом — живи орлом. Придет твой срок, и ты исчезнешь. А пока живешь — живи. И радуйся самому факту жизни.

Среди ночи я обычно просыпаюсь от ужаса одиночества. И я опять без конца повторяю те же слова. Живи! Раз возник, живи. Живи, несмотря ни на что. Родился тараканом — живи тараканом. Родился крысой — живи крысой. Родился орлом — живи орлом. Придет твой срок, и ты исчезнешь. А пока живешь — живи. И радуйся самому факту жизни.

И так изо дня в день я твержу и твержу одну — единственную, состоящую из одного слова, но всеобъемлющую молитву: ЖИВИ!

Серьезный разговор

Не знаю, ставил директор вопрос о моих протезах на бюро райкома партии или нет. Только

жизнь шла так, как будто никакого разговора по душам с директором не было. Но вот совершенно неожиданно меня попросили зайти в партбюро. Там помимо секретаря партбюро сидели Грбовой, заместитель директора комбината по научной части и инструктор райкома партии.

— Никак не подумаешь, что у Вас протезы, — сказал инструктор райкома.

— Он у нас уникал, — проговорил заместитель директора. — В волейбол играет. Танцует.

— Ничего особенного, — ответил я. — Тренировка.

— Тут дело не только в тренировке, — заметил Грбовой. — У него особенные протезы.

— Надо сделать эти чудесные протезы достоянием всех трудящихся, — заметил секретарь партбюро.

— Всех?! — изумился я.

— Я хотел сказать, всех нуждающихся в них, — поправился секретарь. — Вот об этом, товарищ Горев, мы и хотим с Вами поговорить. Потребность в современных протезах в нашей стране растет, а мы тут топчемся на месте. Вот Вы изобрели для себя чудесные протезы, но не хотите...

— Я о моем изобретении докладывал не один раз, — прервал я речь секретаря, угрожающую затянуться надолго. — Все материалы, касающиеся моих протезов, известны в отделе и в дирекции комбината.

— Что нужно, товарищ Горев, чтобы довести дело до серийного производства? — спросил инструктор райкома.

— За эти годы он усовершенствовал свое изобретение, — бросил Грбовой, — но поступает эгоистически, не по — партийному, скрывая свое изобретение...

— Никаких принципиальных изменений в мое изобретение я не внес, — ответил я. — Мои достижения суть лишь результат тренировки передвижения на тех самых протезах. Что нужно для того, чтобы их усовершенствовать и довести до серийного производства? Принять их как опытный образец. Изготовить несколько десятков экземпляров. Предложить инвалидам пользоваться ими в течение полугода по крайней мере. Через полгода выслушать их замечания и внести усовершенствования с учетом этих замечаний.

Инструктор райкома счел мои предложения разумными и пообещал поставить вопрос о них на заседании бюро райкома.

Праздник уродств

На прошлой неделе показали американский документальный фильм о безруком феномене, который ногами пишет картины маслом, играет на пианино, вдевает нитку в иглоку и делает многое другое. Сотрудники комбината захлебывались от восторга. При этом никто не вспомнил о том, что карикатуры в нашей стенной газете рисует безрукий парень, работающий у нас экспедитором. Правда, он рисует не ногами, а держа карандаши и кисточки в зубах. Но все равно благодаря его рисункам наша стенная газета считается лучшей в районе. Никто рисунки этого парня не собирает. Никто не собирается сделать его выставку. У нас в России не может быть феноменов, последние могут быть лишь на Западе.

Сегодня нам показали западногерманский фильм о фестивале инвалидов. Создатели фильма всячески выставляли на первый план уровень материального обеспечения инвалидов, технические средства, предоставляемые в их распоряжение, льготы трудоустройства. А тот факт, что участники этого праздника уродств были молодые люди, родившиеся уже после войны, а значит — были жертвами прогресса и благополучия общества, этот факт остался совсем не проявленным.

Наше начальство решило обратиться в Областной комитет партии с предложением организовать аналогичный фестиваль инвалидов у нас. Обком идею одобрил и обратился с соответствующим предложением в ЦК КПСС. В Москве приняли решение провести фестиваль инвалидов у нас в Партграде. На подготовку фестиваля дали год. Создана комиссия по подготовке и проведению фестиваля. Возглавляет комиссию второй секретарь горкома партии. Наш директор — его заместитель. Фестиваль предполагается устроить грандиозный. Будут приглашены иностранные делегации. Будут телевидение, пресса. Областное и городское начальство возлагает большие надежды на фестиваль. Благодаря фестивалю город приобретет мировую известность. Рядовые жители города тоже полны энтузиазма. Они надеются, что будет улучшено снабжение города предметами потребления, отремонтируют жилые дома, приведут в порядок улицы. Творческая интеллигенция надеется, что в городе наступит культурное оживление. Одним словом, предстоящий фестиваль произведет перелом в жизни области.

Мнение Социолуха

— Устроители таких праздников уродств не отдают себе отчета в том, какую страшную тенденцию эволюции они оправдывают, — сказал Социолух по поводу фестиваля, — Нарушен биологический механизм самосохранения рода человеческого. Раньше уроды погибали или сознательно уничтожались. Теперь они сохраняются. О них даже заботятся больше, чем о здоровых.

— На то мы и люди, а не звери, — заметил я. — Это гуманно. Ты предлагаешь инвалидов и уродов уничтожать?

— Ни в коем случае. Я лишь констатирую факт нарушения биологических защитных механизмов и предсказываю катастрофические его последствия в будущем. Человечество погибнет не от современных видов оружия и войн, а от избытка гуманизма.

— Вот это теория! Что бы ты сделал, если бы тебе дали полную власть над судьбой инвалидов?

— Я бы увеличил заботу о них по крайней мере вдвое.

— Как тогда тебя понимать?!

— Я всего лишь человек, а не Бог.

— Ты думаешь, если бы был Бог, он поступил бы наоборот?

— Вне всякого сомнения. Что гуманнее — сохранять жизнь миллионам уродов, обрекая их на страдания, или не допускать их? Бог принял бы второе решение.

— Но ведь возможно и другое решение! Можно сделать так, чтобы инвалиды вообще не появлялись.

— Увы, это уже не во власти людей. Человечество уже превратилось в рабов и в жертвы своего собственного прогресса. Я бы на твоём месте написал книгу на эту тему.

— А почему бы тебе самому не взяться за это?

— Я социолог. С точки зрения социологии несущественно, являются люди уродами или здоровыми. Масса уродов уже не есть урод. Законы общества уродов те же самые, что и общества здоровых. Бывают люди уроды. Но не бывает уродливых законов природы и общества. К тому же я не инвалид, у меня получилось бы неискренне.

— Ты думаешь, такую книгу напечатают?

— Все зависит от того, как ты её напишешь. Если напишешь плохо, то напечатают. Кучу денег заработаешь. Известность. Государственную премию дадут. Если напишешь хорошо, не напечатают. И по шее дадут.

— Так какой смысл писать?

— И верно, никакого смысла в этом нет. Тем более у нас в комбинате готовится коллективный труд об инвалидах. Если узнают, что ты партизанишь в том же направлении, сотрут в порошок.

Мнение Теоретика

— Нам вроде бы пора ко всему привыкнуть и относиться к уродствам нашей жизни с полным равнодушием, — говорит Теоретик по поводу известия о фестивале. — И все-таки наша жизнь преподносит нам время от времени такие сюрпризы, что хочется разразиться площадной бранью. Наш город до сих пор не жил исторической жизнью в строгом смысле слова, а лишь имитировал её. У нас не было ничего своего. Мы не внесли в мировую историю ничего значительного. Мы шагали в историческом строю как рядовые солдаты истории. И вот теперь нам засветила звезда известности. Но какая? За счет чего мы надеемся выбраться на арену истории? За счет праздника уродов! Причем праздник-то будет наверняка «потемкинской деревней». Ведь наших нормальных уродов нельзя никому показывать. Если их показать, эффект на Западе будет не меньше, чем от разоблачений сталинских репрессий. Значит, будет спектакль. Чисто пропагандистский трюк для очередного одурачивания Запада. Это будет праздник, но не для уродов, а за счет уродов. Точнее говоря, это будет праздник духовных уродов за счет уродов физических. Еще точнее — это будет праздник для руководящих уродов. Руководящие уроды из всего делают праздники для себя. Из побед и поражений, из удач и неудач, из улучшений и ухудшений. Они на сцене, они играют. А мы — лишь зрители их кривляний. Наше дело — аплодировать. Помяните мое слово, масса начальства получит за счет этого праздника уродств награды и повышения в чинах.

Надежды

Слух насчет перевода директора в Москву подтвердился. Я здесь употребил слово «подтвердился» лишь в том смысле, что уже решено назначить нашего директора начальником Главного управления министерства. Но директором будет не Грбовой, а дальний родственник Сусликова, подвизавшийся в какой-то конторке города. Грбовой будет лишь первым заместителем, то есть фактически будет заправлять делами Комбината. Я

вроде иду на заведование отделом. Мне и радостно, и грустно одновременно. Радостно, поскольку работа будет отнимать у меня все силы и мне некогда будет переживать свою жалкую участь. Грустно, потому что работа будет отнимать у меня все силы и мне некогда будет размышлять о своей судьбе. Радостно, поскольку у меня будет большой кабинет и личная секретарша. Грустно, поскольку придется покинуть мой кабинетик, в котором прошли лучшие годы моей жизни. Зарплата будет больше. Квартиру, может быть, дадут. Если женюсь, наверняка дадут.

Надо сейчас же сделать предложение Невесте. Хватит дурака валять! Семья, дети — это реальные ценности жизни. Почему я должен быть лишен этого?!

Но Невеста как назло куда-то исчезла. Солдат говорит, что она в доме отдыха. Но из намеков Остряка можно догадаться, что она сделала очередной аборт и «отлеживается» в больнице. Мне становится дурно от одной мысли о том, что она так нелепо растрчивает свою жизнь и что другие так жестоко обращаются с нею. Как только она появится, надо будет с ней поговорить самым решительным образом. Надо этот дурацкий образ жизни прекратить. Ведь еще несколько лет такой жизни, и она умножит ряды одиноких существ или, в лучшем случае, ряды матерей — одиночек. Хотя в этом тоже есть свой плюс: может быть, тогда она согласится выйти за меня замуж. Мне все равно, чей будет ребенок. Лишь бы она была со мной.

Ночью мне опять привиделся тот одинокий инвалид, ломавший костыли. Его окружала хохочущая толпа пьяниц, в которых я узнавал сотрудников комбината. Я осознавал, что я это вижу во сне. Но от этого становилось еще хуже. И все настойчивее одноногий инвалид превращался в меня. Исчезла вторая нога. Костыли превратились в протезы. Надо мною склонялись директор, секретарь партбюро, Грбовой и другие сотрудники комбината. Они требовали отобрать у меня протезы во имя интересов коллектива. А я ломал и ломал протезы. А они никак не ломались. И все вокруг хохотали.

Мысли червяка

Я мог бы найти женщину для удовлетворения чисто физиологической потребности, как это делают Слепой и Теоретик. У меня в группе, например, есть молодая и не очень безобразная женщина, готовая разделить со мной ложе только на том основании, что я для нее — начальник. У нас это — обычное дело. И все на это смотрят сквозь пальцы. Этому придают значение только тогда, когда поступают «сигналы» в партийную или комсомольскую организацию (жалобы жен, доносы завистников), а также в тех случаях, когда требуется разоблачать аморальное поведение намеченной по каким-то соображениям жертвы.

Но для меня эта проблема, тривиальная для других, превратилась в принципиальную: я ее прочно связал с проблемой любви. Печально не то, что наша жизнь рано или поздно оканчивается, а то, что в пределах нашей короткой жизни все оканчивается очень скоро — дружба, любовь, преданность и прочее. И люди вынуждены в порядке самозащиты приучаться к изменам, предательствам, равнодушию, подлости. И плохо тому, кто не способен на это: он обречен на страдания. Однажды я был в доме отдыха. Познакомился там с девушкой из обслуживающего персонала. Очень приятная на вид, неглупая, легкая в общении. Мы подружились. Я уж собрался сделать ей предложение, но она сама опередила меня: предложила выйти за меня замуж, пожить некоторое время со мной, получить прописку в городе, устроиться на работу, а потом развестись и поделить жилплощадь. Она предложила себя за прописку в Партграде и жилплощадь! Я был настолько удручен ее предложением, что досрочно покинул дом отдыха. Она не могла понять моей реакции: ведь такое выгодное для

меня предложение! Тем более мне как инвалиду все равно рано или поздно дадут хорошую комнату, а то и отдельную однокомнатную квартиру.

Эпоха любви прошла. Любовь есть историческое явление, относящееся лишь к определенным эпохам и условиям. Любовь есть продукт цивилизации, изобретение людей. Причем никакой свободной любви и свободы любви нет. Любовь по сути своей есть несвобода, ограничение свободы. Где есть свобода, там нет никакой любви. Нужны усилия для сохранения любви, определенные правила, без следования которым любовь исчезает. Эти правила обременительны. Да люди их вообще не знают. Культура любви утрачена. Ее заменила более доступная и необременительная культура секса с минимумом кратковременных личных отношений.

Я навечно остановился на стадии романтического юноши, впервые ощутившего даже не любовь, а потребность в любви. Всезнающий Слепой сказал в том разговоре о сексе, что любовь изобрели рыцари, лишённые возможности иметь сексуальные отношения, что любовь есть лишь смутное ощущение неудовлетворенной сексуальной потребности. Не знаю, прав ли он или нет. Но я бы хотел, чтобы он ошибался. Я думаю, что если люди и изобретают любовь, то в каждую эпоху заново и по — новому. Кто знает, может быть, я — один из тех, кто занимается переизобретением любви. Мне не нужно много женщин.

Мне нужна всего одна, но единственная и неповторимая, нужна навечно.

Я с моей тоской по единственной и неповторимой Женщине неоригинален. Бард говорил, что он на своем веку видел десятки, а может быть, сотни женщин всякого рода, — он не считал. Но его всю жизнь не оставляла тоска по Единственной и Неповторимой, которая была бы только для него и была бы навечно, ради которой он был бы готов на все. Ему часто казалось, что он близок к идеалу. Но всегда в их отношения вкрадывалась какая-нибудь капля пошлости и грязи, которая уничтожала очарование.

А я согласен на океан пошлости и грязи, лишь бы Невеста была со мной. Пусть хотя бы на одно мгновение возникла иллюзия, будто она со мной и будто я для нее есть тоже Единственный и Неповторимый.

Светлые надежды

В городе всю неделю было сильнейшее возбуждение: возник слух, будто в городскую больницу привезли мужчину из «Атома», у которого любая пища в желудке выделяет алкоголь. Заметили, что после каждой еды в столовой он становился пьяным. Заподозрили, что он приносит с собой спиртные напитки и где-то прячет их. Он клялся и божился, что спиртного вообще в рот не берет. За ним установили тщательное наблюдение. Два человека сопровождали его в столовую, третий приносил ему еду. И все-таки этот человек пьянел от обычной еды через десять-пятнадцать минут. Его показали местным врачам. Но те только развели руками: феномен, еще не известный в медицине! Можно сказать, живой самогонный аппарат. Мутант! В городской больнице произвели тщательное исследование процесса пищеварения этого мутанта и установили, что у него действительно после еды наступает опьянение. Но каков механизм этого странного явления, установить не удалось.

В учреждениях, на заводах, на улицах, во дворах жилых домов — везде люди собирались группами и говорили об этом мутанте. Красота-то какая будет! Не жизнь, а рай. Съешь каши или картошки, а чувствуешь себя так, как будто четвертинку водки выпил. И бесплатно!! Многие любители выпить стали проситься в «Атом», надеясь на то, что и им удастся стать такими счастливыми мутантами.

О мутанте сообщили в Москву. Оттуда поступил приказ срочно доставить его в Академию медицинских наук. Что с ним там стало, осталось неизвестным. Жителям города разъяснили, что никакой алкогольной мутации тут не было, а было редкое психическое заболевание, в результате которого у больного от еды наступало состояние, лишь похожее на алкогольное опьянение. Наши пьяницы, однако, не успокоились. Не имеет значения, какое это опьянение — алкогольное или психическое. Лишь бы это было опьянение. А психическое даже лучше: на работе и в милиции не унюхают, что ты пьян. И если один такой счастливчик появился, то будут и другие. Дойдет повышенная радиация и до города, и, Бог даст, все мы станем такими живыми самогонными аппаратами. Вот будет жизнь!

Мысли червяка

Прошел дождь. На тротуары повылазили дождевые черви в огромном количестве и почему-то целыми «табунами» устремились на ту сторону улицы. Их давили машины, топтали прохожие, а они ползли и ползли с шизофренической настойчивостью, будто от этого зависела судьба всего их червячества (я чуть не сказал — человечества). Причем червяки с нашей стороны улицы ползли на ту сторону, а с той стороны — столь же упорно на нашу. Они не останавливались, чтобы потолковать друг с другом, сообщить свои впечатления о червячей жизни на противоположной стороне, дать добрые советы. Они ползли, вообще не обращая внимания друг на друга и на встречных собратьев. Я сначала пытался идти осторожно, стараясь не наступить на них, щадя их бесценную неповторимую индивидуальную жизнь. Но выдержать эту осторожность долго было не в моих силах. Я раздавил одного, другого, третьего... «А ну вас, — сказал я им в конце концов, — из-за вас я опаздываю на работу!» И они десятками захрустели под подошвами моих основательно заношенных ботинок. Любопытно, воспринимали ли они мое катастрофическое для них шествие как историческую необходимость? А может быть, они вовсе не материалисты, а идеалисты, и они восприняли это как судьбу, предначертанную им богами? И многим ли наше шебуршение отличается от их судьбы? Куда мы сами ползем? Почему мы проползаем сквозь встречных собратьев, не повернем их с собою назад, не остановимся, чтобы ощутить родство душ и единство?..

Понаблюдайте за собою хотя бы один день. Опишите все ваши движения и перемещения, все ваши мысли и слова. А через некоторое время просмотрите по возможности беспристрастно результаты ваших наблюдений. Уверяю вас, вы будете потрясены убожеством содеянного вами, и вам станет стыдно за то, что вы есть. Прodelайте эту операцию несколько раз, и вы поймете, что человеческое самомнение насчет «венца творения» не имеет на самом деле серьезных оснований. И не ссылайтесь на продукты цивилизации. Они суть продукты коллективной деятельности миллиардов людей в течение долгого времени. И как таковые они уступают тому, что сделано бактериями, растениями, червяками. А в сопоставлении с творчеством мертвой природы они вообще ничто. О человек, возмнивший о себе червяк! Останови на мгновение свою суету, посмотри на себя и поразись своему ничтожеству! Поразись, и ты возрастешь благодаря этому много более, чем благодаря своему ложному самомнению. Поразись, и ты увидишь, что увешанный наградами червяк — генералиссимус есть такой же червяк, как и червяк — солдат, что прославленный червяк — академик ничем не отличается от самого отстающего червяка — студента, что «пятерка» по чистописанию и арифметике несколько не возвышает тебя над общим уровнем червяков — троечников.

Мир глазами слепых

Слепой пригласил меня на отчетно — перевыборное собрание в обществе слепых, после которого должен быть концерт художественной самодеятельности силами слепых. Когда я шел туда, я представлял себе сюрреалистическую картину: слепые гардеробщицы принимают пальто, слепые контролеры проверяют членские и пригласительные билеты, сотни слепых заполняют зал, слепой президиум рассаживается на сцене, слепой председатель делает отчетный доклад о работе правления... Короче говоря, мне чудилось кишение слепых существ с вытянутыми вперед руками, щупающими все встречающееся на пути. Но все оказалось куда проще. Подавляющее большинство были обычные зрячие люди. Они вели себя как хозяева общества. Слепые же чувствовали себя нежеланными гостями, робко приютившимися на краешках стульев. Пожилая, бесформенная, хмурая женщина с пристрастием допытывалась у Слепого, кто я такой и зачем сюда пожаловал. А вдруг я диссидент? Вдруг напишу клеветнический материалчик для заграницы? А докажи, что ты — не американский шпион! Им не велено пускать никого из посторонних. Мне это надоело. Я сказал Слепому, что лучше уж пойду домой. Тогда он использовал последний аргумент — мои протезы. Ощупав мои «ноги», женщина просветлела лицом, улыбнулась.

— На таких штуковинах далеко не убежишь, — сказала она с подленьким смешком. — Как это ты наловчился на них ходить — то? Ни за что не подумаешь, что ненастоящие! Ну ладно, проходи! И чтобы ничего такого! Понял? А ты (это Слепому) смотри за ним в оба (опять захихикала). И беги быстрее (опять смешок), а то сию минуту начинается!

Мы отыскивали свободные места в зале, наполненном зрячими и слепыми из расчета три к одному. Ждали начала еще двадцать минут. Прислушивались к тому, что говорилось вокруг.

— Неужели Гречко опять изберут? — услышал я сзади.

— Само собой разумеется, — ответил другой голос.

— Но он же жулик! — возмутился первый голос.

— А кто теперь не жулик, — спокойно ответил другой. — Ты мне укажи конкретно, кто не жулик, и я ставлю бутылку!

— Но его же хотели судить за махинации в артели! — не унимался первый.

— Обком запретил, — ответил второй. — А ты мне укажи, где нет таких махинаций! Укажешь конкретно, я ставлю бутылку. Гречко неплохой мужик. Сам ворует, но и другим жить дает. Теперь без этого никак нельзя.

— Что за махинации? — спросил я у Слепого.

— Пустяки, — сказал он. — На базе артели слепых, в которой работало всего человек десять, Гречко создал нелегальный цех по производству заграничных джинсов, водолазок и прочих тряпок, имеющих спрос. Заграничными на них были, конечно, только фирменные «нашлепки» вроде «Сделано в Америке». Но вещички делали, между прочим, неплохо, надо им отдать должное. В цеху работало больше сотни зрячих. Десятки агентов разъезжали по стране, сбывая продукцию. Заворачивали миллионами. Областное начальство тоже неплохо кормилось из этого источника.

На сцене появились руководители общества и представители Облсовета, Обкома партии, Обкома профсоюзов, гарнизона. Все встали, приветствуя появившихся бурными аплодисментами. Раздались приветствия в адрес ЦК и лично Генсека. Мы со Слепым покорно стояли и аплодировали вместе со всеми.

— Надо, — шепнул мне Слепой. — Если увидят, что я сижу или не аплодирую, непременно донесут, и тогда мне перестанут оплачивать чтецов.

Все дальнейшее происходило точно по той же схеме, по какой происходят аналогичные события в любом другом учреждении. Избрание почетного президиума во главе с Генсеком, принятие приветственной телеграммы с положенными заверениями, отчетный доклад. Были названы достижения и отмечены отдельные недостатки (нельзя без самокритики), названы передовики производства и отстающие. В прениях выступали заранее подготовленные ораторы, превозносившие до небес пустяковые «достижения» и критиковавшие всякие мелкие пустяки (вроде «до каких же пор правление Общества будет мириться с тем, что кое-кто приносит с собой в столовую и распивает в рабочее время спиртные напитки!»). Короткую речь произнесли представители Обкома партии и профсоюзов, предприятия, шефствующего над Обществом. Выступил генерал и заверил, что наша армия стоит на страже завоеваний Октября. Потом вручали награды ударникам коммунистического труда. Те выступали с ответными благодарственными речами и с заверениями добиться еще больших успехов. Меня удивило то, что в президиуме где-то на заднем плане сидел всего один слепой, а среди выступавших их совсем не было. Не было их и среди награжденных.

— Так мы только называемся обществом слепых, — объяснил Слепой. — На самом деле тут есть общество за счет слепых. Конечно, и нам тут кое-что перепадает. Но за счет этого тут живет куча здоровых паразитов. А Гречко скорее всего пойдет с повышением в Областной совет. Председателем правления изберут, я думаю, Шевченко. Это тот, который вел собрание, когда Гречко делал доклад.

Случилось так, как и предсказал Слепой. Когда стали выдвигать кандидатуры в новое правление, Гречко взял самоотвод. В зале наступила зловещая тишина. Но скоро все разъяснилось. Представитель Обкома партии взял слово и под аплодисменты сказал, что товарищ Гречко переходит на более ответственный пост в Областном Совете.

В перерыве все ринулись в буфет, где по спискам продавались бутерброды, конфеты, колбасы. Списки разной степени важности. По списку, в котором фигурировал Слепой, он мог купить бутерброд с сыром и с вареной колбасой, но не с икрой.

Концерт художественной самодеятельности тоже мало чем отличался от таковых в учреждениях, где мне пришлось до сих пор бывать. Выступили сначала профессиональные артисты, певцы и музыканты из городских театров и из филармонии. Потом выступали доморощенные артисты Общества, главным образом — зрячие. В основном плясали и хором пели старинные русские и современные советские песни. Из слепых выступили всего трое. Красивый молодой человек читал стихи Блока. Читал плохо. Но он внешне был очень похож на Блока, и ему щедро аплодировали. Впрочем, аплодировали всем. Пожилая женщина сыграла на рояле «Турецкий марш». Молодой парень (еще школьник) имел самый большой успех, и я думаю — вполне заслуженно: он жонглировал тремя шариками, всего лишь два раза уронив шарик на пол. Я начал было рассказывать Слепому, что вытворяет этот мальчик на сцене, но он остановил меня: не надо, он сам все слышит хорошо. Это меня удивило больше, чем то, что я видел на сцене.

— Главная проблема всякого уродства, — сказал Слепой, когда мы шли домой, — достичь максимального приближения к здоровым образцам. Возьмите этого мальчика! Для зрячего жонглера то, что он делал, есть нечто примитивное. Я был в цирке и видел (!), как жонглер работал с десятью шариками. Субъективно достижение слепого мальчика неизмеримо серьезнее достижения зрячего жонглера. А объективно?.. Трагедия уродов состоит в том, что жить им приходится по законам уродства, имея в качестве нормальных образцов лучшие достижения здоровых. Я бы, например, тебе памятник поставил, но общество тебя никогда уже не наградит медалью за сокращение времени на одну секунду (на целую секунду!) на дистанции в сто метров.

Мысли червяка

Есть страдания физические. Например, у меня к вечеру начинается невыносимая боль в тех местах, где протезы присоединяются к остаткам ног. Эти страдания не зависят от нашего субъективного отношения к миру. И есть страдания духовные. Они в значительной мере зависят от того, как мы сами оцениваем свое положение в мире, точнее говоря — от того, что мы сильно преувеличиваем важность своей персоны. Эти страдания значительно уменьшаются, если оцениваешь себя объективно. Я этого добиваюсь обычно путем такого рода рассуждений.

Что ты такое есть? — говорю я себе. — Бесконечно малая частичка бесконечно большого Космоса, появившаяся на бесконечно малое время в бесконечно большом потоке времени. И знаешь ли ты, сколько таких мизерных частичек уже было в прошлом, существует сейчас и будет существовать в будущем?! Всей Солнечной системы не хватило бы только на то, чтобы написать число таких частичек. Так стоит ли носиться со своим «я»? Прошла вечность, прежде чем ты появился на миг. Еще миг, и ты исчезнешь. И после тебя опять будет длиться вечность.

А что такое бесконечность в пространстве и времени? Это значит, что в какой бы области пространства ты ни оказался, найдется другая область пространства, в которой ты еще не был. Какую бы точку во времени в прошлом ты ни выбрал, найдется что-то, что существовало до этого. Какую бы точку во времени в будущем ты ни выбрал, будет что-то существовать после этого. И бессмысленно задаваться вопросом, почему это имеет место. Вопрос «Почему?» имеет смысл лишь по отношению к отдельным явлениям в мире, а не ко всей совокупности явлений в пространстве и времени.

Бессмысленно также задаваться вопросом, зачем ты появился в бесконечном во всех отношениях океане бытия. Цели может иметь лишь уже живущее существо, но не факт его появления. Твои родители могли иметь целью породить тебя. Но это не было твоей целью. Наличие цели не есть неперемное условие твоего бытия. Ты можешь иметь какие-то цели. И это не оправдывает твоего бытия. Но ты можешь жить бесцельно. И это не отвергает твое бытие. С этой точки зрения твое положение в мире ничем не отличается от положения того дождевого червяка, на которого ты случайно наступил вчера на тротуаре.

И помни всегда, что в мире есть множество существ, положение которых еще хуже твоего. Захотел бы ты поменяться судьбой со Слепым, у которого здоровые ноги и который имеет в избытке женщин? Нет. Захотел бы ты поменяться судьбой с Теоретиком, который имеет здоровые ноги? Нет. А с Солдатом, который молод и совсем здоров, который обладает Невестой — недостижимой для тебя мечтой? Нет. Так в чем же дело? В мире все устроено правильно. Живи, раз родился! Просто живи! Все остальное — суета, суета сует, всяческая суета и томление духа.

Каков наш мир

Наше общество мне кажется уродливым. Почему? Потому ли, что я сам урод, или потому, что оно само по себе уродливо? По мнению Социолуха, общественные организмы подобно организмам биологическим тоже бывают нормальными или уродливыми. Нормальные при этом суть большая редкость. Биологические организмы часто бывают нормальными, потому

что их огромное число. А число социальных организмов очень невелико, во всяком случае недостаточно велико, чтобы нормальные стали обычными. Наше общество является уродливым. Мы просто привыкли к его уродствам и не замечаем их. И даже сознательно разрушаем критерии различения нормальных и уродливых социальных явлений.

Идеология уродства

Как утверждает Теоретик, соотношение нормы и уродства является простым и очевидным только в самых примитивных случаях. Норма сама по себе вообще реально не существует. Норма есть лишь абстракция от уродств, а уродства суть реальность нормы. Норма существует лишь в уродствах. Но мы все-таки говорим о норме как о реальности. Тут — смешение понятий. Есть норма абстрактная и норма реальная. Реальная норма есть реальное уродство, наиболее близкое к норме абстрактной, то есть к идеалу. Потому есть нормальные уродства и ненормальные, уродства второго уровня. Фактически уродами и называют лишь вторых. Но где тут грань? В отношении крайних случаев это ясно. У тебя, например, нет ног. Тут никаких проблем. У меня есть руки. Но какие? Очевидно, для нормы недостаточно наличия ног и рук. Нужны определенного вида ноги и руки. В некоем животном образном обществе я был бы обречен на гибель. Скорее всего меня убили бы при рождении. В нашем обществе я живу благодаря благотворительности общества и даже приношу какую-то пользу. Но это не устраняет моего самосознания урода. Вот тут-то и зарыта собака. Ко мне приходил один пианист. По всем статьям здоровый человек. Но есть у него в руках скрытый дефект, который мешает ему стать пианистом выдающимся. И мысль об этом превратила его жизнь в сплошной кошмар. Ему советовали сменить профессию, чтобы ощутить себя полноценным человеком. Но пианист уже не может забыть о том, что он имел шанс стать великим пианистом, но не смог из-за какого-то незначительного, незаметного даже для специалистов уродства. У него в некоторых случаях реакция мизинца левой руки замедляется на ничтожную долю секунды, а мизинец отклоняется в сторону на какую-то долю миллиметра меньше, чем нужно. Для него это — природный дефект, причем — более значительный, чем для меня дефект моих рук. Он спрашивал, можно ли его дефект как-то компенсировать, если не устранить. Теоретически можно, а практически гораздо сложнее, чем компенсация моего или твоего дефекта. Тут есть свои законы. Чем незначительнее отклонение от идеала, тем сложнее должно быть устройство, компенсирующее его. Я посоветовал ему подбирать репертуар так, чтобы мизинец левой руки не влиял на исполнение. Но он сказал, что это еще хуже, так как в этом случае прочие пальцы работают хуже. Как видишь, наша драма далеко не самая утонченная.

По мысли Теоретика, уродство есть закономерное явление в природе и обществе. Временами и местами возникают целые уродливые миры. Если бы уроды не появлялись сами собой, люди стали бы производить их специально. Только благодаря уродам здоровые люди осознают себя в качестве нормальных людей. Так что сами отклонения от нормы суть норма. Ненормально другое: когда отклонения от нормы начинают доминировать над нормой, когда уродство становится более обычным явлением, чем его нормальный образец. Тогда все переворачивается, и наступает деградация. Страшно быть уродом в обществе нормальных людей. Но во сто крат страшнее быть уродом в обществе уродов. И в тысячу раз страшнее остаться нормальным в массе уродов. Норма есть состояние, наиболее адекватное устойчивым условиям бытия, есть наилучший механизм индивидуального самосохранения. Уродство есть порча этого механизма, есть ослабление способности индивидуального самосохранения. Уроды выживают лишь благодаря механизму коллективного самосохранения. Потому уроды — естественные коммунисты. Коммунизм как система жизни не только благоприятен уродам, он требует уродство как условие своего самосохранения. Вот что страшнее всего: то, что будущее принадлежит уродам. Будущее общество будет

обществом неполноценных в том или ином отношении людей.

Это будет общество моральных, психических, душевных, интеллектуальных и физических уродов. Предвидеть это — дело нехитрое. Атомные испытания. Искусственные продукты питания. Бактериологические, генетические, психологические и прочие эксперименты. Фармакология. Я, например, есть типичная жертва «мирного» использования атомной энергии, Слепой — противозачаточных средств. А сколько таких?! Знаете ли вы, сколько в одной нашей области рождается всякого рода уродов с недоразвитыми или вообще отсутствующими конечностями, без ушей и глаз?! И это — только начало. Мы суть лишь первые ласточки нового общества. С каждым годом процент рождающихся уродов растет. А ведь войны еще не было! Психохимические средства еще не пущены в ход! А что будет после этого?! Надо быть готовым к тому, что уродство физическое станет нормой, подобно тому как моральное и душевное уродство уже фактически признано в качестве нормы. Придет время, когда так называемых здоровых людей, если таковые останутся и будут появляться, будут специально калечить, подобно тому как сейчас пытаются лечить уродов. Первые две буквы в слове «калечить» отбросят в интересах гуманизма.

Физическое уродство — это еще не самое страшное. Страшнее уродство духовное. Оно есть неустранимое следствие самого социального существования. Человек от природы есть универсальный зверь, не связанный никакими ограничениями. Но он рождается и живет в обществе себе подобных. Чтобы в обществе можно было жить, люди ограничивают друг друга. Какими бы хорошими ни были эти ограничения, какими бы благими намерениями ни руководствовались люди, но результат их взаимных ограничений есть производство духовных уродов. Духовно здоровым может быть только человек с самой примитивной психикой. Развитие ума человека, воспитание и образование, накопление интеллектуального опыта — все это есть процесс формирования духовных уродов и чудовищ.

Уроды были и будут всегда. Есть определенные законы для этого. Они универсальны, как всякие законы. Например, с точки зрения уродов все люди суть уроды или должны стать ими. Чтобы все люди были так же несчастны, как и они сами, — такова затаенная мечта всех уродов. Они получают удовольствие только при встрече с еще большим уродством. Лишь несчастья здоровых способны сделать их на короткий срок счастливыми, — состояние счастья уроды не способны сохранять долго. Людей уроды классифицируют не по полам, не по возрасту, не по классам и профессиям, а по типам и степеням уродства. Лучшие умы нашего комбината уже несколько лет работают над изобретением универсальной классификации уродств, но пока не достигли удовлетворительного результата. Теоретик предложил свой метод классификации уродств и измерения степени их. Заключается он в следующем. Надо составить более или менее подробный список всевозможных уродств и затем произвести опрос населения по правилам социологических исследований, как люди сами себя определяют относительно этих типичных уродств. Например, человеку предлагается ответить на вопрос, за какую цену (то есть за какое уродство) он согласился бы избавиться от своих недостатков. Может быть, они скрытые. Опросив лиц со стандартными уродствами, можно упорядочить последние. Например, лучше без одной руки, чем без одной ноги. И тогда для каждого человека можно будет найти точное количественное выражение степени его уродства. Вот ты согласился бы пожертвовать одной рукой, чтобы приобрести одну здоровую ногу? Согласился бы. А я согласен пожертвовать одной ногой, чтобы приобрести одну здоровую руку. Значит ли это, что мы — уроды одной категории? Нет. Все-таки предпочтительнее быть без обеих ног, чем без обеих рук. Хотел бы ты со мной поменяться? Нет. А я вот хотел бы поменяться с тобой. Значит, я — урод более высокой категории.

Мы — живые существа. Основа живого — стремление к самосохранению. Все, что мы имеем, есть развитие защитной реакции живого. Если уродство неотвратимо, так почему бы в порядке самозащиты не принять его как факт, почему бы не возлюбить его и не извлечь из него пользу? Заметь, многие женщины любят иметь дело со слепыми, поскольку те не видят

их недостатков и обладают повышенной похотливостью. Хромым и безногим уступают места в общественном транспорте. Импотенты избавлены от утомительных супружеских обязанностей. А душевные уроды избавлены от мук, связанных с жизненной активностью. Чем плохо? Нам предоставляется полная свобода выражения и маскировки своего душевного уродства, возможность упиваться им, оправдывать его, навязывать его другим. Всякое уродство имеет свои достоинства, и, наоборот, всякое достоинство предполагает некоторое уродство. Из этого постулата следует: если видишь в поведении человека нечто достойное похвалы, ищи в основе его некое явное или скрытое уродство.

Всякое уродство для более или менее терпимой жизни должно быть чем-то компенсировано. Самое распространенное и сильное средство для этого есть другое уродство, доставляющее удовлетворение, то есть разврат. Потому уроды обычно болтливы, похотливы, пошлы, циничны, злорадны, мстительны, тщеславны, корыстны... Назови мне хотя бы одного урода, не поддающегося действию этого закона. Я знаю, ты имеешь репутацию человека сдержанного, аскетичного, благородного. Но ведь это — тоже форма разврата, ибо это есть нарушение некоей нормы. Человек, уклоняющийся от общения с женщинами или от вина, есть такой же развратник, как человек, злоупотребляющий женщинами и вином. Ты избрал не негативную, а позитивную форму разврата, чтобы компенсировать свое уродство. Я уверен, ты хотел бы сбросить свои светлые ризы и грешить. Но тебе это так же трудно сделать, как бабнику и пьянице отказаться от злоупотреблений сексом и вином. Это верный признак разврата. Я компенсирую свое уродство развратом мысли. Я в своих интеллектуальных построениях не знаю никаких моральных ограничений. Я способен развить теорию, основывающуюся на любых постулатах, в том числе — на самых бесчеловечных. Как видишь, я тоже не свободен от действия закона компенсации.

Идеология здоровья

Постоянным оппонентом Теоретика в комбинате является его близкий друг Виктор Белов. Он окончил механико — математический факультет Московского университета, подавал надежды, но попав к нам, застрял на уровне старшего преподавателя в каком-то институте. Защитил с большим трудом диссертацию. Ходили слухи, будто он сделал какое-то важное открытие. Но эти слухи его и погубили: вместо карьеры профессора ему пришлось довольствоваться чисто символической ролью заведующего группой в нашем отделе. Когда в комбинате создали отдел теоретических проблем моделирования, Белова назначили заведующим его. Что делают сотрудники отдела, в комбинате никто не понимает. Поэтому к ним относятся с уважением, а они сами ощущают себя аристократами и смотрят на всех прочих свысока. А «все прочие» им мстят за это тем, что не дают им премий, прибавок к зарплате, квартир и других материальных благ, а также не пускают их во всевозможные выборные органы.

Белов считает, что здоровые люди совершают преступление, создавая общество, в котором вследствие прогресса с необходимостью рождаются дети — уроды. Но здоровые люди совершают двойное преступление, сохраняя этим уродам жизнь и обрекая их на страдания. Я возразил на это, сославшись на результаты исследований наших социологов. Социологи в течение нескольких лет проводят опрос инвалидов от рождения. На вопрос, что предпочли бы инвалиды — умереть при рождении или жить, почти сто процентов предпочли вторую возможность: жить, несмотря ни на что. Белов сказал на это, что вывод социологов априорно ошибочен, поскольку опрашиваемые давали ответ в силу индивидуального биологического инстинкта самосохранения, а не в силу соображений общей социальной целесообразности. При рождении люди не имеют выбора, а уничтожение существ, не сформировавшихся в личность, не есть моральное преступление. Конечно, тут есть юридический аспект. Но когда

процент уродов от рождения станет реальной угрозой вырождения человечества, здоровые примут самые жестокие, с нашей точки зрения, законы на этот счет. Сейчас здоровых людей пока еще достаточно для продолжения рода человеческого. Через сто лет, может быть, будет поздно думать об этом. Рост числа людей не делает людей счастливее. Наоборот, он умножает сумму несчастий. Слишком много людей на планете. Надо остановить процесс роста населения. Естественно, начать надо с искоренения всяких уклонений от биологических норм.

Иногда дискуссии между Беловым и Черновым принимают весьма острые формы.

— Что нужно для здоровой и счастливой жизни, — говорит Белов. — Не так уж много. Физическое здоровье. Хорошее воспитание в семье и в школе. Хорошее образование. Интересная работа. Уважение в коллективе. Хорошая еда, жилье, одежда. Здоровая семья. Друзья. Культурные развлечения. Все это в принципе достижимо. И многие это имеют фактически.

— Многие ли? — возражает Чернов. — Ну а если ты физически нездоров?

— Он предлагает слабых и уродливых индивидов уничтожать при рождении, — заметил я.

— Разумно, — согласился Чернов. — Допустим, все физически здоровы и никаких больных нет. А если люди заболевают, пусть их лечат идеальнейшим образом. Для многих ли граждан осуществим твой идеал в нашем обществе? Только для тех, кто по рождению оказывается в привилегированном положении, кто умеет устраиваться в жизни, преуспевает, делает карьеру. А какой ценой это достигается? А как быть с теми, кому не повезло с родителями, кому не удастся сделать карьеру, кого оттолкнули более ловкие хапуги, кому не удалось получить хорошее образование и интересную работу?

— А я и не предлагаю мой идеал для всех, — говорит Белов. — Я лишь говорю о том, что нужно для здоровой, гармоничной и счастливой жизни. А кому удастся этого достичь, это другой вопрос.

— И этот «другой вопрос» превращает в идеалистическую пустышку твой идеал, — сказал Чернов. — Надо исходить не из абстрактных идеалов, а из конкретной реальности. И изобретать идеалы применительно к реальным условиям. А что мы видим в реальности? У бездарного подхалима и пройдохи Грбового четырехкомнатная квартира, дача, должность, награды и все прочее. А у гениального изобретателя Горева — жалкая комнатуха, никакой семьи, никакой перспективы в смысле повышения по службе и признания заслуг. Вы все знаете, что за ничтожество был Сусликов. А кто он теперь? Секретарь ЦК КПСС. Я уж не говорю про такую мразь, как его помощник Корытов. Он ухитрился сохранить квартиру и дачу здесь. И в Москве получил по нормам генералов и академиков. Его с юности развратный сын в Институте международных отношений, а серая, как асфальт, дочь уже заслуженная артистка республики. Наверняка народной будет. А что ждет твоего сына? Помяни мои слова, ты еще заработаешь инфаркт, когда он окончит школу и попытается поступить в университет. Хотя у тебя там какие-то связи есть. Взятку дашь. Так что, может быть, обойдется. Продолжать?

— Не надо. Все это общеизвестно. Но надо же как-то жить. Если обо всем этом постоянно думать, то с ума сойти можно.

— Ага! Вот тебе первый постулат реального идеала здоровой жизни: игнорируй социальное неравенство и несправедливость, старайся попасть в число благополучных. Этому идеалу здоровой жизни и следуют фактически Сусликовы, Корытовы, Маоцзедуньки, Грбовые и прочие. Ну, а если ты не можешь попасть в эту свору социальных хищников, кровососов, приспособленцев, хапуг? Пойдем дальше. Возьмем семью. Укажи мне хотя бы одну здоровую в твоём идеальном смысле семью. Многие ли браки являются прочными и благополучными?

Здоровая семья — замечательно. Но насколько она реальна в наших условиях? А дружба? Насколько она прочна? Ты что, не нагляделся еще на бесчисленные случаи в нашем учреждении, когда друзья предают друг друга и делают друг другу пакости? Мы вот с тобой друзья. А кто предложил отклонить мою кандидатуру на премию к празднику?! Разве я как работник хуже Сидоренко, которого ты предложил вместо меня?!

— В следующий раз...

— Не надо следующего раза. Я на тебя не обижаюсь. Я лишь пример привожу. Нет, друзья мои, никакого идеала здоровой и счастливой жизни нет и быть не может. Нужны идеалы совсем иного рода. Нужно, чтобы в нашем уродливом обществе заговорили уродливые страсти: ненависть, злоба, презрение, месть. Надо разбудить вражду и готовность драться.

— У нас это уже есть в избытке.

— А на что все это уходит? Значит, надо придать этому социально значимый характер и направить в единое русло.

— Новая революции? Мы уже пережили одну. И избави Боже от новой.

Живи

Я хотя и слушаю Теоретика, идеи его я не принимаю. Я не верю в то, что только несчастья других делают нас счастливыми. Я не верю в то, что только зрелище еще большего уродства приносит облегчение уроду. Я не верю в то, что только смерть других придает живым сознание ценности жизни. Это — лишь идеология больных, стремящихся навязать миру свои болезни как высшее здоровье. Я хочу, чтобы все люди вокруг были здоровыми и счастливыми. Если для этого нужно стать самым страшным из уродов, я готов пойти на это.

Не принимаю я и идеалы Белова. Моя идеология примитивна, как идеология червяка, если бы червяк мог иметь какую-то идеологию. Я еще верю в то, что смогу проползти отведенный мне кусок жизни, и не ведающая обо мне Судьба не наступит на меня и не раздавит меня на полпути. И как это ни странно, я еще верю в человеческую доброту. Мне стыдно в этом признаться, но мне доставляет удовольствие делать людям приятное. Стыдно, потому что я где-то вычитал, что подлинное добро должно быть бескорыстно, а если ты делаешь добро и получаешь от этого удовольствие, то это уже не добро, а что-то негативное. Но я не представляю себе, как это можно делать добро, не испытывая никаких чувств. Тогда это будет не человеческое действие, а что-то машинообразное. И тогда тем более к твоим действиям нельзя будет применить понятия добра и зла. И вообще есть проблемы, которые лучше оставить нерешенными.

Спеши делать добро

Раньше глазные протезы нам поставлял Китай. Назывались они «Свет идей Мао». Потом отношения с Китаем испортились, и наступил острый дефицит глазных протезов. Уже тогда встал вопрос об их отечественном производстве. Где-то создали небольшую артель для этой цели. Но она не покрывала растущих потребностей в протезах. Теперь принято решение создать цех глазных протезов в нашем комбинате. Теоретик упомянул об этой новости, когда мы сидели у Слепого. Слепой сказал, что ему надоело носить темные очки и он не против,

если ему ко дню рождения подарят пару искусственных глаз небесно — голубого цвета марки «Свет идей Мао». Я сказал, что у нас они будут называться «Свет идей Октября». Началась полужуточная — полусерьезная болтовня на эту тему.

— В США слепым пересаживают здоровые глаза. Только это дороговато. Один глаз стоит пять миллионов долларов.

— Где взять такие деньги? К тому же как попасть в Америку?

— У нас пересадкой органов тоже занимаются. Я один свой глаз готов пожертвовать тебе.

— Какой он у тебя?

— Маленький, черный, хитрый.

— Не пойдет.

— Глаз не проблема. У них наверняка целый склад здоровых глаз имеется. Любого цвета и размера подобрать могут. Главное — пробиться туда.

— В конце концов, можно лично обратиться в Министерство здравоохранения.

— Видали они таких! В Москве академиков слепых несколько штук есть, да что-то им ничего не пересадили!

— Там на пересадку наверняка дикая очередь. Без взятки ничего не выйдет.

— Мы забыли про кибернетику. Сейчас наверняка делают устройства, подобные зрению и заменяющие зрение. Американцы вроде бы добились больших успехов в этом деле. И у нас наверняка этой проблемой занимаются.

— Занимаются, я это точно знаю. Но это — сверхсекретные вещи. Это же имеет военное значение. Аппараты, подобные зрению, устанавливают на снарядах, и те сами наводятся на танки и самолеты. Они буквально находят цель в любых условиях.

— Вот бы достать такой аппаратик! Узнать хотя бы, где такими вещами занимаются!..

— Недавно по телевидению целая передача была о восстановлении и компенсации утраченных органов чувств. У нас в городе, оказывается, есть школа для слепоглухонемых. И инженер один выступал. Он хочет изобрести компактный поводырь для слепых.

Я наблюдал за Слепым. Мне стало жаль его. Я решил хоть чем-нибудь помочь ему. Не важно, что в конце пути его ждет разочарование. Важно, что какое-то время он поживет с надеждой.

Школа слепоглухонемых

Я предложил Слепому начать с самого легкодоступного и затем постепенно восходить ко все более труднодоступному, дерзая в конце концов на недоступное и невозможное. И мы отправились в школу слепоглухонемых, которая была создана у нас в городе на базе материала, поставляемого «Атомом», то есть специально для детей — уродов, рождающихся в районе «Атома». Шли пешком, хотя школа была довольно далеко за городом. Погода была превосходная, времени у нас было в избытке, путь наш лежал через городской парк по крутому берегу реки. Слепой был в приподнятом настроении.

— Боже, как хорошо, — повторял он через каждые десять минут. — Такой день оправдывает все прошлое и будущее убожество. Именно в этом — в ощущении полной гармонии природы и тебя самого — заключается смысл и вершина нашего бытия. Все остальное — вздор! Как я завидую тебе: ты же видишь всю эту божественную красоту!

А что я мог ему на это ответить? Я действительно видел, но отнюдь не божественную красоту. На той стороне реки, где раньше были прекрасные необозримые луга, источал в небо ядовитые разноцветные дымы химический комбинат. На этой стороне снесли с лица земли вековую липовую аллею — прокладывают новую дорогу к военному заводу. Дорогу ограждают от глаз посторонних высоким бетонным забором с колючей проволокой поверху. За озером высятся коробки новых цехов завода с узкими щелками вместо окон. Озеро уже огородили деревянным (пока) забором и поставили повсюду щиты с надписью «Посторонним вход строго воспрещен!». Недалеко от детского городка — длинная и беспорядочная очередь в пивной ларек. Вокруг ларька на траве уже валяются пьяные. Один блюет, держась за дерево, а другой блюет на первого, держась за него. Прошли равнодушные ко всему милиционеры. Подвыпивший парень пытается затащить хихикающую девчонку в кусты. Та сопротивляется, но не настолько решительно, чтобы ввести в заблуждение парня и зрителей этой сцены. Пожилой бухарик делает знак парню — он платит ему трешку, если он уступит ему потом девчонку. Парень грозит выбить бухарику оба глаза. В общем, красота неопишуемая, божественная, как сказал Слепой. Я не хочу его разочаровывать.

— Да, — говорю я, — способность видеть эту божественную красоту есть великое благо. Люди не ценят его, поскольку имеют его. Сражаться за это благо, не имея его, — это величайшая цель в жизни.

— Конечно! — почти кричит Слепой. — Я бесконечно благодарен тебе за то, что ты вселил в меня надежду.

— А если нас ждет разочарование, — говорю я, — как я тогда буду выглядеть в твоём представлении?

— Пусть разочарование, — убежденно говорит он, — но путь к нему лежит через надежду, и это достойная плата за все.

В школу нас долго не пропускали, выясняли, кто мы такие и зачем пожаловали. Проверили наши документы — а то вдруг мы иностранцы, можем написать бог знает что. Директор с нами разговаривать не захотел: занят. До нас снизошла заведующая учебной частью.

— В нашем распоряжении, — сказала она, — тридцать... ну, допустим, сорок минут. Так что используем это время с максимальной пользой.

Она нам заученным тоном рассказала то, что мы уже знали из газетной заметки и из телевизионной передачи. В этой передаче всех желающих приглашали посетить школу, уверяя, что воспитанники будут нам очень рады. Они проявили к нам полное равнодушие и оживились немного лишь тогда, когда им сообщили, что один из нас — слепой. Процедура общения с воспитанниками школы оказалась такой технической операцией, что никакого ощущения общения у нас не возникло. Общались с нами лишь сотрудники, работающие с ними. Они и проявляли какие-то эмоции, которые нам предлагалось считать эмоциями самих воспитанников. Покинули школу мы мрачными и подавленными.

— Я прочитал кое-какую литературу на эту тему, — сказал вдруг Слепой. — Теперь я своими глазами (!) кое-что увидел. И вот какие мысли напрашиваются тут сами собой. Если ты не возражаешь, я очень кратко выскажу их. Хотя мне трудно выразиться кратко, поскольку слепые — самые болтливые существа на свете.

Я сказал, что нет надобности говорить кратко. Путь нам предстоит долгий, и я готов

выслушать все, что он сочтет нужным сказать.

— Ну что же, пеняй на себя, — ответил он. — Прежде всего я не вижу абсолютно ничего гуманного в этой школе, что бы по сему поводу ни трубили участники этого дела и пресса. Какой же это гуманизм, если здоровые люди прилагают огромные усилия к тому, чтобы пробудить в этих несчастных существах самосознание и дать понять им, что они убоги в крайней степени, что они суть убожества из убожеств? Нет, это неслыханная жестокость. Это заведение на самом деле служит не на благо этих несчастных существ, а на благо тех здоровых, которые живут за их счет. Я не верю в их доброту. Они — шакалы в еще большей мере, чем существа типа Корутова и Сусликова. И обрати внимание, человечество проявляет полное равнодушие к судьбам миллионов здоровых людей, готово даже уничтожить многие миллионы излишних здоровых людей, проявляя при этом трогательную заботу о небольшом числе несчастных существ, которые даже не являются людьми в строгом смысле слова. Хотя люди и тут остаются людьми: они превращают эти человекоподобные существа в глубоко несчастных людей. Вспомни, на что жаловались эти интеллигентные научные сотрудники! На недостатки технических средств: эти средства не дают им возможности объяснить воспитанникам, что такое слух и зрение и что такое нормальная звуковая и письменная человеческая речь! Зачем им нужно это? А чтобы дать понять воспитанникам, как прекрасен мир и как прекрасно наше общество! Ты знаешь, в этом есть что-то в высшей степени зловеще — символическое: может быть, эти несчастные существа будут единственными, кто будет верить в красоту идеалов коммунизма и в то, что эти идеалы на самом деле воплощаются в жизнь именно в их идеально — райском виде. Между прочим, думаешь, я не догадываюсь о том, что ты видел вокруг, когда мы шли сюда? У меня ведь чуткий слух. Я слышал все, о чем говорилось у пивного ларька. И запахи!.. Какой кошмар! От этих запахов нет спасения! Ты — счастливый человек. У тебя нет такой остроты слуха и обоняния, как у нас. А глаза — их ведь можно закрыть!

Мысли червяка

Все так называемые вечные и великие проблемы, над которыми ломали головы мыслители и страдатели прошлого, низводятся у нас до червячного уровня. Быть или не быть — для нас тут никакого выбора нет. Допустим, не быть. Но что изменится в мире от того, что я не буду жить? Что выгадает от этого человечество? Кому-то достанется моя комнатуха, и этот червяк — человек будет счастлив. Кому-то достанется моя ничтожная должность с моим малюсеньким кабинетиком, и этот червяк — человек тоже будет счастлив. Вот и все. Допустим, быть. Что имеет от этого человечество? Кому я причиняю зло и мешаю жить? Много ли добра я вношу в мир? Кому я нужен?

Все великие проблемы суть на самом деле преходящие и мизерные эгоистические проблемки. Для меня весь мир крутится вокруг одной темы — моего личного уродства. Мое уродство стало для меня своего рода культом. Оно дает мне самосознание исключительной личности. Я и Невесту сделал богиней своего эгоистического культа. И это так безнравственно, как и все то, что я считаю безнравственным в окружающих меня людях. Конечно, от этого не страдает никто, кроме меня самого. И никто не знает о том, какие мысли роятся в моей голове. И все-таки это не оправдание. Самые глубокие моральные проблемы возникают тогда, когда человек остается наедине с самим собою.

Подготовка к празднику уродств

На совещании по поводу подготовки к фестивалю инвалидов Гробовой произнес речь, суть которой свелась к следующему: надо отобрать по всей стране наиболее ценные экземпляры ножных инвалидов — ученых, деятелей культуры, спортсменов. Затем надо научить их водить автомашину, танцевать, играть в теннис и многому другому. Мне решили поручить отбор безногих инвалидов в наиболее перспективных с этой точки зрения городах, включая Москву. Наконец-то я побываю в Москве!

— Счастливый, — сказала Невеста, узнав об этом, — в Мавзолее Ленина побываешь!

— Мне это счастье не светит, — сказал я. — Чтобы попасть в Мавзолей, надо много часов стоять в очереди.

— Тебя без очереди пропустят!

— Чтобы получить разрешение пройти без очереди, надо две недели ждать.

— Жаль. А то жизнь пройдет, а в Мавзолее так и не побываешь.

Много ли человеку надо

Невеста опять спит на моем диване. Я сижу на кровати и гляжу на нее. Много ли человеку надо, — думаю я. Здоровье, хорошая работа, семья, уважение в коллективе — вот и все. Но это немного не так-то просто иметь. Мне было бы достаточно иметь вот эту, честно говоря, не очень-то красивую и не очень-то умную девчонку. Обладание ею с лихвой покрыло бы мои потребности. Разве это много? Оказывается, много. Настолько много, что вообще недостижимо. Она доступна другим. Но это не меняет положения. Она недоступна мне, и потому она уже не есть храпящая девчонка. Она есть сияющая красотой Богиня.

Через каждые несколько минут я смотрю на часы. А стрелки словно застыли на месте. Я прикладываю часы к уху — вдруг они остановились! Нет, они идут. Время идет, оно лишь тянется, как вечность. А что в этом плохого? Это даже хорошо. Она же здесь, со мной. И смотреть на нее — радость. Так пусть же время остановится совсем! Слово подслушав мою мысль, время вдруг помчалось с ужасающей скоростью. Стоило мне на мгновение отвести взгляд от часов, как стрелки вдруг оказывались смещенными на целый час вперед. И вот она уже проснулась, взглянула на часы, воскликнула: «Ой, мамочки, опять опаздываю!» — и умчалась, не попрощавшись и не поблагодарив за ночлег.

Вечность тоже преходяща!

Скандал

Как я и предполагал, мое предложение провести массовое испытание моих протезов и на этой основе усовершенствовать их было скоро забыто как в нашей дирекции, так и в райкоме партии. Но Гробовой, будучи уверен в том, что я уже и без этого испытания сделал какое-то важное изобретение, не отказался от своего намерения выведать его. Поскольку от него и его сообщников можно было ожидать любых пакостей, мне пришлось спрятать мои новые протезы и передвигаться на старых, которые я предлагал принять за опытный образец и пустить в массовое испытание. Мои новые протезы я разобрал, сложил в чемодан и отнес к Слепому, сказав, что тут у меня — ценные вещи, которые я не хотел бы держать дома.

Разумность моего решения скоро подтвердилась. Как испытатель я должен каждый год проходить всестороннее медицинское обследование. Лишь на основе такого обследования специальная комиссия должна решить, можно допускать меня к работе испытателя или нет. Это выглядит довольно комично, поскольку все мои функции испытателя заключаются лишь в том, чтобы время от времени писать ничего не значащие отчеты. Но если комиссия сочтет мое физическое состояние неудовлетворительным, меня отстранят от работы испытателя, что будет означать сокращение моей зарплаты. Это не очень много, но все же ощутимо. Именно так и случилось на этот раз. Хотя я был в отличной форме, комиссия сочла меня непригодным для работы испытателя протезов, тех самых протезов, в передвижении на которых я достиг виртуозного совершенства. Поскольку мои самодельные протезы не были приняты даже в качестве опытного образца к испытанию, у меня их отобрали. Я потребовал вернуть мне их обратно, заявив, что я в противном случае выброшусь из окна. Слух о том, что происходило со мной в санитарной части комбината, распространился каким-то путем по комбинату. Нелепость и несправедливость решения комиссии были настолько очевидны, что многие сотрудники с возмущением ринулись в дирекцию и партийное бюро. Протезы мне вернули. Гробовой и его сообщники успели, однако, за это время обследовать их. Никаких особых усовершенствований они, естественно, не обнаружили.

Комиссия решила пересмотреть свое решение насчет допуска меня к работе испытателя. Я, однако, сам написал заявление в дирекцию о том, что в сложившейся ситуации отказываюсь от работы испытателя. Меня вызвали в партийное бюро. Секретарь партбюро сказал, что считает мое поведение недостойным члена партии. Я пригрозил написать письмо в ЦК КПСС обо всем, что творится у нас в комбинате. Он сбавил тон, попросил «не разводить склоку в коллективе», пообещал «принять решительные меры к тому, чтобы нормализовать обстановку». Я не стал слушать его демагогию до конца и ушел, хлопнув дверью так, что она чуть не слетела с петель.

В день полочки я обнаружил, что испытательскую надбавку к зарплате мне все-таки выплатили. Я спорить не стал.

Но, как говорится, нет худа без добра. Я заметил, что мои усовершенствования старых протезов были излишне сложными и имели свои недостатки. Оказывается, в моих старых протезах достаточно сделать незначительные изменения, чтобы они стали лучше новых. И никакой Гробовой теперь не сможет разгадать их секрет.

Кто виноват

Негодование в комбинате по поводу моей истории было необычайное. Многие требовали предать факт гласности. Но начальство решило «не поднимать шум из-за пустяка». Тем более и мое поведение нельзя считать партийно правильным. Ко мне в кабинет зашел Социолух. Он усмотрел в моей истории проявление «глубоких пороков коммунизма».

— Нельзя во всем винить наш социальный строй, — сказал я. — Во многом виноваты обстоятельства и мы сами.

— Верно, — согласился он. — Но кто несет ответственность за «Атом» и за твою инвалидность? Кто повинен в том, что тебе не дают реализовать твоё изобретение? Почему такие ничтожества, как Гробовой, вылезают наверх? Почему так жалок наш бытовой уровень?

— Согласен! Но ведь жизнь есть борьба за существование. Выживает наиболее ловкий и удачливый. Во всякой социальной системе есть свои несправедливости.

— Мне наплевать на другие системы. У меня есть мои личные счета с нашей. Если и в других системах полно подлостей, это не извиняет подлости нашей.

— Странно, что и у тебя конфликт с системой...

— Мой конфликт может быть глубже, чем твой и Чернова. Я здоров, полон сил. Кто знает, может быть, наша система убивает во мне потенциального великого человека.

— Ты сочинил что-то?

— Кое-что.

— Пусти в «самиздат». Или напечатай на Западе.

— Время «самиздата» прошло. А на Западе то, что надумал я, не напечатают. Положение русского мыслителя безвыходное. Дома свои не пускают. А на Западе в нас признают только протест против некоего тоталитаризма, но ни в коем случае — положительный вклад в культуру. Я ведь не первый в этом роде. Чем значительнее твои результаты, тем хуже для тебя. И плюс к тому — массы людей нуждаются не в истине, а в заблуждении. Сколько веков умами людей владели ложные религиозные идеи о происхождении человека и загробной жизни?! Теперь на их место выдумывают новый вздор.

— Так, может быть, вообще не стоит ничего изобретать и открывать? Жить спокойнее.

— Ты мог бы жить без твоих изобретений?

— Нет.

— Вот и я не могу не думать над своей теорией. Я рожден для нее.

Моя ошибка

В самом начале моей сознательной жизни я сделал ошибку. Я думал, что достаточно будет сделать какое-то открытие или изобретение, как люди сами оценят его по достоинству и воздадут мне за это должное. Я подчинил этому всю свою жизнь. Отказывал себе во всем. Все силы свои отдавал тому, чтобы возвыситься над массой людей за счет трудолюбия, способностей, творчества. Я был не настолько глуп, чтобы не видеть реальности, — того, что в реальности люди оценивают не столько настоящие открытия и изобретения, сколько кажущиеся, но удобные и подходящие для их привычных представлений или, наоборот, для сенсаций. Я также многократно замечал, что признание открытия или изобретения зависит не столько от того, кто его сделал, сколько от тех, кто обладает властью и средствами признать или не признать факт открытия или изобретения. От них зависит и конкретная форма признания. И все же я делал лично для себя исключение. Я надеялся на то, что в отношении меня судьба будет более великодушна. Ведь были же и в нашей истории исключения, когда... Я не знал реальной сути этих «исключений».

Мое заблуждение, однако, сыграло в моей жизни огромную положительную роль: я выкарабкался в число полноценных людей, занял среди них не такое уж плохое место, завоевал уважение. Но за все приходится платить. Теперь настало время пожинать отрицательные последствия моей ошибки.

Всю ночь терзался вопросом, является мое поведение нравственным или нет. В конце концов, какой толк в том, что я держу мое изобретение в секрете? Все равно я это свое

мизерное сраженье с обществом, олицетворяемым Гробовым, проиграю. А так хоть кому-то польза будет. Надо будет подготовить чертежи и расчеты. Пусть присваивают! Все равно это не Бог весть что — не космический корабль, не атомная бомба, не строение хромосомы. Так стоит ли возвышать проблемы ножных протезов до уровня проблем моральных?

А что, если передача труда моей жизни мерзавцам вроде Гробового будет ошибкой еще большей, чем моя исходная ошибка? И бывает ли вообще правильное исправление жизненной ошибки?

Невеста

У Солдата скоро день рождения. Невеста хочет подарок купить, а денег нет. Не мог бы я занять рублей двадцать до получки? У меня такой суммы в резерве не было. Пришлось разыскать Романтика, чтобы занять у него. Сейчас я позавидовал Солдату. Мне мучительно захотелось, чтобы обо мне кто-то проявил такую заботу, чтобы кто-то не спал из-за меня ночей, чтобы разыскивал меня и в пьяном виде волок на себе домой... Мир устроен несправедливо. Счастье и несчастье распределяются между людьми чудовищно неравномерно. Возможно ли какое-то социальное устройство, в котором в этом отношении будет достигнута какая-то норма справедливости? Наш строй считается самым справедливым в истории. Но и он не может устранить многие старые несправедливости и порождает свои новые. Деньги мне Романтик дал. Невеста деньги взяла, собралась уходить, уже с порога спросила меня, когда у меня день рождения.

— Сегодня, — ответил я.

Житейская грязь

Солдат пришел домой поздно вечером основательно пьяный. Привел с собой какую-то девчонку. Попросил меня уступить ему комнату на пару часов. Я ему что-то сказал насчет Невесты. Он сказал, что «она тоже не теряется». Я сказал, что моя комната не бардак. Он сказал, что я его не понимаю, так как я якобы импотент. Я его вытолкнул из комнаты. Он ушел с девчонкой, ругаясь нехорошими словами. Мне показалось, что девчонка тоже была пьяна.

Мать Солдата слышала, конечно, нашу беседу. На другой день она из-за какого-то пустяка накинулась на меня с бранью. Ни с того ни с сего она заявила, что я не просто импотент, а вообще лишен «этой штуки». Солдат решил проверить, так ли это. Для этого он соскреб краску со стекла окна, выходящего из ванной на кухню, чтобы подглядывать за мной, когда я моюсь в ванной. Но тумбочка, на которую он взобрался, сломалась, и Солдат упал, сильно ударившись о раковину. Меня же он обвинил в том, будто я специально раскачал тумбочку, чтобы она сломалась.

Такого рода мелкими грязными сценками наполнена вся наша жизнь. Я не придаю им особого значения. Я к ним привык. А главное — я знаю, что людям свойственно вымещать накопившуюся злобу на ближних. Через день в квартире у нас снова восстановился мир. Извинения Солдат, конечно, не попросил — у нас это вообще не принято.

Заменитель зрения

Есть у нас в городе комплексный научно — исследовательский институт, в котором занимаются проблемами бионики, применяют кибернетические идеи и методы в физиологии и психологии и делают многие другие очень модные вещи, включая парапсихологию. Совершенно случайно я узнал, что в институте уже десять лет существует лаборатория искусственного зрения или заменителей зрения. Две недели мы со Слепым безуспешно пытались прорваться в институт или хотя бы узнать имена сотрудников лаборатории. Один раз нас забрали в милицию, заподозрив в нас американских шпионов. Наконец я вспомнил про Агента. Он дал мне адрес и телефон самого заведующего лабораторией (я его называю Изобретателем). Слепого буквально трясло от возбуждения, когда я нажимал кнопку звонка квартиры Изобретателя.

Изобретатель нашему приходу не удивился — мы далеко не первые его посетители. Удивлялся он только тому, какими путями мы узнали его адрес. Их лаборатория секретная. Сообщать посторонним имена и тем более адреса сотрудников категорически запрещено. Я сказал Изобретателю, что это — большой секрет, каким образом становятся известными секреты. Моя шутка ему понравилась, он подобрел, угостил нас чаем и разговорился.

Да, он уже десять лет работает над созданием аппарата, заменяющего зрение. Основные идеи просты и очевидны: компенсировать отсутствие зрительных ощущений другими видами дистанционной связи организма со средой, включая звуковые и тепловые ощущения, электромагнитные волны, биотоки. Техническое же исполнение — дело необычайно сложное. Да, есть серьезные достижения. Они построили аппарат высокой степени чуткости. Если бы аппарат был компактным, то слепой человек мог бы перемещаться с ним в сравнительно простой среде со скоростью три — четыре километра в час с такой уверенностью, как если бы он был зрячим. Но, увы, аппарат пока еще очень громоздок. Нужна современная электроника, чтобы значительно сократить размеры и вес аппарата. Уже сейчас можно было бы уменьшить размеры его до величины школьного ранца, а вес — до десяти килограммов. Но на это нужны огромные средства, а не те жалкие крохи, какие им сейчас отпускают. Нужны первоклассные специалисты. Технология нужна такая, какой у нас нет. К тому же наши исследования засекретили до такой степени, что практически они прекратились совсем.

— Если мы сами не можем довести дело до конца, — сказал Слепой, — так надо сообщить ваши результаты американцам, японцам или немцам. Те наверняка купят патент за огромные деньги. Это же великое дело! Вам же памятник из золота поставят!!

— Не будьте наивным, молодой человек, — ответил Изобретатель, — мы лучше сгноим такое дело у себя, чем передадим другим. Конечно, это имеет какое-то военное значение. Но не в этом суть. Мне трудно вам объяснить... Я двадцать лет жизни целиком отдал этому изобретению. Иногда мне хочется от отчаяния покончить с собой...

Афганщина

Зашел Солдат. Сказал, что резервистов вызвали в военкомат, предупредили, чтобы никуда не уезжали. Кое-кого пошлют в «Афганщину» — так теперь называют Афганистан.

— Но ведь мы собираемся выводить войска из Афганистана, — удивился я.

— Одни выведут, другие введут. Числом будет меньше, а по мощи сильнее. Это же младенцам понятно.

— А ты не боишься, что тебя пошлют в Афганистан?

— Если пошлют, буду воевать как все.

— И будешь стрелять?

— Конечно. На то я и присягу давал.

— В кого?

— В кого прикажут.

Этот разговор заставил меня задуматься над мотивами поведения наших людей. Я много ночей подряд анализировал мое собственное поведение и поведение моих знакомых. И к своему величайшему удивлению, я не нашел в нем места ни для каких категорий морали. Наше общество вообще уже сложилось в формальный, машинообразный механизм. Поведение общества в целом, всех его частей и всех граждан определяется у нас системой формальных правил. Нас с детства приучают и принуждают соблюдать эти правила. Мы общими усилиями приучаем и принуждаем друг друга поступать в рамках этих правил. Все остальное, включая идеологию, пропаганду и карательные органы, есть лишь средство научить нас и заставить жить по правилам, которые уже выработались у нас и выработались навечно. Солдат абсолютно прав: мы будем делать то, что нам прикажут, ибо те, кто нам приказывает, и те, кому приказывают, действуют по одним и тем же правилам, каким они обучены, и ни по каким другим, о которых они могут знать, но следовать которым они не приучены. И все те бунтарские разговоры, которые мы ведем иногда, суть пустые звуки, несколько не разрушающие систему правил, в рамках которых мы кривляемся и извиваемся. И мое личное сражение, кажущееся мне моральным явлением, на самом деле целиком и полностью укладывается в рамки поведенческих норм общества. Я подобен Дон Кихоту. Только в отличие от него я сражаюсь не с ветряными мельницами, а лишь с их призраками.

Направляющие устройства

Все мои попытки попасть в лабораторию направляющих устройств кончились неудачей: повсюду я наткнулся на стену секретности. Но вот просматривая американские научные журналы, я обнаружил большую статью на эту тему. Из нее я узнал, что все исследования в этой области ориентированы на военные цели, то есть на ориентацию таких объектов и в таких условиях, какие мало что общего имеют со слепыми и их перемещением в пространстве. В статье был особый параграф на эту тему. Выводы авторов статьи на этот счет были оптимистическими, но лишь в неопределенно — отдаленной перспективе. Я информировал Слепого о своих изысканиях.

— Обидно то, — сказал он без всяких эмоций в голосе, — что люди с различных сторон фактически вплотную подошли к преодолению слепоты. Если бы их усилия теперь объединить и направить именно на эту в высшей степени гуманную задачу, то уже через несколько лет проблема была бы с блеском решена. Сначала это были бы аппараты, умещающиеся в портфеле, потом — в кармане, наконец — в дужке очков. Это был бы триумф человеческого гения. А что получается на деле?! Боюсь, что я напрасно рыпаюсь. Так и умру, не воспользовавшись этим триумфом человеческого гения. Знаешь, что меня сейчас волнует? Каким будет представляться мир людям, которые будут пользоваться аппаратами, полностью компенсирующими отсутствие зрения? Понимаешь? Допустим, что каждому зрительному ощущению с помощью этих аппаратов в человеке будет создаваться соответствующее состояние, так что будет иметь место полный изоморфизм зрительных

образов и образов, создаваемых этими аппаратами. Будет ли это означать, что человек видит мир? Понимаешь? Я вот в этой комнате ориентируюсь, может быть, лучше тебя, но я все-таки ничего не вижу. Любой самый идеальный заменитель зрения все-таки не есть зрение.

Невеста

У Невесты день рождения. Я купил цветы и маленькое колечко. Не очень дорогое, конечно. Дорогое мне не по карману. Позвонил ей и попросил подождать меня в условленном месте после работы — ее завод находится недалеко от комбината. Она страшно удивилась, когда я вручил ей цветы и колечко.

— Это по какому случаю? — спросила она. — Уж не делаешь ли ты официальное предложение?

— Предложение остается само собой. Но это — по поводу твоего дня рождения. Поздравляю. Желаю тебе всего самого хорошего.

— Ой, а я и позабыла, что сегодня у меня день рождения. Спасибо, конечно, но к чему такие траты? И как это ты запомнил?

— Ты у меня одна. Я помню до мельчайших деталей все, что связано с тобой.

— Спасибо. Извини, я бегу. У меня дела.

Она втиснулась в подошедший автобус. А я поплелся к другому. Я был счастлив оттого, что принес ей минуту радости.

Порывы

Из нашей жизни исключено все яркое, подлинное и значительное. Нашу жизнь заполнили трудностями и неприятностями такого рода, преодоление которых либо невозможно, либо бессмысленно, либо связано с потерей времени и сил, с тупым ожиданием и постоянным озлоблением. Тоску по остроте, яркости, опасности, рискованности я замечаю во многих людях, с которыми мне приходится сталкиваться. Солдат часто свои разговоры заканчивает восклицаниями вроде «Дать бы кому-нибудь по морде!». Слепой не раз говорил, что лучше взорваться, чем гнить в нашем болоте. Я сам порою вдруг говорю себе: кто мы такие, в конце концов? Стоят ли те помои, которые мы жрем, то тряпье, которое мы носим, те каморки, в которых мы ютимся, та макулатура, которую мы читаем, и прочие, с позволения сказать, блага того бесконечно постыдного унижения перед своими ближними и перед всякими крысами вроде Гробового, Фрола Нилыча, Крутова, Сусликова?

Но такие порывы возникают лишь на миг и тут же уступают место всеобъемлющей серости и унылости жизни. Бунт червяков недолговечен.

— Что тебе еще нужно? — говорю я себе. — Ты сыт и одет, у тебя есть отдельная кровать и даже отдельная комната, у тебя легкая и довольно интересная работа, тебя уважают в коллективе, скоро тебя повысят в должности, у тебя масса знакомых и друзей. Многие ли в мире имеют столько, сколько имеешь ты?! У тебя нет ног. А у многих ли людей есть все?

Сколько в мире людей, которые захотели бы поменяться с тобою местами? Тебе не везет с женщиной. А многим ли везет?! И кто знает, что лучше — жить таким одиноким аскетом, как ты, или взвалить на себя груз семейной жизни, при виде примеров которой у тебя не раз бегали мурашки по телу?! Будь доволен тем, что тебе досталось волею судьбы!

Восстановление утраченных функций

В Советский Союз приехала группа иностранных ученых — специалистов по восстановлению утраченных функций различных органов тела. Задача этого комплексного раздела науки — изучение и лечение случаев, когда орган цел и с биологической точки зрения нормален, но не функционирует или функционирует плохо. Часть таких случаев объясняется дефектами нервной системы и других элементов организма, прямо или косвенно связанных с работой данного органа. Но большая часть их остается до сих пор таинственной, так как никаких дефектов такого рода не обнаруживается. Лечению такие случаи поддаются редко, причем причины излечиваемости остаются также неизвестными.

Нашего директора вызвали в Обком партии и сообщили, что делегация, возможно, приедет к нам в город и посетит комбинат. Что началось твориться в комбинате, невозможно описать. У нас отобрали часть помещений и перевели туда отдел ручного протезирования. А помещения последнего передали лаборатории восстановления, находящейся в том же здании. Для нее пробили в стене парадный вход и снабдили его модным в западной архитектуре лет сорок назад козырьком. Произвели молниеносный ремонт всех кабинетов, заменили мебель и аппаратуру, лестницы устелили коврами дорожками, стены украсили репродукциями картин западных художников, включая Пикассо. И все это в считанные дни. Со всей страны собрали наиболее приличных специалистов в этой области науки и смежных областях, которые мало — мальски прилично выглядели и могли изъясняться на иностранных языках. Они должны были изображать сотрудников лаборатории. А настоящим сотрудникам наказали даже носа не показывать на территории комбината во время пребывания делегации. Всех липовых сотрудников поселили с семьями в новом жилом районе, уже готовом к сдаче в эксплуатацию, но еще не принятом комиссией Обкома партии. Зал, в котором должен проходить научный симпозиум, снабдили новейшими средствами синхронного перевода. Привели в божеский вид магазины, кафе и рестораны вокруг комбината. Весь район наводнили агентами КГБ, которые не должны подпускать к комбинату лиц, не отобранных специально для этой цели.

Слепой попросил меня устроить ему присутствие на симпозиуме и возможность побеседовать с кем — либо из иностранцев. Я сказал, что постараюсь устроить первое, но при условии, что он не будет ни в коем случае претендовать на второе. Но хлопоты и тревоги оказались напрасными. Высшие власти почему-то не дали разрешения иностранной делегации посетить наш город.

В отремонтированное здание лаборатории восстановления переселилась дирекция, а лабораторию втиснули в несколько комнат, где раньше помещалась дирекция. Зато Слепому я устроил встречу с самым толковым парнем из лаборатории.

Тот сказал, что когда в мире трубят о выдающихся достижениях в чем — то, верить этому можно лишь процентов на десять, не более. В нашей же области — не более чем на сотую долю процента. Фактически успехов нет и в ближайшее время не предвидится. Наука и техника (особенно — микрофизика и электроника) должны сделать новый качественный скачок, чтобы мы начали хотя бы первые успешные шаги в нашем деле.

Странно, этот разговор почему-то благотворно подействовал на Слепого. Может быть,

потому, что для него успехи в этой области науки и медицины не могли принести абсолютно ничего хорошего, — у него все равно нет того органа, функции которого можно было бы восстановить.

— У нас еще в запасе кое-что есть, — сказал я. — Пересадка органов. Займемся этим делом всерьез. Кто знает, вдруг тут что-то и получится...

Выборы

Что выборы в органы власти у нас есть пустая формальность, общеизвестно. И мы уже привыкли относиться к ним с полным равнодушием. Многим из нас приходится тратить силы и время на них. Но это считается общественной работой. Не будь выборов, пришлось бы выполнять другие общественные поручения. Для многих из нас это — повод для уклонения от работы и для внесемейного времяпрепровождения. Не будь выборов, мы взяли бы то же самое за счет другого повода. Раньше выборы всегда производились из одного кандидата. Суть их сводилась к тому, чтобы формально признать намеченного в соответствующих органах власти кандидата избранным. На сей раз московские власти решили произвести в нашей области эксперимент — производить выборы из двух и более кандидатов. Это было, конечно, сделано для простаков. Двух кандидатов на одно и то же место все равно наметили в партийных органах (в обкоме, горкоме и райкомах). Причем заранее было намечено, кто из двух пройдет. От нашего комбината кандидатом в депутаты Областного совета выдвинули Кротова, помощника Крутова. Конкурентом Кротова назначили старую учительницу. Меня назначили доверенным лицом Кротова. Моя обязанность — ездить по учреждениям избирательного округа, рассказывать о товарище Кротове и призывать трудящихся голосовать за него. Кроме того, меня попросили написать (вернее, просто подписать) статью о Кротове для газеты. Кротов, учитывая мою малую подвижность, предоставил в мое распоряжение обкомовскую машину. Всем партийным секретарям учреждений, где мне приходилось выступать, он дал указание, чтобы перед выступлением объявляли о моем физическом состоянии и о моих героических усилиях по преодолению его. Получалось очень эффектно. Меня представляли как «Мересьева мирного времени» (Мересьев был летчик, потерявший во время войны ступни обеих ног, но научившийся летать с протезами, сделанными, кстати сказать, на нашем комбинате). Когда я шел к трибуне с таким видом, будто я не инвалид, а чемпион по бегу, собравшиеся разражались аплодисментами, какие не всегда выпадают на долю даже больших руководителей. Благодаря этому личность товарища Кротова становилась светлее и значительнее.

Кротов

Пока шла предвыборная кампания, Кротов приглашал меня два раза к себе домой в городскую квартиру и один раз на дачу. Должен признаться, что я до сих пор никогда еще не видел такой роскоши, как у него. Я был один раз в квартире нашего директора (он «угощал» мною как «феноменом» каких-то московских гостей), но она ни в какое сравнение не идет с кротовской. Особенно меня поразила библиотека. Кротов сказал, что такой библиотеки нет даже у специалистов — филологов в Москве. Как он ухитрился собрать такое сокровище? После роскошного ужина, за которым он упорно пытался заставить меня выпить рюмку водки, он подобрел и пообещал устроить мне однокомнатную квартиру. О своем обещании он, конечно, забыл. А став депутатом и важной персоной в обкоме, он вообще позабыл о моем существовании.

Весьма возможно, что с точки зрения западных богачей бытовой уровень Кротовых не так уж высок, как кажется нам. Но зато положение наших «богачей» имеет много преимуществ перед западными: оно достигается без особого риска, не связано с особыми хлопотами и тревогами, гарантировано. Конечно, кротовы иногда теряют свое положение. Но это бывает редко. И при этом они все равно не падают до нашего низкого уровня. Суть хрущевской «революции» состояла в том, что кротовы, сусликовы, корытовы, горбани, маоцзедуньки обезопасили себя от произвола высших властей. К тому времени они уже стали реальной властью в стране, а в хрущевские годы это было признано и официально.

И все же затея выбирать на руководящие посты из двух и более кандидатов встревожила начальство. Возникла угроза их гарантированному положению. Наш партградский эксперимент показал, что угроза эта для большинства должностных лиц не такая уж опасная. У нас провели экспериментальные выборы партийных работников из двух и более кандидатов. Выбрали за редким исключением все равно тех, кого намечали заранее. Исключения оказались совершенно незначительными и несущественными.

Туристический поход

По случаю праздников у нас образовалось несколько выходных дней подряд, и мы решили отправиться в туристический поход. Не так далеко, конечно, чтобы это было мне под силу. Впрочем, недалеко от города столько прекрасных мест, что никакой проблемы на этот счет вроде бы не было. Но не тут-то было! Повсюду были запретные зоны, огороженные участки, свалки. Пришлось спуститься по течению реки километров на десять, прежде чем мы нашли подходящее место. Раздались возгласы насчет нашей прекрасной природы. Кто-то сказал, что в западных странах такой первозданной природы уже нет и что в этом наше преимущество. Слепой сказал, что прекрасная природа не есть заслуга нашего социального строя, что суть социального строя проявляется в том, как распоряжаются природой. А с этой точки зрения нам хвастаться нечем. Сколько мы тыкались в запретные и загаженные места, прежде чем нашли это местечко?!

Поставили палатки. Развели костер. Приготовили еду. Выпили, конечно. Шутили, смеялись, наслаждались душевным единением.

— А раньше жить было интереснее, — сказал Остряк. — Вот представьте себе такой же день сто тысяч лет назад. На этом вот месте сидит группа наших обезьяноподобных или человекоподобных предков. Есть нечего. Пойти некуда. Ни кино, ни телевидения еще не было. Говорить не о чем, да и нечем — язык еще не изобретен. Сидят вот так наши предки день, другой, третий. Тупо смотрят в пространство. Тоска зеленая. Вдруг какой-то Иван говорит: «Идея, братцы! А что, если мы скинемся по трешке и трахнем поллитровку?!» Начинается всеобщее оживление. Наши дикие предки — иваны лезут в свои кошельки, сшитые из звериных шкур. Вскоре поллитровка уже разлита по стопкам...

Тут мы не выдерживаем и прерываем рассказчика с возмущением: откуда стопки? Это же анахронизм, нарушение принципов исторической достоверности. Кружки или консервные банки — это еще куда ни шло. Но стопки? Может быть, скажешь: фужеры?

— Ладно, — капитулирует Остряк. — Пусть лакают прямо из горлышка. После второй бутылки другой Иван и говорит. Говорит как бы между прочим, без всяких претензий на великое открытие. Спьяну, можно сказать. «А что, ребята, если мы костер разведем?» — говорит он. И вот уже полыхает костер. Тепло становится. На закуску жарят одного из Иванов, Настроение поднимается. Кто-то запекает старинный русский романс. Или, лучше, блатную песню — блатные куда душевнее. Заметьте, сидят они вот так сутками, не спешат по своим

делам, ибо никаких своих дел еще не было. Дел вообще никаких не было. Все было общее. Душа в душу жили. Сообща. А теперь? Каждый в свою сторону тянет, в свою нору прячется. Встретятся на минуту. — Ну как? — Да так! А ты как? — Тоже так. — Ну, я спешу! — Я тоже спешу. Пока! — Пока!

И так — до следующего года. А то — до следующей пятилетки. А раньше хорошо было, не спешили никуда, пятилеток вообще не было, здороваться и прощаться еще не умели...

Когда разговор исчерпался, здоровые парами разошлись по лесу. Остались Слепой, Теоретик и я. Моралистка ушла с Остряком, что явно огорчило Слепого.

— Мы не столько стремимся получить подлинно человеческое удовольствие от жизни, — сказал он, — сколько торопимся опозлать то, что само идет к нам. А потом рассуждаем на тему: получаем ли мы вообще удовольствие или нет, и не много ли или не мало ли. Вот возьмите, например, Остряка. Судя по голосу и манере речи, — красивый парень. Чего он хочет? Довести число «обработанных баб» (как он выражается) к концу пятилетки до трехсот. И он не шутит. Думаю, что этот свой пятилетний план он перевыполнит, причем — досрочно. В четыре года, как у нас уже стало традицией. А зачем? Ведь мужчине в принципе достаточно одной женщины на всю жизнь. При условии, конечно, если есть настоящая, большая любовь. Но ее уже давно нет в природе. Теперь мужчина с детства формируется с сознанием доступности женщины и с намерением перевыполнить пятилетку, причем — досрочно.

— Мы, уроды, — говорит Теоретик, — должны совершить величайший поворот в истории человечества: мы должны сделать интеллектуальное наслаждение самой главной ценностью жизни.

— Когда я был помоложе, — сказал Слепой, — я получал удовольствие от того, что находил оригинальные доказательства старых теорем и открывал новые. Теперь это для меня — рутина.

— Допустим на минуту, — говорит Теоретик, — что в стране нет ни одного физического уроды, все люди красивые, умные, талантливые, обеспечены работой, материальными благами, развлечениями. Будут ли люди счастливы?

— Сомневаюсь, — сказал Слепой. — Тогда наступит кошмар еще худший, чем сейчас, и люди изобретут новые критерии различения здоровья и уродства, ума и глупости, таланта и бездарности, красоты и безобразия, благополучия и бедности.

— Пожалуй, ты прав, — соглашается Теоретик. — Раньше добрые люди, говорившие о человеческих несчастьях, утешали себя и других надеждой, что настанут времена, когда не будет несчастных людей и когда люди всегда будут счастливы. Мы родились, выросли и уже прожили значительную часть жизни в обществе, которое является воплощением в жизнь самых светлых идеалов человечества, но которое дало человечеству образец того, что осуществление самых светлых надежд с необходимостью влечет за собой самые мрачные последствия. На Земле никогда не наступит такое время, когда все люди и всегда будут счастливы. Не надо завидовать потомкам. Эпохи человечества различаются лишь способом деления людей на счастливых и несчастных и формами несчастий людей. На Земле никогда не будет построено общество всеобщего благополучия, всеобщего равенства, всеобщей справедливости. Наши потомки не будут иметь никаких преимуществ перед нами, как мы не имеем преимуществ перед нашими предками. Наличие несчастных людей и человеческих несчастий есть норма человеческого бытия. Более того, до тех пор, пока существуют несчастья, человек имеет шансы сохраниться в качестве Человека. Конец несчастий, если такой вообще случится по каким-то причинам, будет концом Человека и Человечества. Потому нам надо радоваться хотя бы тому, что мы можем страдать и быть несчастными. Но все наши несчастья и страдания окупятся. Как? Пройдут столетия и

тысячелетия, и наша гнусная жизнь будет выглядеть в воображении потомков так же, как прошлая по отношению к нам история изображается в голливудских фильмах. И наши далекие потомки будут завидовать тому, как насыщено, ярко и интенсивно мы жили.

Видение

Свежий воздух сделал свое дело, и я уснул. Мне привиделось, будто я — Бог, будто у подножия трона моего толпятся руководители партий и государств, мыслители, пророки, борцы за права и прочие существа, озабоченные судьбами человечества. Просят дать им указания насчет дальнейшего прогресса.

— Идите к людям, — говорю я, — и делайте то, что вы и делали до сих пор. По — другому вы делать все равно не будете. И не сможете. Понятие прогресса не входит в понятие Бога. Через много миллиардов лет, когда потухнет Солнце, кучка уцелевших землян будет мчаться в космосе в поисках подходящей для жилья планеты. И эти уцелевшие люди скажут, что все пережитое нами было оправданно, ибо вся история имела одну цель — дать возможность этой кучке людей уцелеть. Но не завидуйте им: им будет нестерпимо тоскливо, ибо у них не будет прошлого, а ожидающее их будущее будет повторением вашего прошлого. Будущего нет. Прошлого нет. Прошлое есть грех, а будущее — его искупление.

Единение с природой

Под утро запели соловьи. Из палаток выползли Солдат и Остряк. Заорали «Подъем!». Помчались к реке. С воплями плюхнулись в холодную воду. За ними не спеша последовал Фюрер, окунулся у берега и тут же выскочил обратно.

— Нет, это не для белого человека, — сказал он, с презрением посмотрев на Солдата и Остряка, плывущих кустарными саженками.

Женщины тоже обнажились. Они пробовали воду пальчиками ног, заранее повизгивая не столько от ощущения холода, сколько из кокетства. Слепой вытащил надувной матрац на солнечное место, раскинул на нем свое бледное и хилое тело, снял черные очки, подставил лицо лучам восходящего солнца. Теоретик сел рядом с ним, не раздеваясь. Они о чем-то стали говорить.

До обеда играли в волейбол. Загорали. Дурачились. Женщины готовили еду. Обед затянулся до ужина. За ужином опять пили, дурачились и восторгались природой.

Дискуссия о справедливости

Разговор о справедливости затеяла, конечно, Моралистка. На нее обрушился Фюрер.

— О какой справедливости может идти речь! — резко бросил он. — Возьмем такие примеры. Остряк и Солдат — здоровые и красивые ребята. Считается справедливым, что с ними путаются самые красивые девчонки из их окружения. Справедливо? А справедливо ли то, что

судьба наградила их этими качествами, а других лишила? В чем провинились Робот и Теоретик, что судьба их обделила качествами, необходимыми для того, чтобы иметь на своем счету десятки покоренных сердец? У Гробового четырехкомнатная квартира в городе и дача. Справедливо? У директора комбината шестикомнатная квартира, дача в два раза лучше, чем у Гробового, служебная автомашина, своя автомашина. Справедливо? А чем обладают Сусликовы, Горбани, Кротовы? И что имеете вы? Гробовой считает свое благополучие справедливым сравнительно с вами, Сусликовы — сравнительно с Гробовыми. А распределение наград и почестей? Как отбираются люди в герои, в депутаты, в знаменитости? Возьмите миллион житейских случаев такого рода, и в этом миллионе дай Бог наберется с десятков таких, которые могли бы служить образцами справедливости для Моралистки.

— Bravo! — воскликнул Слепой. — Справедливость вообще есть устаревшее понятие. Ее и раньше-то никогда не было. Ее выдумали как средство хоть немного сгладить и ограничить буйство несправедливости. Причем это моральное средство привело к выработке правового самосознания и правового общественного устройства, которые лишь санкционировали и утвердили одну форму несправедливости как абсолютную справедливость.

— Что же остается? — не сдавалась Моралистка. — Все дозволено?

— Да, — сказал Фюрер. — Дозволено все, что не запрещено. Дозволено все, за что не следует наказание. Дозволено все, если тебе удастся избежать наказания.

— А совесть?!

— Исторический хлам. Много ли вы видели людей с совестью? В отношении ничего не значащих пустяков людей с совестью полно. Но как только речь заходит о жизненно важных вещах, всякая совесть исчезает. Действуют лишь расчет, корысть, страх, зависть, тщеславие, подлость, ненависть... Добродетели оставляются на вооружении тех, кто барахтается на самом дне нашей помойки и не имеет возможности делать другим зло. Добродетель вообще есть неспособность использовать зло как средство самозащиты и успеха.

Мы все возмутились. Тогда Фюрер предложил эксперимент: пусть каждый из нас честно скажет, считает ли он себя человеком добродетельным. Наступила тишина. Все обернулись в мою сторону. Я тоже молчал.

— Если уж Робот молчит, — сказал Фюрер, — то должно умолкнуть все остальное человечество.

Потом заспорили о том, имеют ли право инвалиды претендовать на особые привилегии сравнительно со здоровыми. Солдат выступил в защиту здоровых. Долго и путанно говорил о праве здоровых защищать свои интересы.

— В чем, например, я провинился перед обществом, — сказал он, — что я до сих пор не имею своей комнатухи? Почему, например, мой сосед Робот получает отдельную комнату?! За какие заслуги?

— Дурак, — сказала Невеста. — Нашел кому завидовать! Робот старше тебя. Трудовой стаж побольше твоего имеет. Группой заведует.

— Дело не в этом, — вмешался Слепой. — Не надо опешлять проблему. Инвалиды суть продукт жизнедеятельности здоровых, а не особая раса или социальная группа, существующая наряду со здоровыми. Почему появляются такие инвалиды? Значит, общество здоровых как целое не является здоровым. Вот в чем суть дела! А жалкие подачки инвалидам — это лишь ничтожная доля запоздалой справедливости.

Потом Солдат просил у меня прощения. Но я настолько привык к его хамству, что даже не понял, за что именно он просил прощения.

— А знаете, о чем я мечтаю, — сказала Невеста. — Чтобы у каждого из нас была хорошая работа, дающая достаточно денег для существования, комфортабельная квартира, вкусная еда, красивая одежда, здоровая семья, дети, друзья, интересные книги, театры, фильмы, каждый год на курорт на юг ездить, в очередях не торчать, в транспорте часами не толкаться... Одним словом, хочу жить в полном коммунизме!

— В таком обывательски благополучном «полном коммунизме» живут многие миллионы людей в капиталистических странах Запада, — заметил Остряк. — Да и у нас значительная часть населения имеет это. Вопрос в том, возможно ли это для всех, делает ли это людей полностью удовлетворенными, какую цену приходится платить за это... Хорошо, когда все блага жизни даются без труда, от рождения. А ведь в большинстве случаев за них людям приходится сражаться всю жизнь!

— И хорошо, что приходится сражаться, — вставил Фюрер. — В этой борьбе и состоит высший смысл жизни.

— Вот мы и возвращаемся к тому, с чего начали, — сказал Слепой. — Идет ожесточенная борьба за лучшее положение в жизни и жизненные блага. Справедливо то, что соответствует законам этой борьбы.

— И все же, — не сдавалась Моралистка, — помимо волчьей справедливости есть справедливость человеческая. Хотя бы как нравственный идеал.

— А многие ли ему следуют? — спросил Фюрер.

— Плохо, что мир устроен так, — сказала Невеста. — Что ты скажешь, Робот?

Я молча посмотрел на нее. Она догадалась о том, что мог сказать я, и отвернулась.

О лжи

Потом заговорили о литературе. Солдат сказал, что вся наша литература — сплошное вранье. Он перечитал сотни книг, и ему не попалось ни одной, в которой правдиво говорилось бы о нашей жизни. Слепой сказал, что литература в принципе есть ложь. Но ложь разная бывает. И вообще способность лгать есть великое открытие человечества, может быть, даже более значительное, чем способность говорить правду. Если бы люди не умели лгать, они вообще не смогли бы общаться друг с другом. Вот вы пришли в гости. И вы так прямо и скажете хозяевам, если они вас спросят, как вы чувствуете себя у них, что от их угощения и разговоров вас мутит? Наверняка нет. Вы будете благодарить за вкусное угощение и приятную беседу. Или вы выступаете на ученом совете по поводу диссертации вашего приятеля.

Вы прямо скажете, что работа бездарна и ничего нового не вносит в науку? Ничего подобного, вы будете хвалить диссертанта за творческий вклад и талант. Разве не так?! Человек, не умеющий лгать в общении с другими, есть существо не социабельное — хам, хулиган, мерзавец, подонок, невежда, дурак. Только плохо воспитанные люди и дураки «режут правду — матку в глаза». Иногда это — стиль поведения (вот, мол, я какой!). Это — форма игры. Обычно она лишь прикрывает клевету, ложь, оскорбления. Ложь есть абсолютно необходимая форма приспособления индивидов к условиям своей социальной среды. Без

лжи невозможен никакой социальный расчет, без которого вообще нет социальной формы жизни. Ложь есть общественно признанная форма индивидуальной правды: это есть естественнонаучный факт, не подлежащий никакой моральной оценке. Моральное значение имеет лишь принцип: «Ври, да знай меру!»

Поездка в Москву

Командировки играют в нашей жизни роль огромную. Они выгодны экономически: сохраняется зарплата на работе и выплачиваются командировочные деньги. Они приятны во многих отношениях: высыпаешься, вырываешься из семьи, заводишь знакомства, пьешь без перерыва. Они расширяют кругозор: видишь новые города и новых людей, посещаешь музеи и театры. За возможность поехать в командировку идет борьба. Устанавливается некая очередность. Борьба становится особо острой, когда люди командированы в Москву, Ленинград, Киев и в южные курортные города. Меня в командировки посылают очень редко, в другие провинциальные города, по маловажным делам. Но тут произошло чудо: по плану подготовки фестиваля инвалидов командировку в Москву запланировали именно мне.

У меня возникла идея взять с собой в Москву Слепого и сходить с ним в московские учреждения, занимающиеся пересадкой органов и их заменителями. Я сказал об этом Слепому. Он взвыл от восторга. Ему положено целых пять дней «отгула» за сверхурочные занятия.

В Москве стоило большого труда устроить Слепого в той же гостинице, в которой мне было положено место как командировочному. Пришлось дать приличную взятку. Я свои дела завершил сравнительно легко и быстро. В Москве оказалось довольно много важных инвалидов, вполне пригодных для участия в фестивале и заинтересованных в этом. Фестивалю придавали большое значение в самом ЦК КПСС, и двери всех учреждений, имеющих дело с инвалидами, для меня были открыты. Гораздо хуже получилось со Слепым, Мы долго болтались в коридорах Министерства здравоохранения, пытаюсь добиться разрешения получить консультацию в одном из учреждений, занятых проблемами пересадки органов. Никто не хотел нами заниматься. Требовали направления от Областного отдела здравоохранения. Такого у нас, конечно, не было — не было времени получить его, поскольку это связано с волокитой. Нам надоело ходить из кабинета в кабинет и часами ждать приема. Я продемонстрировал свои протезы и заявил, что если нам нужно разрешения не дадут, мы со Слепым идем на Красную площадь с плакатом, на котором будет написано наше требование. Эта угроза подействовала. Нам даже машину дали, так как нужное нам учреждение размещалось далеко за городом. И приставили двух кагебешников. Они, не скрываясь, следовали за нами повсюду вплоть до поезда, на котором мы покинули Москву. В учреждении (не знаю, что это такое — исследовательский институт или больница) с нас взяли подписку о неразглашении.

Пересадка органов

Принявший нас человек назвался профессором. На осмотр Слепого он потратил не более пяти минут.

— Все ясно, — сказал он профессионально равнодушным тоном. — Не стройте никаких надежд, молодой человек. Лучше мужественно несите свою участь до конца. Может быть, лет

через двадцать мы задумаемся над проблемами такого рода. А сколько потребуется на их решение?!

— Но теперь развитие во всем ускоряется, — возразил Слепой.

— Ускоряется, — согласился профессор. — Ну, пусть через десять лет. Пусть через пять. Все равно от научного решения проблемы до внедрения результатов в практику медицины — дистанция огромного размера. Сейчас принципиально доказана возможность пересадки глаз для отдельных случаев. Что за случаи? Несчастный случай с потерей органов зрения и возможность немедленно осуществить операцию. Мы проделали сотни успешных экспериментов на животных. Проделали несколько десятков операций на людях. К сожалению, пока еще очень малоуспешных.

Хотя такой результат визита нам был известен заранее (мы основательно изучили новейшие сообщения на эту тему), настроение испортилось совсем. У нас было в запасе еще два дня. Но мы решили ехать домой. Пробыться в какой — либо институт, изобретающий технические устройства для ориентации слепых в окружающей среде, за это время мы все равно не смогли бы. На оставшиеся деньги мы накупили продуктов, которые в магазинах нашего города либо вообще никогда не появлялись, либо исчезли лет десять назад, — рыбные консервы, вареную колбасу, рис, пшено, муку, сыр.

Мы и Запад

В комбинате сильное оживление: получен американский журнал, в котором даны чертежи, фотографии и описание ножных протезов, сделанных с использованием самой современной науки и техники. Протезы, если верить журналу, действительно потрясающие. На меня все смотрят с насмешкой: мол, куда тебе, доморощенному кустарю — одиночке, тягаться с американской техникой! В дирекции провели срочное секретное совещание. Но секреты скоро стали общеизвестными. Решено группу наших сотрудников послать в командировку в США. Возглавит группу сам директор. Поедет также Гробовой, сотрудник спецотдела (то есть офицер КГБ) и представитель армии (то есть офицер Главного разведывательного управления). Такая поспешность объясняется тем, что протезы напичканы новейшей электроникой, которая нужна не столько для облегчения жизни наших инвалидов, сколько для военных целей. Кто-то упомянул мое имя. Но Гробовой сказал, что меня брать не следует, чтобы не позориться с нашей отсталой техникой. И мою кандидатуру единодушно отклонили.

Я прочитал эту статью. Мои протезы оказались мне чудовищно примитивными в сравнении с американскими. Настроение у меня упало ниже самого низкого. Но меня успокоил Теоретик. Он сказал, что у нас серийное производство таких протезов все равно не осилит — технология не та и специалистов нету. Так что будут наверняка «усовершенствовать». В результате получатся протезы хуже моих. К тому же нашему брату — Ивану западная техника не годится. Сразу из строя выйдет, а чинить негде и некому.

— Короче говоря, — закончил свою утешительную речь Теоретик, — наберись терпения. Как говорит китайская мудрость, сядь у реки, жди, и труп врага проплывет мимо. Обидно, конечно, какие-то паразиты за государственный счет в Америке побывают, мир посмотрят, барахла дефицитного привезут. А тебя, лучшего советского специалиста в этой области, осмеяли. Были бы у меня руки, я бы этим подлецам пощечин надавал!..

Потом я прочитал американскую статью еще раз. И обнаружил, что мои идеи все-таки лучше американских. Я с минимумом технологии максимально использую способности организма. Они же ориентируются на максимум возможностей технологии и используют способности

организма лишь в той мере, в какой это нужно для технологии. Возможно, их путь перспективнее с точки зрения чисто физических возможностей движения инвалидов в пространстве. Но мой, несомненно, лучше с психологической точки зрения.

На собрании отдела я сказал, что изобрел мои протезы раньше американцев. И мои лучше американских. Я предлагаю вызвать американцев на состязание. Я буду выступать на моих протезах, а американец — на своих. После моих слов наступило неловкое молчание. Гробовой перевел разговор на другую тему.

— Возмутительно, — сказал Теоретик, когда мы вновь заговорили на эту тему. — У нас готовы возвеличить любую западную посредственность, лишь бы не дать вырасти своему собственному гению. Сволочи! Хочешь, я перешлю на Запад материалы, касающиеся твоих протезов?

— А ты уверен, что на Западе будут в восторге от появления русского гения (как ты говоришь)?

— Нет, конечно. Но надо же что-то делать!

— Зачем?

— Хотя бы для того, чтобы выразить свой гнев.

— А если у меня уже и этого нет?

В клубе

Прекрасная погода. Прекрасное настроение. Мы — Блаженный, Психолог, Агент, Бард и я — сидим в Клубе. Они не спеша потягивают молдавское вино, которое где-то по блату достал Психолог.

— Странные бывают случаи, — говорит Психолог. — И никакого научного объяснения им нет. Если бы сам не убедился в их реальности, ни за что не поверил бы. Попал к нам один человек. Даже не человек, а человечешко. Обыкновенный маляр. Хилый. Неразговорчивый. Но он обладал одним необыкновенным свойством: всякий, кто пытался причинить или причинял ему зло, так или иначе наказывался. Например, кассирша, выдававшая ему зарплату, решила его обсчитать. Она видела, что перед ней — рохля, и была уверена, что обман пройдет незамеченным. И вместо десятирублевых бумажек выдала ему... сторублевые! Однажды на него напали пьяные хулиганы, готовые за трешку зарезать человека. Один хотел пырнуть его ножом, но получилось как-то так, что попал в своего напарника. Его соседи по квартире три года добивались, чтобы его выселить. Он согласился на комнатуху в каком-то бараке. Так в его комнате после того, как он покинул ее, обвалился потолок и искалечил счастливых соседей!

— А почему же его к вам посадили?

— Вы знаете наш народ. Желających причинить зло ближнему у нас хватает. Если его оставить на свободе, несчастные случаи будут продолжаться. Это негуманно.

— Интересно, — спросил Агент, — а как часто попадают в «психушку» партийные работники?

— Никакой статистики на этот счет нет, — ответил Психолог. — К тому же партийных работников в обычных психиатрических больницах не держат. Их сразу забирают в Москву, и

там они исчезают. А на местах сообщают о «преждевременной кончине». Это гуманно.

— И что теперь будет с тем заколдованным маляром?

— Тоже заберут в Москву. Там такими экземплярами сейчас очень интересуются.

Я мог бы о таких типах потрясающую книжку написать. Через мои руки их сотни прошло. Но...

— Но?..

— Но вся документация на них засекречена. Книжку такую никто не напечатает. А меня самого из врача превратят в пациента.

— А мы сейчас готовим материалы для секретного доклада Крутова о морально — идеологической ситуации в области, — сказал Агент. — Приказано собрать сведения по принципу «правда, вся правда и только правда». Вы представить себе не можете, какая помойка наш Партград в этом отношении!

— А может быть, в этой помоечности и заключается сила нашей морали и идеологии, — вставил свое замечание я.

— Точно, — сказал Психолог. — Ты гений! Вот кому следовало бы заниматься идеологией!

— Если бы я высказал такую гениальную идею, меня немедленно уволили бы с работы, — сказал Агент. — А где бы после этого я нашел такое сытное место? Нет, пусть уж лучше они там сами выкручиваются.

— Женить тебя надо, — сказал вдруг Психолог ни с того ни с сего, — Хочешь, я тебе устрою такую невесту, что все партградские мужики сдохнут от зависти?

— Где ты ее возьмешь? — спросил Агент. — А то и я не прочь поменять мою старую жену на новую.

— У нас в больнице есть отличные бабы, свихнувшиеся на семье и на преданности воображаемым мужьям. Лучше жену не придумашь. Не изменит. Дом будет содержать в образцовом порядке. Ну?

— А как ее из больницы отпустят?

— Подпишешь бумажку, что берешь ее под свою ответственность, и все.

— А если она фокусы начнет выкидывать?

— Обменяешь на другую.

— Ничего себе перспектива!

Разговор пустой, как и всякий другой разговор в таких случаях. Но это не имеет значения. Важно то, что мы сидим вместе, какая-то незримая сила делает нас очень близкими друг другу. Бывают такие минуты, когда кажется, что ради них и затеяна вся жизнь. Сейчас была именно такая минута. Мы все это почувствовали.

— Как хорошо, ребята, — сказал Блаженный. — Ради одного такого мгновения стоит страдать годы и даже жизнь пожертвовать.

— Я расскажу вам по этому поводу коротенькую историю, — начал Бард, — Это было в июне 1944 года. День выдался красоты невиданной. Как-то получилось так, что много хорошего

совпало. Отличная погода. Прекрасная природа. Затишье на фронте. Предполагавшийся бросок отменили. Нас накормили, как говорится, от пуза. Нам выдали новое обмундирование. Мы помылись, побрились. Настроение было райское. Мы все вдруг стали друзьями. Делились махоркой и хлебом. Сообщили друг другу домашние адреса. Это блаженство продолжалось часа два. Как вдруг нам приказали сдать новое обмундирование и одеть старое. Потом нас построили и погнали бегом на минные поля и проволочные заграждения перед укрепленным пунктом противника. Атака была бессмысленная. Почти весь батальон погиб зря. Потом мы, немногие уцелевшие, узнали, что нам дали те два часа блаженства по ошибке. Ожидалось прибытие самого Сталина на этот участок фронта, и нас спутали с другой частью, в которой должен был «неожиданно» появиться Сталин. Сталин поездку отменил, обнаружилась ошибка с частями, нас решили наказать за ошибку, совершенную не нами. Генерал из Москвы приказал послать нас на мины. Зачем я это рассказываю? Дело в том, что мы немедленно забыли о тех минутах счастья, о которых до этого говорили, что ради них можно страдать годами...

— Все зависит от того, как ты смотришь на свою жизнь, в каких понятиях ты ее осмысливаешь, — произнес Блаженный. — Вот, например, допустим, что ты учился в университете, увлекался поэзией и философией и все такое прочее. Потом ты попал в армию рядовым солдатом. Забыты Аристотель и Шекспир. Твоими мыслями и чувствами завладели самые низменные земные заботы: поесть, поспать, вырваться из части на пару часов, выпить, переспать с бабой какой-нибудь. Что случилось? Банальная житейская история, вызывающая лишь скуку. Но если ты скажешь себе, что у тебя произошло изменение системы ценностей, то твой банальный случай уже будет выглядеть как пример к чему-то грандиозному. И у Наполеона произошло изменение системы ценностей после того, как он стал императором; и у Ленина после того, как он стал во главе первого в истории социалистического государства. Благодаря понятиям большой степени общности ты возвышаешь свою жалкую жизнь до уровня королей, полководцев, вождей, первооткрывателей и прочих великих представителей рода человеческого. Мы вот сейчас сидим рядом с помойкой среди исчадия нашего советского ада. Убожество. Серость. Грязь. Тоска. А посмотри на это с точки зрения высших категорий, и наша беседа возвысится до уровня бесед Платона или Аристотеля со своими учениками.

— Но мы при этом вряд ли откроем силлогизм.

— А зачем его открывать? От такого рода открытий ничего, кроме скуки, не бывает. К тому же не исключено, что мы сделаем открытие более грандиозное, чем силлогизм, сопоставимое с открытиями Будды или Христа.

— Ты помнишь Лаптева? Он уже до нас сделал это открытие. И чем он кончил?

— А сколько будд и христосов погибло безвестными, прежде чем один Будда и один Христос вошли в историю. И кто знает, может быть, эти имена вообще собирательные, а не индивидуальные. И может быть, мы сейчас вносим свою крупицу в великое открытие будущего Будды или Христа. Взгляни на нашу жизнь с этой точки зрения, и ты увидишь, что она прекрасна.

— Значит, ты предлагаешь не борьбу за изменение условий жизни, а изменение нашего отношения к ней?

— Если невозможно изменить условия жизни, то изменимся мы сами так, чтобы наши гнусные условия стали выглядеть самыми прекрасными для нас. Разве это не логично?

— Логично. Но ведь есть пределы и для наших субъективных изменений. Хорошо, если внешние условия лежат в этих пределах. А если они выходят за эти пределы? Например, в условиях нашего климата пренебрежение к одежде, жилью и питанию выходит за рамки

биологических возможностей организма. К тому же мы должны ходить на работу и подчиняться правилам нашей коллективной жизни. Нам просто не позволят внутренне измениться так, как ты советуешь. Что тогда?

— Ждать конца. Жизнь коротка. Не успеешь оглянуться, как тебя нет. Немного терпения, и все.

Вино допито. Закуска съедена. Слова все сказаны. Мы прощаемся и расходимся по своим «берлогам». Ночью я фантазирую насчет Невесты. Вот попала бы она в «психушку». Я бы взял ее оттуда под свою ответственность и на свое содержание. Какая прекрасная была бы жизнь! Она бы лежала на моем диване, а я смотрел бы на нее все ночи напролет. Что еще нужно для счастья?!

Сны

Выражение «видеть сон» есть выражение языка зрячих. Оно бессмысленно в отношении слепых. Да и в отношении зрячих оно редко бывает верным. То, что мы называем видением снов, часто не есть видение. Это есть внутреннее состояние тела, которое мы припоминаем в зрительных ощущениях. Поскольку эти состояния бывают различных уровней, мы порою отражаем одно (более глубокое) состояние в другое (более мелкое) с помощью языка зрячих и имеем зрительные ощущения. Слепой говорит, что он видит сны. Но я ему не верю — это самообман. Я попросил его однажды пересказать мне его сон. Он сделал это так, что никаких следов зрительных заметить было невозможно. Сны не видятся, они сняты. Теоретик изучал свои сны с точки зрения действий руками. И он точно установил, что использует зрительные образы и язык нормальных людей с выражением «брать руками» для интерпретации явлений, ничего общего не имеющих с реальным оперированием руками. Сначала у него благодаря этой интерпретации была иллюзия, будто он действует в своих снах руками. Но установив причину иллюзии, он уже не мог переживать ее снова. Жаль, конечно. Но то, что он познал, он все же ценит выше потери. Отсюда я сделал два важных вывода: 1) уроды и во сне остаются уродами; 2) лучше расстаться с иллюзиями, познав их источник, чем жить с этими иллюзиями, — страдание от потери иллюзий выше удовольствия от иллюзий. Страдания в таких случаях возвышают человека в его собственном самосознании, иллюзии унижают. Романтик мне говорил, что сознание неизбежности смерти и ожидание ее иногда облагораживают людей, возвышают их до уровня героев античной трагедии. Он не раз испытал это сам. Я ему доверяю.

Наблюдая за собой, я установил, что перемещаюсь во сне не на нормальных ногах, а на протезах или абстрактно.

А одинокий пьяный инвалид, ломающий костыли, теперь мне снится почти каждую ночь. Я к этому сну привык и не стараюсь уклониться от него. Психолог, которому я рассказал про сон, сказал, что я правильно поступил, отдавшись во власть кошмарных снов, что такие сны — стихийная форма медитации, что если я хочу, он научит меня заниматься медитацией на хорошем медицинском уровне. Но я от его предложения отказался. Мне кажется, что в способности страдать больше человеческого, чем в способности как-то смягчать страдания или уклоняться от них. Страдание есть самая сильная форма ощущения жизни.

Живи

Зашел Солдат. Уже основательно пьяный.

— Дай пятерку, и я тебе уступлю Настьку на всю ночь, — сказал он, протягивая руку. — Ну, по рукам?!

Я взял его руку и стиснул так, что он опустился на колени, побледнел и чуть не потерял сознание.

— Вот чудак, — протянул он, когда я отпустил его руку. — Ему хочешь сделать добро, а он!..

— Если я услышу от тебя еще раз нечто подобное, я тебя раздавлю, как червяка.

— Ну и дурак будешь. Я далеко не худший экземпляр рода человеческого. А если кого-то непременно хочешь шлепнуть, то шлепни лучше Сусликова или Маоцзедуньку. Хоть какая-то польза человечеству будет.

Солдат ушел занимать деньги у Правднца, забыв о том, что еще вчера называл его подонком и клялся, что с ним вместе даже в туалет не пойдет. Через полчаса зашла Невеста.

— Где Солдат?

— Я не нянька твоему Солдату. Кончай ты этот дурацкий роман. Он оскорбителен для женщины.

— Мне надоели твои нравоучения. Я не маленькая, сама знаю, что делать.

— Он предлагал мне уступить тебя на одну ночь за пять рублей.

— И ты, конечно, пожадничал?

— Я не давал тебе повода для таких пошлостей. Во избежание их в будущем прошу больше на этот диван не рассчитывать.

— Ну и дурак!

Она ушла. А я ринулся в пучину отчаяния. Неужели я и в самом деле дурак? Неужели я не понимаю чего-то очень простого, что делает жизнь сносной? Чего именно? Неужели нравственность в наше время есть нелепое донкихотство?

Но я все равно не могу отказаться от нее. Поздно. Это стало моей опорой в жизни. Если я встану на путь безнравственности, я погибну. Но я еще почему-то не хочу умирать. Почему?! Наверно, по той же причине, по какой дождевые червяки стараются быстрее уползти с тротуара и зарыться в землю, — в силу инстинкта всего живого. Живи без всяких объяснений, обоснований и оправданий! Живи!

Бард

Барда решено выселить из города в «Атом». Хотя Романтик защищал Барда на заседании административной комиссии, его не послушали. После заседания комиссии они вместе напились. В Клуб пришли, шатаясь. Бард подавлен. Тут, «на свободе», жизнь для него тоже была не сахар. Но он тут был волен распоряжаться своим временем. Тут он имел много друзей. Некоторые из них — высокообразованные, умные, начитанные. Было с кем и о чем поговорить. А что будет там, в «Атоме»?

— Жизнь моя в общем и целом не удалась, — говорит он. — Почему? В тот раз, когда наш полк спешил на фронт заткнуть брешь, образовавшуюся после капитуляции целой армии, рядом со мною набивал кровавые мозоли на ногах мой приятель — интеллигент. Он был студентом филологического факультета, знал разницу между белым и красным вином, познал женщин. Я был ничто, успел в своей жизни познать грязь, голод, нищету. Мой приятель сочинял утонченные философские стихи о тишине, о молчании, о чистой любви. Я же сочинял хулиганские песни о бабах, которых у меня еще не было, и о пьянках, в которых я еще ни разу не принимал участия. Над стихами приятеля подшучивала вся рота. Он страдал от этого, так как вкладывал в свои стихи «всю душу». Мои же песни распевал весь полк. Приятель страдал от этого еще больше, так как считал это несправедливым. Для него в стихах заключалась вся жизнь, а для меня они были лишь средством для «солдатского зубоскальства». Он говорил, что я ничего не смыслю в подлинной поэзии. И все-таки он аккуратно вписывал мои экспромты в записную книжечку — единственное, что уцелело от него после того, как вражеская бомба угодила прямо в его окоп. Теперь его имя «навечно» высечено на мраморной плите героев войны, а стихи его напечатаны в сборнике молодых поэтов, погибших в войне. Я ничего не имею против. Но все-таки иногда бывает немножко обидно. Вдруг я, а не мой разорванный в клочья приятель, был настоящий поэт? Мы, русские, лишь в конце жизни вдруг осознаем, что могли бы чем-то стать. Вначале же мы сами не верим даже в то, что уже умеем делать, и нас все убеждают в том, что мы не умеем делать то, что мы уже делаем лучше других. Ну да ладно! Хватит жаловаться! Хотите, я спою вам что-нибудь веселенькое?

Закон истории безжалостно жесток.

Не встанут павшие из праха и из тленья.

Не остановишь вечный времени поток.

Иное будут петь другие поколения.

Вчера носили маску ловкачи.

Вчера таились даже стукачи.

Бунтарь — певец вчера тревожил души.

Вчера к свободе рвался диссидент.

Вчера казалось, приблизился момент,

Когда способны будут люди правду слушать.

Россия не воспрянет больше ото сна.

В трясине пошлости не может быть обломков.

Когда-то грозные поэтов имена

Воскреснут вряд ли в памяти потомков...

Идет расправа, а не честный бой.

Враг позади, а не перед тобой.

Плевки свистят, не пули и снаряды.

И знаешь, не взойдет грядущего заря.

И чувствуешь, усилия все зря.
И уж не ждешь заслуженной награды.
Закон истории цинично прост.
Не свет, а муть — житейское течение.
Всплывает вверх не гений, а прохвост.
И топчут в грязь былое исключенье.
Теперь в героях ходят ловкачи.
Теперь свободу славят стукачи.
Холуй и шкурник стал теперь примером.
Теперь послушен даже диссидент.
Теперь совсем иной настал момент:
Мир с упоением рукоплещет лицемерам.

Целительница

Есть у нас в городе свои знаменитости — спортсмены, писатели, художники, артисты, ученые. Но самая знаменитая персона у нас — Целительница. Когда наш город посетил Брежнев, с ним случился удар — потерял способность говорить. Ему речь надо по крайней мере на час читать, а он «мама» произнести не может. Все величайшие медицинские светила немедленно прибыли в город на сверхзвуковых военных самолетах. Речь Брежнева перенесли на другой день. Но медицина была бессильна. И тут в панике кто-то вспомнил (потом Сусликов приписал это себе), что в ресторане «Ермак Тимофеевич» есть официантка, которая за сходную плату лечит разнообразные болезни. Лечит, как выражается она сама, «психицки» — смотрит на больного, гладит, шепчет. Интеллигенция над Целительницей посмеивалась, но та ее игнорировала. Начальство подозревало ее в жульничестве, но она откупалась взятками. «Простой народ» валил к ней валом, и она действительно вытворяла чудеса. Старики говорили, что ничего особенного в Целительнице нет. До революции таких «бабок» было полно, чуть ли не в каждой деревне. Так вот, вспомнили о Целительнице. Рискнули позвать ее, хотя вся Академия медицинских наук встала на дыбы. Позвали.

И буквально через пятнадцать минут Л. Брежнев начал болтать, как студент — отличник на семинаре по марксистско — ленинской философии. После этого Целительнице приказом Брежнева устроили особую лабораторию при медицинском институте, прикрепили двадцать сотрудников помогать и изучать ее методы, разрешили частную практику. Слава о ней прошла по всей Руси Великой. Очереди на прием к ней люди ждали месяцами. За десятиминутную консультацию она стала драть месячную зарплату среднего служащего. Построила свой дом на окраине города и дачу в районе для высшего начальства. Завела две машины. Содержала по шоферу на каждую машину, кухарку, садовника, горничную.

Пожертвовала огромную сумму на колонию для малолетних преступниц (главным образом — проституток). Она пожертвовала именно на это дело, потому что «сама из народа вышла». И в результате начисто утратила свою чудодейственную целебную силу. Репутация ее теперь держалась только на инерции и на жульничестве.

И вот Слепой захотел побеседовать с Целительницей во что бы то ни стало. Он сам не знал, правда, зачем. Должно быть просто «для очистки совести». Чтобы уж окончательно убедиться в том, что ему не дано преодолеть свое убожество.

Я умолял Слепого побережь деньги и не ходить к этой шарлатанке. Но он настоял на своем. Я предложил ребятам собрать часть суммы для Слепого. Но все были «не при деньгах». Да и откуда им быть с нашей мизерной зарплатой и при нынешней дороговизне?! Мать Слепого продала какую-то золотую штучку, доставшуюся ей еще от ее бабушки. Мы дали приличную взятку помощникам Целительницы, чтобы нас пропустили вне очереди. Оказывается, им все дают взятку, чтобы попасть без очереди, так что это вошло в законную плату. Нас все-таки пропустили без очереди, приняв во внимание наши выдающиеся убожества. Хотя в консультации нуждался Слепой, помощники Целительницы зачем-то проверили, на самом ли деле я хожу на протезах, — уж слишком натурально у меня получается.

Пробыл Слепой у Целительницы вместо положенных десяти минут целый час. Вышел от нее, весело смеясь. И смеялся всю дорогу до дома. «Оказывается, — сказал он, отсмеявшись, — я сам обладаю „психицкой“ силой! Когда я вошел, ей сразу легче стало (это она сама так сказала). Она сразу протрезвела. И что самое поразительное — „конячий“ дух сразу из ее пасти испарился. Она обещает платить мне вдвое больше, чем берет сама, лишь бы я приходил к ней по ее зову „приводить в норму“. Что ты на это скажешь? Может быть, я и в самом деле вроде старинной бабки — знахарки? А в общем, я, конечно, шучу. Сволочь она, эта Целительница!»

Чего нам не хватает

Мы с Теоретиком медленно бредем из Комбината в наши Новые Липки. Когда кончается рабочий день, мы спешим покинуть ненавистное нам учреждение. А почему спешим? Куда спешим? В такое же ненавистное «домой»? Что такое «дом»? И где он, мой дом?

— Мы рассуждаем на возвышенные темы, — говорит Теоретик, — изоощряемся. А кого мы обманываем? Только самих себя. Хотя бы раз в жизни нам надо откровенно ответить самим себе: чего нам не хватает? И тогда окажется, что все банально просто. Вот, например, возьмем меня. Я никогда не трогал руками женскую грудь. И не трону никогда — нечем. Мне страстно хочется этого, но я так никогда и не смогу ощутить это на деле. Однажды в юности я сделал попытку дотронуться до груди девушки, с которой я дружил. Мы с ней гуляли, как вот сейчас. Я ей читал стихи. Высказывал умные мысли. А хотелось мне всего лишь прикоснуться к ее груди. Представляете, какой ужас был на ее лице, когда я сделал свою робкую попытку! С тех пор одна мысль о повторении аналогичной попытки повергает меня самого в ужас. У меня есть женщина, которая приходит ко мне и из жалости или из иных соображений удовлетворяет мою физиологическую потребность. Но она умоляет меня не обнимать ее и вообще не прикасаться к ней моими, с позволения сказать, верхними конечностями. Есть у Есенина стихотворение, в котором он обещает схватить свою любимую на руки и унести в кусты. За одно такое мгновение я двадцать! лет жизни отдал бы...

Теоретик говорит, забыв о том, какого труда мне стоит каждое движение, похожее на движение настоящих ног. Он сказал, что отдал бы двадцать лет за один год полноценной жизни. Вот еще один способ измерения уродства: на какой срок полноценной жизни променял

бы человек такой-то срок своей уродливой жизни. Вот я, например, отдал бы двадцать лет за один год жизни на здоровых ногах? Нет, двадцать лет жалко. Но десять я променял бы. Выходит, Теоретик есть еще больший урод, чем я? Но почему же я иногда ему завидую? Скорее всего потому, что я не ощутил его уродства и слишком долго ощущаю свое. Нет, этот метод не очень-то точен.

Солдат — здоровый физически и красивый парень. Посмотрел американский фильм и сказал, что полжизни отдал бы за то, чтобы месяц пожить так. Полжизни — за месяц. А за что? За автомашину. Ночной клуб. Возможность в любое время зайти в кафе, съесть что-то вкусное без долгого ожидания и хамства, провести ночь с красивыми девицами, подраться... Может быть, застрелить кого-то или быть застреленным. Наркотики попробовать. В теплых морях покупаться. Красивые города посмотреть. За месяц такой киношной жизни — половину своей провинциальной. Выходит, за два месяца отдал бы всю жизнь? Нет, он не такой уж идиот! Половину жизни он хочет оставить при себе и пожить по — нашенски!

Солдат не урод. Но и он готов «полжизни отдать» за месяц жизни, увиденной в кино. Почему? Герои — вроде бы полноценные физически люди. Сильные, красивые, смелые. А они свою жизнь в грош не ценят. Интересно, сменяли бы они какой-то кусок своей жизни на нашу? Сомневаюсь. Готовность Солдата к обмену есть явление совсем иного качества, чем готовность Теоретика. Потом я постепенно опросил всех своих близких знакомых. Не прямо, конечно. Я наводил разговор на эту тему. И почти все они как будто сговорились: говорили о готовности променять какой-то кусок своей жизни на меньший кусок другой. Что это? Привычная форма выражения мысли? Не такая уж она привычная. Скорее всего — сходные условия бытия. Слепой выразил готовность всю оставшуюся ему жизнь на пять лет зрячей. Невеста сказала, что за возможность пережить настоящую чистую любовь (такую, как в книжках описывают) она отдала бы всю жизнь, пусть эта любовь продолжалась бы всего один день. А ведь она — здоровая, жизнерадостная, неприхотливая. Моралистка сказала, что она такую гнусную жизнь готова отдать кому угодно просто так, ничего не требуя взамен.

Реакция Блаженного меня не удивила. Он сказал, что все это — вздор. Если бы дошло до реальной мены, величины были бы совсем другие. А многие вообще от обмена отказались бы. Почему? Слепой, например, подозревает, что видение мира мало что изменило бы в его уныло — серой жизни. Он, Блаженный, готов поменять свою жизнь на любую другую. Ему все равно. Никакой абсолютной полноценности в мире нет. Все относительно. Остряк и Солдат — физически полноценные люди, А как они тратят свою жизнь? А о чем они мечтают? О том, чтобы угробить ее еще более нелепым образом, а не насладиться полноценностью. Ощущение полноценности есть ощущение уродов, а не здоровых людей. Или животных. Здоровые люди ощущают свою относительную полноценность лишь в сравнении с уродами.

— Скажи откровенно, — спрашиваю я себя, — насколько существенно изменилась бы твоя жизнь, если бы тебе сейчас пришили бы нормальные ноги? Сейчас твоя жизнь имеет для тебя огромный смысл — смысл сражения человека со страшной природной стихией. Ты успешно сражаешься. Ты должен ощущать себя полубогом. А со здоровыми ногами?..

Ночь

Под утро я, измученный мыслями, впадаю в состояние кошмара. Я вижу, как маршируют колонны безногих, как во главе колонн шествуют слепые, как безрукие несут знамена и портреты безголовых вождей, как глухонемые поют гимны и выкрикивают лозунги, как импотенты несут детей с недоразвитыми конечностями и без глаз, как на трибунах безголовые вожди указуют нам путь... Я вижу слепых, у которых из глазниц вырастают

вытянутые вперед тощие руки с растопыренными щупальцами — пальцами. Вижу идущих на руках безногих... Я вижу кишение роботов с человеческими головами, но с искусственными глазами. Вижу обычные человеческие тела с техническими устройствами вместо внутренних органов. Это видение сменяют стройные колонны здоровых, молодых, красивых мужчин, женщин, детей. Они несут яркие знамена и портреты розово — красивых вождей. Последнее зрелище кажется мне самым ужасным. Я чувствую себя глубоко несчастным. Падаю в пропасть, не имея возможности остановить падение, — у меня нет рук и ног. Я хочу крикнуть, но у меня нет голоса, — я нем. Я хочу посмотреть, куда я падаю, но не могу — я слеп. Я есть абстрактный социальный индивид, не имеющий ничего, кроме интеллекта, способного рассчитывать ближайшие последствия своих простейших действий. Но я не могу совершать эти действия — мне нечем их совершать. И я не волен их совершать, ибо воля моя изъята из меня и передана другим, которые тоже не вольны совершать свои поступки.

Самый страшный день

Психолог привел в Клуб парня из какого-то «почтового ящика» (то есть секретной лаборатории).

— Иногда гляжу я на людей, и мне становится не по себе, — говорит он. — Люди живут, детей плодят, суетятся, учатся, стараются, книги пишут, теоремы доказывают, на скрипках играют... Они не знают о том, что в бесчисленных секретных лабораториях во всем мире день и ночь трудятся над тем, чтобы изобрести какую-нибудь пакость, с помощью которой можно было бы изуродовать им жизнь или вообще вычеркнуть их из жизни. Я пришел к выводу, что главную угрозу человечеству несет с собою безудержный прогресс науки и техники. Если этот прогресс не остановить, гибель человечества неизбежна.

— Ты имеешь в виду атомное оружие?

— Атомное оружие теперь не самое страшное. Если будет атомная война, человечество все равно уцелеет. Лет через пятьсот или через тысячу люди восстановят нынешний уровень цивилизации и даже превзойдут его. Есть вещи пострашнее атомного оружия.

— Бактериологическое оружие? Химическое?

— Эти штуки, конечно, неприятные. Но и они — мелочь в сравнении, например, с генетическим оружием.

— С генетическим?! В первый раз слышу. Что это такое?

— Что такое механизм наследственности, ты сам знаешь. И знаешь, конечно, что на него можно воздействовать, причем — целенаправленно. Ты не знаешь, как это делается практически. Это, брат, одно из самых тончайших и сложнейших научных открытий человечества.

И далее он рассказал следующее. Научные исследования, имеющие целью изобретение средств воздействия на психику людей в желаемом направлении и закрепление произведенных изменений психики в наследственном механизме людей навечно, ведутся давно как за рубежом, так и у нас. Разумеется, никто об этом не говорит открыто. Все это делается под прикрытием неких благородных намерений осчастливить человечество. Но это — обман или добровольный самообман. Какое советское руководство не мечтает о таких руководимых трудящихся, которые покорно, буквально и с энтузиазмом выполняли бы все постановления ЦК КПСС?! Приняли в ЦК решение не пить водку, опубликовали, и трудящиеся

все стали трезвенниками. Приняли решение укрепить трудовую дисциплину, и на другой день все стали образцовыми работниками. Идеал нашего руководства — чтобы массы всегда оставались послушными детьми, а руководители выглядели бы в их глазах мудрыми и справедливыми руководителями, А какой генерал не мечтает о солдатах, покорно выполняющих любые приказы и в любых условиях?! Конечно, идеология в этом отношении делает свое дело. Но она оказалась не такой уж сильной. И расчеты на высокое развитие сознания трудящихся не оправдываются. И страх наказания не так уж силен. Так что было бы очень полезно, если бы коммунистическое воспитание трудящихся подкрепить укольчиками и пилюльками. А еще лучше было бы сделать эти укольчики раз и навсегда — провести такую кампанию по всей стране, — чтобы потом детишки и без укольчиков и пилюль автоматически становились такими же, как их родители. Само собой разумеется, такое проделать полезно было бы не со всеми. С партийными работниками это делать не надо — они и без того сверхсознательны и ведут себя так, как надо. И с некоторыми другими слоями населения это делать не нужно по тем или иным причинам. Или к ним надо подойти дифференцированно: стране все-таки нужны и писатели, и художники, и плясуны, и футболисты. Короче говоря, затаенная мечта руководящих, господствующих и привилегированных слоев общества сделать свое положение надежным и передаваемым по наследству, сделать социальную иерархию незыблемой в наше время вполне естественно ищет опору во всесильной науке. И вполне естественно стремление обезопасить свое положение от угроз извне, используя эти современные научные средства в отношении внешнего врага. Было бы очень даже неплохо, если бы и внешнему врагу сделать некие укольчики или всунуть в рот пилюльки, в результате чего внешний враг осознал бы свою историческую обреченность и стал бы так же послушно выполнять мудрые решения ЦК КПСС. Пока мы угрожаем им бомбами, ракетами, танками, подводными лодками, лазерами. Но было бы куда гуманнее действовать методами убеждения и воспитания в коммунистическом духе. А тут эти укольчики и пилюльки были бы очень полезны. Так что в каком направлении работает воображение нашей системы власти, на этот счет никаких сомнений быть не может. Наши ученые должны что-то открыть и изобрести в этом направлении. Иначе за что им деньги платят, чины и звания дают, квартиры и дачи получают?!

— Я читал кое-что на эту тему, — вставил свое слово я. — Но я полагал, что это — из области научной фантастики.

— К области научной фантастики относить все то, что касается блага человека. Путем воздействия на генетический аппарат людей не сделаешь лучше того, какими они стали благодаря естественной биологической эволюции. Современный человек в биологическом отношении есть не только вершина творения, но это вообще потолок. Конечно, изменения происходят и будут происходить, но они чисто внешние и чисто количественные. Но, повторяю, в качественном отношении эволюция человека достигла потолка. Людей уже не сделаешь лучше. Но зато их можно сделать хуже. Искусственное вмешательство в биопсихический механизм человека и в механизм наследственности не может пройти безнаказанно вследствие самих законов природы. Добиваясь желаемых результатов в одних отношениях, мы неизбежно теряем в каких-то других. Любые средства манипулирования людьми, воздействующие на организм, порождают неконтролируемые последствия, сводящие на нет достигнутый положительный эффект. И теория, и эксперимент дают тут один и тот же результат: биологический прогресс человечества путем искусственного воздействия на физиологический и на генетический механизм человека в принципе невозможен. Возможна только деградация.

— А без искусственного вмешательства можно удержаться на достигнутом уровне?

— На какое-то время — да. Если бы даже наука не стала вмешиваться в генетический механизм человека, люди в конце концов начали бы деградировать и без этого. Есть универсальный закон природы: всякий прогресс со временем достигает вершины и уступает место регрессу. Но наука, вмешиваясь в генетический механизм человека, может ускорить

процесс деградации. Если природе без науки потребовались бы десятки тысяч лет на это, то средствами науки можно сократить это до времени одного поколения, то есть до логически возможного минимума. Короче говоря, все то, что касается причинения зла человеку, относится к области реальности.

— Ты считаешь, что какие-то практические результаты на этом пути достигнуты?

— И какие! В принципе уже сейчас можно производить людей любых заранее намеченных типов. Конечно, в рамках биологических законов. Пока еще через несколько поколений. И индивиды будут генетически неустойчивы. Но пройдет немного времени, и будет разработана тончайшая и надежная техника производства особей заранее намеченного типа, причем — генетически устойчивых. В наше время прогресс все более ускоряется.

— Прогресс?!

— Ну, регресс. Какая разница. В наше время вообще невозможно различить, что есть прогресс и что деградация. Мы должны быть счастливы, что жили в двадцатом, а не в двадцать пятом, допустим, веке. Тогда наверняка научатся искусственно выводить человекоподобные существа с заранее запланированными признаками. Их будут скорее всего в колбах выращивать. И будущее столетие будет самым кошмарным в человеческой истории. Люди будут всеми силами пробиваться в высшие слои, которым не угрожает никакое «генетическое оружие». Будут стараться закрепиться в высших слоях навечно.

— Навечно?!

— Ну да, чтобы и их потомки оставались в этих слоях, то есть людьми в нормальном смысле слова.

— Какой в этом смысл? Потомки становятся чужими уже через два — три поколения.

— Инстинкт самосохранения. Заботясь о потомках, люди заботятся о сохранении рода. Человеческая жизнь коротка. Жизнь рода в принципе бесконечна. Люди род свой биологически ощущают как вечность.

— У нас-то нет потомков.

— Это не так уж плохо. Я вообще думаю, что мы имеем возможность повлиять на ход истории только одним путем: отказавшись от потомства.

Капитуляция

Наша делегация вернулась из США. Привезли чудесные протезы с новейшей электроникой. Приехали специалисты из Москвы. Создали, как обычно, особую комиссию по изучению передовой западной техники. Протезы разобрали на части. Исследовали все до мельчайших подробностей. Стали собирать, но ничего хорошего из этого не вышло. Целый месяц лучшие специалисты из столицы трудились впустую. Постепенно интерес к протезам спал. Москвичи уехали домой. Протезы в разобранном виде отнесли на склад. Комиссия распалась. А меня снова вызвали в дирекцию и предложили наконец-то доложить о результатах моего изобретательства. Сулили награды. Грозили наказаниями. Я решил капитулировать. Документацию на протезы я уже подготовил. И вот я сдал свое открытие на суд отдела.

При обсуждении моего изобретения в отделе Гробовой наговорил всякой ерунды. Сказал, что над ним надо еще серьезно поработать и что он этим займется сам. Все поняли, что мне не

избежать его соавторства. Кое-кто мне посочувствовал. Большинство же одобрили замысел Грбового.

Когда мое изобретение передавали на обсуждение в дирекцию, авторами его уже стали Грбовой, я и еще один сотрудник отдела — холуй Грбового. В дирекции пришли в восторг от изобретения. Но директор сказал, что оно еще нуждается в доработке и что он этим займется сам. В результате мое изобретение пошло вверх уже от имени четырех авторов — директора, Грбового, меня и старшего инженера комбината. Холуя Грбового директор из списка вычеркнул.

В тресте и в обкоме партии одобрили изобретение. Сказали, что будут выдвигать его на Государственную премию. В Комбинате началось твориться нечто невообразимое. Оказалось, что все начальники Комбината так или иначе принимали в нем участие. Проблема авторства стала предметом обсуждения на заседании партийного бюро совместно с представителями райкома партии и треста. Грбовой высказал сомнение по поводу оставления меня в числе соавторов изобретения. Вспомнили мой скандал в больнице. Кто-то сказал, что были «сигналы» о моей моральной неустойчивости. Кто-то сказал, что ходят слухи о группе в Клубе, в которой ведутся нездоровые «разговоры». И меня из списка авторов изобретения исключили.

Когда узнали об этом, в Комбинате сначала выразили недоумение. Но вскоре вздохнули с облегчением: все-таки «этому карьеристу Гореву» не удалось вырваться вверх! Я же к моему удивлению отнесся к известию с полным равнодушием. Я ожидал, что именно так и случится.

Но все тревоги комбинатских претендентов на Государственную премию оказались впустую. В Обкоме партии передумали, решили, что в Москве будут смеяться над таким курьезным предложением. На премию от области решили выдвинуть за какое-то изобретение на мясо-молочном комбинате, позволяющее получать порошок молока вдвое быстрее, чем раньше, — как раз в духе «ускоренного развития». И мое изобретение сдали в архив.

Невеста

Невеста появилась в моей комнатухе вновь, как будто ничего не случилось. Она пришла, когда Солдата дома не было. Решила подождать, но Солдат где-то загулял, и она уснула, сидя на диване. Я положил ей под голову подушку, поднял ее ноги на диван, укрыл одеялом. За стенкой Соседка «шептала» с Хэхелем. Он сказал, что я наверняка «сплю с этой потаскухой». Соседка сказала, что у меня «эти самые дела» оторвало вместе с ногами. Хэхель сказал, что «нынешняя молодежь всякие развратные фокусы придумала, и без этих самых дел обходиться может». Далее их разговор принял неописуемо пошлое и скабрзное направление. Наконец они утихомирились. Часа в три ночи притащился Солдат. Попытался ворваться в мою комнату с намерением набить морду «этой стерве», то есть Невесте. Мне пришлось применить силу, чтобы урезонить его. Невеста проснулась от пьяных криков и ругательств Солдата. До рассвета просидела с широко раскрытыми, но невидящими глазами. Не спал и я. Заговорить с ней я не решился. Утром она ушла, не сказав на прощание ни слова. Солдат спал на кухне, уткнувшись лицом в свою собственную блевотину.

Мысли гения

— Представь себе, — говорил Теоретик, — что на Земле существует всего один урод и этот урод — ты. Как ослабить или вообще заглушить твои страдания? А теперь представь себе, что на Земле существует всего один нормальный человек и этот человек — не ты. Как ослабить или вообще заглушить твою зависть к нему? Есть разные варианты решения таких проблем. Уничтожать уродов, если их меньшинство. Уничтожать здоровых, если их меньшинство. Сделать всех уродами. Сделать всех здоровыми. Какое решение наилучшее? Мы есть природа, часть всеобъемлющей природы. А природа находит свое наилучшее, то есть наиболее вероятное и доступное решение. Природа действует согласно фундаментальной аксиоме: в мире нет совершенства, все есть уродство, все суть уроды. Приглядишься к самым, казалось бы, здоровым людям, и ты найдешь в них бесчисленные признаки уродства.

— Разные бывают уродства, — говорю я. — У Гробового одна нога чуть короче и тоньше другой, но это не мешает ему быть первым бабником Комбината. У нашего парторга испорчены зубы, изуродован мизинец на левой руке. Это не мешает ему чувствовать себя Аполлоном в сравнении с нами. Что считать уродством? Введи любые критерии, касающиеся миллионов людей, и ты увидишь, что уродство есть так или иначе исключение.

— Я категорически отвергаю твой релятивистски статистический подход, — возражает он. — Есть природные законы гармонии, обязательные для всех. Змеи, крокодилы, пауки, мокрицы безобразны, но не уродливы. Люди в прошлом тоже были всякими, но уродство не было существенным фактором человеческой жизни. Уродство есть чисто человеческое изобретение. Человек открыл уродство и развил его средствами искусства и идеологии до высочайшего уровня. Человек превратил уродство в господствующую тенденцию эволюции. Мы катимся в антимир — в мир антиздоровья, в мир всеобщего уродства. Всеобщая деградация — вот наше будущее. И мы его предшественники. Так воспоем же славу этому грядущему безобразию! Дадим ему теоретическое обоснование, и наши потомки будут с нашими именами носиться так же, как мы носимся с именами Евклида, Платона, Аристотеля!

Мысли червяка

Наш Комбинат за успехи в перестройке наградили орденом Трудового Красного Знамени. Директора наградили орденом Ленина, его заместителей и заведующих отделами, лабораториями и цехами — орденами рангом пониже, а прочую «мелочь» — медалями. Я получил медаль «За трудовую доблесть». Получать такую награду стыдно, а отказываться нельзя. Если бы отказался, меня немедленно исключили бы из партии и уволили с работы. А прожить на пенсию по инвалидности в моем положении невозможно. Поэтому я принимаю поздравления с таким видом, будто я этому безумно рад.

Как работник я неизмеримо лучше, чем Гробовой. В Комбинате это общеизвестно. Но Гробовой получил более высокую награду, чем я. Где тут справедливость? А она тут на самом деле есть: Гробовой занимает более высокое служебное положение, и потому ему положена более высокая награда. Вот именно эта наша общая справедливость порождает нашу личную несправедливость. Если бы я попытался заявить вслух, что заслуживаю более высокую награду, чем Гробовой, весь коллектив Комбината встал бы на защиту Гробового против меня. Меня обвинили бы в безнравственности.

Как быть в таких ситуациях? Выход один: не придавать ей значения. Но есть ли это решение нравственное? Миллионы людей в сталинские годы делали вид, что ничего не знают о массовых репрессиях, — «не придавали им значения». А можно ли это оправдать с моральной точки зрения? Ведь таким путем можно оправдать все что угодно. Где проходит

принципиальная грань между явлениями, игнорирование которых проводит грань между нравственностью и безнравственностью? Можно, конечно, принять за критерий то, что касается лишь лично тебя и что касается других людей. Но и это различие неопределенно. Например, тот факт, что орден получил паразит, хапуга и карьерист Гробовой, касается не только лично меня, но и всей нашей системы вознаграждения. Как быть? Помалкивать? Все помалкивают. А нравственно ли это? Столько лет труда — и медаль! Только и всего. Солнце не стало от этого светить ярче. Моя комнатуха не увеличилась ни на один квадратный сантиметр. Пища не стала вкуснее и сытнее, а одежда — красивее. Мир сохранил цвет и запах заношенной солдатской портянки. Так почему и ради чего я должен быть в чьих-то рядах? И я не вижу разницы между рядами созидателей и разрушителей: последние все равно хотят что-то созидать, а всякое созидание имеет конечным итогом разочарование и тоску о прошлом. Вот так я бьюсь между двумя крайностями, как та муха между стеклами в моем кабинетике. Но никто не откроет мне форточку, чтобы дать мне вылететь на волю, ибо такой форточки для меня вообще нет.

Короче говоря, какое бы явление нашей жизни мы ни взяли, мы оказываемся в затруднении с применением к нему нравственных оценок. Навязывается вывод: надо жить не по правилам некоей абстрактной морали, заимствуемым нами из прошлого, а по правилам конкретной морали, соответствующей условиям нашей жизни. А вторая лишь по видимости есть мораль. В наших условиях позиция морали вообще есть позиция ложная. Но в таком случае вся моя жизнь есть ошибка.

Правдивый рассказ о справедливости

Слепой сказал, что со мною обошлись, конечно, несправедливо. Но с какой точки зрения? Он рассказал мне по этому поводу такую историю.

В США молодой парень был приговорен к смерти за убийство. Но приговор не привели в исполнение сразу. Семь лет тянулась волокита. Казнь все откладывали по каким-то причинам. За эти годы парень перечитал сотни всяких книг, изучил различные науки, стал образованным, много размышлял, сам начал писать книги. Он стал совсем иным за эти годы — стал совсем иной личностью. И вот наконец-то волокита судебная закончилась, и приговор был оставлен в силе. Его казнили. Но казнили не того человека, который совершил преступление, а уже совсем иного. Можно ли считать эту казнь справедливой? С точки зрения индивидуальной — нет, а с точки зрения общества, выработавшего определенные средства самозащиты от преступлений, — да.

Живи

И все-таки я говорю себе: живи! Раз родился, живи. Живи, и одним этим ты вознаграждаешься за любую твою добродетель. Рождаясь, мы фактом рождения обрекаемся на грех и страдание. Эту простую мудрость люди постигли много тысячелетий назад. Умирая, мы фактом смерти освобождаемся от греха и страданий. Потерпи немного, и придет твоя всеискупающая смерть. А пока живи!

Тема войны

Отмечали день рождения Фюрера. Утверждения Солдата насчет «богатств» родителей Фюрера оказались сильным преувеличением. Скромная двухкомнатная квартира. Но у нас уж так принято: если кто-то живет хоть немного лучше нас, так он нам кажется «миллионером». Отец Фюрера был офицером во время войны, трижды ранен, инвалид. Естественно, заговорили о войне. Я помалкивал: война вообще не моя тема. То, что говорили другие, было для меня чрезвычайно интересно, поскольку говорили люди, не пережившие войны.

— В прошлую войну, — сказал отец Фюрера, — две армии были лучшими в мире: немецкая и наша. Немецкая была лучшей с точки зрения готовности убивать, а наша — с точки зрения готовности умирать. Мы превзошли немцев в нашей способности. И потому победили.

— Нам наша победа обошлась дороже, чем немцам поражение, — заметил Остряк.

— Сравните, как живут побежденные немцы и победившие их русские! Стоило ли побеждать?!

— Ты что же, предлагаешь начать войну и проиграть ее, чтобы потом лучше жить? — спросил Солдат. — Война приведет к гибели человечества.

— Человечество скорее всего погибнет не от войны, а от мусора, — спокойно сказал Слепой. — Оно задохнется в своей собственной помойке, в которую превратит планету. А в мусоре и в помойке лучше всего себя чувствуют крысы и черви. Они пророят ходы, устроят свои дворцы. Будут жить в полном изобилии. И создадут свою крысино — червячную цивилизацию. Так что нет никаких оснований для пессимизма.

— У нас на заводе, — начал рассказывать Остряк, — с докладом о будущей войне выступил генерал из штаба военного округа. Он сказал, что США утратили превосходство над нами по всем видам современного оружия, а что касается обычных видов вооружения и состояния готовности, все армии мира уступают нашей. Кроме того, мы имеем такие виды оружия, о которых мир еще не знает и по которым мы опередили Запад по крайней мере лет на тридцать. Наконец, мы имеем несомненные преимущества с точки зрения территориального распределения населения и природных ресурсов. По самым скромным подсчетам в США в результате нашего атомного удара уцелеет не более десяти процентов населения и промышленности, у нас же уцелеет по крайней мере шестьдесят процентов. У нас есть стратегические запасы продовольствия по крайней мере на пять лет. Есть надежные бомбоубежища. Так что нам бояться войны нечего. Мы уверены в победе. Мы обязаны понять, что нынешние продовольственные трудности во многом связаны именно с созданием стратегических запасов продовольствия.

— Врет твой генерал, — возразил Слепой. — Никаких стратегических запасов нет. Еще несколько месяцев такой полувоенной атмосферы, и мы начнем голодать в полном смысле этого слова. Насчет нашего превосходства явно преувеличивает. Из-за чего в таком случае такая наша нервозность по поводу нейтронной бомбы! Бактериологическое оружие у нас есть. Но не думаю, что его нет у американцев. К тому же это — палка о двух концах. А чтобы вывести страну из строя, достаточно уничтожить тридцать, а не сорок процентов. Наши шестьдесят процентов — это за счет народов окраин страны и сельских местностей. Наконец, главное в будущей войне — не нанесение смертельного удара по врагу, а способность выжить после получения такого удара и использовать результаты победы. Я не верю в возможность новой войны в ближайшее время. Мы шантажируем мир и свое население угрозой войны — это удобно во многих отношениях. Но к войне мы еще не готовы. Еще нет психологической решимости развязать большую войну сейчас и идти до конца. История с интервенцией в Афганистан есть тому доказательство. А через несколько лет Запад уравнивает силы. Так что подготовимся к новым долгим годам скучной и унылой, полуголодной и

полувоенной мирной жизни. Что нам забивать головы чужими заботами?! Война и прочее нас не касается. И если бы война!.. Увы, нам угрожает беспросветный мир. Чрезмерно затянувшийся мир, в течение которого люди готовятся к войне, страшнее войны. Чем дольше длится мир, тем лучше люди подготовятся к войне, и тем страшнее будут ее последствия.

Отец Фюрера заметил, что считает новую мировую войну неизбежной. В мире накопилось много проблем, которые может решить только война. А чрезмерно затянувшийся мир действует деморализующе на человечество, и на нас в первую очередь. А что касается последствий, так ведь их не избежать так или иначе. И хотим мы этого или нет, война начнется помимо нашей воли.

Социолух сказал, что собирается писать роман о времени после Третьей мировой войны, и рассказал об основных идеях романа.

Мир после Третьей мировой войны

В результате Третьей мировой войны все крупные государства планеты были разрушены. Население сократилось по меньшей мере в десять раз. От эпидемий, явившихся следствием применения бактериологического оружия, почти полностью вымерло население Юго — Восточной Азии, Африки и Латинской Америки. Мир распался на бесчисленное множество мелких человеческих объединений. Разрушительные последствия от борьбы между ними довершили страшный процесс крушения цивилизации.

Большая часть уцелевших на планете людей начала деградировать не только культурно, но и биологически. Через несколько десятков поколений эта деградация зашла настолько далеко, что никакой надежды на возвращение к прежним биосоциальным высотам не осталось. Лишь незначительная часть европейцев сумела сохранить зачатки прежних человеческих качеств и развить их затем до уровня, сопоставимого с довоенным. Им постоянно приходилось вести жестокую борьбу с деградантами, которые стали для них столь же опасными врагами, как и полчища гигантских крыс, совершавших набеги на их поселения и временами уничтожавшие целые города и даже маленькие государства. Часто деграданты объединялись для таких нападений с крысами. Последнее такое крупное нападение имело место на юге бывшей территории Франции. Тогда крысы и деграданты окружили довольно значительное государство и сожрали всех его граждан в течение нескольких минут. От полного уничтожения европейцев спасло лишь то, что крысы и деграданты поссорились между собой и нанесли друг другу урон, сделавший их неспособными завоевать полное господство на планете. После того побоища и возникла идея объединения европейских государств в единое целое с целью создания системы защиты от внешних нападений. Проблема встала так: либо гибель, либо совместная защита от врагов и прекращение междуусобиц. Так на территории нынешней Европы сложилось сравнительно большое и сильное государство Гумания. Чтобы это случилось, прошло много веков борьбы остатков рода человеческого за выживание.

Создание единой системы защитных сооружений послужило лишь началом и толчком к объединению уцелевшего и сохранившего искры цивилизации населения Европы в единое общество. К проблеме самозащиты от общих врагов присоединились проблемы источников энергии и питания, а также проблемы внутренней организации большого объединения людей в условиях, какие в истории человечества появились впервые. Среди этих условий особого внимания заслуживают такие. Это, во — первых, необычайно трудные условия биологического существования, каких никогда еще не знали люди. Окружающий общество мир грозил гибелью или в лучшем случае вырождением. Он постоянно в самых различных и неожиданных формах врвался и внутрь общества, производя страшные опустошения и

вынуждая тратить все силы на борьбу с ним и на самосохранение. Даже климатические условия стали настолько опасными для жизни, что изоляция людей от природы стала необходимым условием их выживания на достигнутом ранее биологическом уровне. А решить эту проблему для больших масс людей на многие годы можно было только путем объединения усилий и средств всех остатков цивилизации. Не только отдельные люди, но вся жизнь общества нуждалась в наших защитных искусственных оболочках.

Вторая группа условий заключалась в следующем. Несмотря на разрушительную войну и последующие разрушительные события, от прежней (довоенной) цивилизации сохранились огромные ценности. И теперь все цивилизаторские усилия общества оказались направленными на то, чтобы овладеть этими ценностями и приспособить их для нужд современной жизни граждан. Так что общество, сложившееся на развалинах довоенной европейской цивилизации, оказалось в известном смысле вторичным по отношению к обществу довоенному, производным от него, более высокой ступенью его развития. Так что тезис государственной идеологии Гумании, согласно которому Гумания является вершиной развития человечества, есть неоспоримое научное утверждение. Процесс исторического развития не есть непрерывное наращивание неких добродетелей и достоинств. Он включает в себя и периоды катастроф, в результате преодоления последствий которых человечество делает новый шаг вперед.

Сам процесс объединения мелких государств послевоенного периода проходил в жестокой внутренней борьбе и стоил жертв, сопоставимых с жертвами от набегов крыс и деградантов. Так что временами снова побеждали тенденции к раздробленности и автономии. Победа объединяющей тенденции не была фатальной. Больше пятисот лет ушло на то, чтобы эта тенденция утвердилась и стала доминирующей. И еще тысяча лет ушла на то, чтобы складывающееся общество доказало свои преимущества перед всеми прочими формами социальной жизни и чтобы граждане стали его воспринимать как вполне естественное, максимально разумное и даже единственно возможное.

Хотя в результате войны многое было разрушено и уничтожено, все же то, что накопило человечество и что сохранилось, было вполне достаточно, чтобы в изобилии обеспечить потребности сравнительно небольшой уцелевшей группе людей практически навечно. Сохранить накопленные богатства, отобрать из них что требуется, сделать пригодным для употребления и распределить среди людей, — вот что стало основным для общества. Общество изобилия, которое обещали коммунисты прошлого, стало явью.

Производство стало не созданием нового, а отбором и использованием созданного ранее — вторичным производством. Наука стала не открытием новых истин, а изучением того, что было открыто ранее. Профессия писателя превратилась в просмотр литературы прошлого, отбор нужного, переработку отобранного по определенным правилам. И так во всем. Представьте себе, что группа людей поселилась в гигантском складе, в котором есть абсолютно все, что нужно для тела и души. Так произошло с Гуманией. С той лишь разницей, что угроза физическому существованию вынудила к определенным защитным средствам, которые, наложившись на законы организации больших масс людей в единое целое, дали тот социальный феномен, о котором я говорю.

Вековая мечта некоторой части человечества о разделении людей на низшую и высшую расу в Гумании осуществилась как бы сама собой. Породив деградантов, история невольно сделала бесценный подарок людям — она породила естественный материал для выведения существ низшей сравнительно с людьми расы. Сначала гуманийцы использовали некоторую часть захваченных деградантов наподобие рабочей скотины. Затем начался добровольный приток деградантов, которые соглашались на любые условия жизни в Гумании, лишь бы не возвращаться обратно в послевоенные смертельно опасные джунгли, окружающие Гуманию. Со временем гуманийцы начали специально охотиться на деградантов, отбирая лучшие экземпляры для использования на самых тяжелых и неприятных (особенно — жизненно

опасных) работах. Наконец, возникла целая отрасль хозяйства — разведение деградантов. Отбор в ряде поколений позволил вывести из деградантов идеальных рабов, о которых и мечтать не смели рабовладельцы прошлого.

Разводили деградантов на территориях, примыкающих к Гумании, но не входящих в нее. Эти территории точно так же были защищены от окружающей среды. Деградантов содержали и разводили как скот. Их обеспечивали всем необходимым для существования и обучали лишь настолько, чтобы они смогли выполнять определенную работу, само собой разумеется, самую грязную, тяжелую, скучную и опасную. Для них были целиком и полностью исключены группировки и иерархическое структурирование (подобно тому как домашние коровы и лошади не имеют своей социальной структуры). Деграданты выполняли все работы под контролем гуманоидов. Каждый гражданин Гумании ощущал себя представителем высшей расы в сравнении с деградантами. Деграданты составляли бесструктурную массу существ, лишь под контролем гуманоидов образующих временные объединения в интересах гуманоидов. Последние же образовали сложное, структурированное социальное объединение. Собственно говоря, лишь они образовали общество. И все проблемы организации, контроля, управления и прочие как социальные проблемы касались их (подобно тому как коровы и лошади не входят в социальную структуру нынешних стран). Деграданты стали лишь необходимым средством производства нового типа, а также фактором общественной психологии и идеологии Гумании.

В прошлом проблему организации больших масс людей в целое решали всегда путем создания системы власти, то есть принуждения. Всю историю человечества властители стремились к абсолютному контролю за поведением подчиненных и к абсолютной власти над их судьбой. Предел этого — сосредоточение и воплощение этого идеала власти в одном человеке. Многим удавалось приблизиться к этому идеалу настолько близко, что казалось, будто и на самом деле он достигнут. Но он никогда не бывал достигнут на самом деле. Всегда что-то в поведении людей оставалось неподконтрольным для вышестоящих властителей. Всегда какие-то группы людей выпадали из-под их контроля, восставали, отделялись. Судьбы властителей и их режимов говорят о том же — приближение к идеалам власти было всегда кратковременным и неустойчивым. В Гумании проблема контроля за поведением людей и управления ими была решена раз и навсегда, причем — не в духе примитивных честолюбцев и насильников прошлого, а в полном соответствии с социальными законами — то есть как власть отчужденной организации людей в целом над самими организуемыми людьми и как абсолютное условие самосохранения всех и каждого. Если бы все гуманоиды умерли, то осталось бы некое грандиозное техническое сооружение, представляющее скелет и оболочку гуманийского общества. Без людей это сооружение мертво — лишь люди делают его живым организмом. Но без него люди не способны существовать и образовывать целое общество. Это — своеобразный социобиотехнический гибрид. Люди помещаются в ячейках этого сооружения, оживляя его своим интеллектом, своей волей, своими эмоциями. Человек может существовать в этом обществе только при том условии, что он занимает в нем определенную техническую ячейку. Заняв эту ячейку, он вынужден в ней выполнять строго определенные функции и выполнять их должным образом, иначе он лишается средств существования, изымается и заменяется другим, более подходящим индивидом. Здесь за человеком строго закрепляется определенная функция. И сам он строго прикрепляется к определенной ячейке механизма. Человек может сменить функцию и ячейку (например, поднимаясь по иерархической лестнице), но — по строго определенным правилам.

Существенно здесь то, что распределение людей по социальным ячейкам, изменение их положения, распределение жизненных благ и прочие жизненно важные действия здесь переданы людьми упомянутому техническому устройству — результату их коллективной мысли и воли. Потому здесь исключена несправедливость, обычная для современного общества. Исключены обман, недобросовестность, коррупция, карьеризм и прочие язвы,

обычные в наше время. Даже самые высшие лица в социальной иерархии находятся целиком и полностью во власти отчужденной справедливости. Они за свое положение имеют больше благ, но они не способны злоупотреблять своим положением.

Да в этом и нет надобности. Здесь невозможно накопление и перераспределение ценностей. Здесь нет никаких денег: люди все получают без них по соответствующим, механически выполняемым нормам. Исключена группировка людей, независящая от выполняемых ими функций. Исключена механически. И она лишена смысла. Ради чего? Протест? А против чего? Против неотвратимых законов природы?

Размножение членов общества производится так. Особые устройства отбирают наиболее ценные экземпляры обоих полов и скрещивают их в расчете получить нужное число новых индивидов заданных заранее типов. Причем мужчины и женщины не вступают в контакт. На них просто оказывается воздействие особыми устройствами, в результате чего они получают сексуальное удовлетворение. Оплодотворение же происходит в специальных устройствах, в которых затем развиваются эмбрионы. Родители не знают своих детей, дети — родителей. Семейные отношения исключены как ненужные с точки зрения интересов целого. Все индивиды испытывают сексуальное удовлетворение индивидуально в соответствии с установленными нормами.

Индивиды не вступают в непосредственные контакты вообще. Они вступают в личные контакты в установленное время и с определенными независимо от их воли другими индивидами посредством телевизионных устройств. Учтены все возможные типы контактов и комбинации партнеров. Все потребности общения удовлетворяются в соответствии с нормами общения для данной категории лиц. Все члены общества автоматически получают определенные вещества и облучения, благодаря чему они постоянно находятся в состоянии удовлетворения своим положением. Уровень удовлетворенности и степень счастливости повышаются с повышением позиции, занимаемой индивидом. Воздействие этого подобно воздействию наркотиков, но без вредных последствий и в меру. Одновременно члены общества воспитываются идеологически так, что живут они с сознанием абсолютной справедливости бытия и своего исключительного положения высших существ. Они ощущают себя богами различной степени божественности.

Наступает момент, когда дальнейшее существование индивида становится нежелательным или даже опасным для общества, и его находят целесообразным уничтожить, заменив новым. Решение принимается особым устройством на основе расчетов жизненного и производственного потенциала индивида на компьютерах.

Индивид уничтожается мгновенно. Таким образом снимается страх смерти. Прочие члены общества не знают об уничтожении отработанного члена. Впечатление создается такое, будто индивиды живут вечно. И они живут с сознанием вечности своего существования.

Короче говоря, все сферы жизни людей абсолютно рационализированы и изъяты из субъективной власти и воли отдельных людей. Исполнение всех правил коллективной жизни передано техническому устройству, так что ни один из членов общества (включая высших лиц) не может помешать исполнению этих правил или нарушить их.

Как следствие в обществе исчезла персонификация граждан — они обозначались номерами ячеек, в которые они попадали в результате распределения людей по ячейкам. В этом были свои плюсы. В частности, исчезло тщеславие, возвеличивание ничтожеств, подхалимы и многие другие явления, разъедавшие души людей в прошлом.

Прошли века. На планете восстановились нормальные (с нашей точки зрения) условия жизни. Но эволюция человечества уже пошла в определенном направлении, причем — необратимая. Именно в изменившихся условиях, когда исчезли прежние опасности, эта

эволюция дошла до логического конца, то есть до наиболее полного воплощения законов коммуналности в механическую принудительную силу технического устройства, о котором я говорил. Теперь сами люди эволюционировали так, что уже не могли существовать как социальное целое без технического скелета и технических оболочек своей системы. Было уже поздно возвращаться к цивилизации XX века.

Но это еще не было окончательным решением проблем человеческой эволюции. Социальная эволюция человечества, пойдя в таком направлении, нарушила самые фундаментальные законы эволюции людей как существ биологических. Постепенно число гуманоидов стало сокращаться и сократилось настолько, что многие клетки социального механизма оставались незаполненными. И от этого механизм не функционировал хуже. Наоборот, возникали даже непредвиденные преимущества. И неумолимые законы эволюции направили жалкие остатки рода человеческого к такому идеальному состоянию, в котором человек вообще оказался излишним. Построив идеальное общество, человек тем самым выполнил свою миссию в истории мироздания полностью. Он исчез насовсем, уступив место Ничто. Самая идеальная социальная организация получается лишь тогда, когда образующие ее элементы суть безразмерные математические точки, то есть суть Ничто в социобиологическом смысле. Только Ничто есть абсолютное совершенство.

Общество стариков и несчастных

— Считается, что мировая война есть самая страшная угроза для человечества, — сказал Слепой. — Но есть кое-что пострашнее войны, а именно — чрезмерно затянувшийся мир. Мир скоро будет хуже войны. Его последствия будут гораздо более разрушительными, чем последствия войны. Число людей возрастет сверх всякой нормы. А с ростом числа людей сокращается процент счастливых. Хотя абсолютное число счастливых растет, но какой ценой?! На одного нового счастливого человека появляется по крайней мере сто несчастных. Будущее общество есть общество по преимуществу несчастных людей, несмотря на прогресс, а скорее всего — вследствие прогресса. Кроме того, в будущем обществе подавляющее большинство населения будут старики. Это будет общество по преимуществу старческое. И старики навяжут свою психологию даже детям. Кошмарные последствия этого невозможно предвидеть. Их можно предотвратить только одним путем: восстановить условия, в которых работают естественные механизмы самосохранения. Природа в этом отношении разумнее человека: она вырабатывала эти самозащитные механизмы в течение миллионов лет. А человек их разрушил в течение нескольких десятилетий. Например, люди в прошлом в течение многих тысяч лет питались пищей, содержащей вещества, убивавшие их. Они умирали из-за них, не достигнув двадцати лет. Но благодаря этой ядовитой пище они все-таки могли выжить до двадцати лет и давать потомство. Люди вообще выживали благодаря тому, что их убивали. Тем самым сохранялась некая природная гармония.

Фюрер возражал Слепому. Он, наоборот, видел в увеличении продолжительности жизни и росте числа людей благо. Проблемы, связанные со старением общества в смысле преобладания стариков, по его мнению, будут решены элементарно... Будет продлен процесс воспитания и обучения молодежи. В связи с усложнением технологии и ростом значения науки требуется все больше времени для обучения людей. Уже сейчас люди учатся до 25–30 лет. А со временем этот период обучения увеличится до 35–40 лет. Так что увеличение продолжительности жизни есть элемент самозащитного механизма общества в современных условиях. Далее, будет замедлено продвижение людей по служебной лестнице и допуск к общественной деятельности. Это уже сейчас происходит. В связи с усложнением социальной структуры растет число ступеней в служебной карьере и усложняются отношения между людьми. Требуется больше времени для преодоления этих ступеней карьеры и для

накапливания опыта ориентации в социальной среде. Со временем вырастет пенсионный возраст. Люди дольше будут сохранять трудоспособность. А пенсионеры так или иначе будут участвовать в общественной жизни. Это уже сейчас происходит. Эволюция общества происходит так, что увеличивается число дел и функции, для выполнения которых больше подходят именно пожилые люди, имеющие богатый жизненный опыт и избавившиеся от амбиций молодых людей. Энергичность, подвижность и претензии молодых людей противопоказаны в этих случаях. Одним словом, возрастное старение общества есть такое же естественное явление, как вынужденная молодость в древние времена. А старики позаботятся о том, чтобы сделать старость привлекательной, во всяком случае — не столь страшной, какой она кажется сейчас. Старики будут сражаться за свое право на существование и за свои привилегии. Я думаю, что с точки зрения большой истории старики имеют больше шансов на победу, чем молодые. К тому же молодые — это будущие старики. Посмотрите на себя: много ли вам всем осталось до старости?!

Я в споре участия не принимал. Я думал не об отдаленных перспективах человечества, а о себе самом. Я уже далеко не молод. Еще немного, и я буду стариком. Поскольку я фигура незначительная и особой ценности для общества не представляю, меня немедленно вытурят на пенсию. Как я, одинокий человек, буду жить вне моего привычного коллектива? Кому я буду нужен?!

Конец романтики

Мы с Блаженным и Бардом сидели в Клубе, когда к нам подошла старушка и сказала, что скончался Романтик.

В последнее время Романтик все реже появлялся в Клубе. Потом исчез на большой срок. Никто о нем не вспоминал. Признаюсь, и я о нем позабыл — эти «клубные» знакомства не оставляют в душе глубоких следов. Теперь же, когда мы медленно плелись за старушкой (представляю, какое зрелище мы являли собой, глядя со стороны!), вся история с Романтиком и его смертью начала приобретать для меня огромный символический смысл.

Распорядился похоронами жуликоватого вида полупьяный человечешка — представитель какой-то организации: хоронили Романтика на казенный счет. Родственники не пришли. Никто не интересовался причинами их отсутствия. Ценных вещей от Романтика никаких не осталось. Только ордена. Выходной костюм и ботинки Романтик завещал Блаженному, а фотографии и письма — мне. Остальное барахло он завещал старушке, которая ухаживала за ним последние недели.

Хоронили Романтика по самому низшему разряду, без музыки, на новом кладбище далеко за городом. Жуликоватый представитель произнес короткую косноязычную речь о заслугах покойного. Случайные зеваки подивились тому, что человека с такими наградами и старого коммуниста хоронят «как собаку», и ушли восвояси, видя, что на даровую выпивку тут рассчитывать нечего. Пьяные, заросшие щетиной могильщики лениво засыпали могилу. Мы положили на бугорок искусственные грошовые цветы, воткнули дощечку с именем и датами жизни покойного и с его кладбищенским номером. Деньги, оставленные Романтиком на его похороны, очевидно, кто-то прикарманил. Мы не решились заговорить о них.

Дома я начал листать альбом с фотографиями Романтика. Вот — крестьянский паренек с испуганно округленными ясными глазами и младенчески чистым лицом. Рядом-такие же другие паренки. Это — добровольцы на северную стройку. Все они, кроме одного, там и погибли. Вот группа строителей Комсомольска, награжденных орденами. Паренек подрос, окреп. Но те же ясные глаза. То же младенчески чистое лицо. Вот стриженный боец Красной

Армии на фоне пруда с лебедями. Младший командир со значками. Лейтенант. Капитан, увешанный орденами... Я смотрю эти фотографии и сопоставляю жизнь этого человека со своей. У него каждая фотография — веха истории. А у меня нет никаких вех. Нет никакой истории. Я живу вне исторического потока. Тихо, мирно, сравнительно благополучно. Но без того, что называется ветром, порывом, ураганом истории. И я завидую этому несчастному одинокому покойнику — пенсионеру.

Я тем завидую,

Кто жизнь провел в бою,

Кто защищал великую идею

писал много лет назад Сергей Есенин. Я его очень хорошо понимаю, хотя между нами лежит длинная и страшная эпоха. Эта эпоха ушла в прошлое. Уже давно кончилась война. Залечены ее раны. Новые поколения родились. Запад процветает. А мы?! Как мы живем?! В чем причина наших сегодняшних уродств и страданий? Нельзя же во всем винить трудные обстоятельства прошлой истории. Что-то является следствием самого строя нашей жизни. Есть причины, которые не уходят в прошлое, а навечно остаются с нами. Нет, прошлое не ушло. Оно осталось в нас навечно. Прошлое вообще сохраняется, спрессовывается в настоящем и протягивает щупальца в будущее. Мы никогда не избавимся от кошмаров прошлого. Мы к ним лишь добавим свои. Напрасно люди надеются на то, что пройдут мрачные времена и наступит период всеобщего счастья. Будущее по законам природы не может быть хорошим, если прошлое было плохим.

А что, если вся эволюция человечества, начавшаяся в нашем столетии, есть уклонение от какой-то эволюционной нормы и развитие в уродство?! Если есть уроды люди, почему бы не быть уродам цивилизациям и эпохам?! Если это так, то человечество в целом скоро окажется перед гамлетовской проблемой «Быть или не быть?». Не отдельные люди, а все человечество!

Под утро я на несколько минут задремал. Во сне мне явился Романтик.

— Приходи к нам, к мертвым, — сказал он. — Среди мертвых лучше, чем среди живых. Мертвые не делают добра, но и не делают зла. Мертвые никогда не встречаются, но и никогда не расстаются. Тут Невеста никогда не придет к тебе, но зато никогда не покинет тебя. Она будет вечно перед тобой, а ты будешь вечно протягивать к ней руки, не прикасаясь к ней. Что тебе еще нужно?! Твоя совершенная мораль есть мораль мертвых, а не живых. Приходи к нам! Мы тебя не ждем, но мы тебя навечно примем в наши ряды. Примем без радости, но и без огорчения. Приходи! Приходи! При...

Я очнулся. Вспомнил слова, которые Романтик сказал мне в последнюю встречу.

— Женитесь, заведите детей, сражайтесь вместе со всеми за улучшение бытовых условий и продвижение по службе, участвуйте в общественной жизни учреждения и всего города, ходите в гости, принимайте гостей, — говорил тогда Романтик. — Что вам еще нужно?! Все равно никакой другой жизни нет и не будет. Не мучайте себя. Живите! Просто живите, как все. А все остальное получится само собой, как следствие обычной жизни. Тем более жизнь промчится, не успеете глазом моргнуть. И в конце жизни вы поймете, что самые великие ценности мира суть именно эти самые простые житейские пустяки. Но будет уже поздно в них окупиться. Пока молоды, спешите жить, но без всяких претензий поймать жар — птицу. Таковой в природе вообще нет.

Невеста

Позвонила Невеста.

— Ты на меня сердишься?

— Нет. Ты же знаешь, как я отношусь к тебе. Выходи за меня замуж, пока не поздно еще.

— Я не стою тебя. И не хочу тебе портить жизнь.

— Ее уже невозможно испортить.

— Ну так себе не хочу портить жизнь.

— Это другое дело. Снимаю свое предложение.

— Не торопись. Еще, может быть, все образуется.

— Я могу подождать. У меня в запасе вечность.

— Говорят, Солдат завел себе подружку на заводе. Он не приводил никого домой?

— Нет. Но на моем диване, кроме тебя, спать никто не будет. Это место священное.

— Если заметишь что, позвони.

— Я не доносчик.

— Извини! Я думала, это в твоих интересах...

Что я такое

В последнее время я стал задумываться над проблемой: если ты следуешь моральным принципам (не подводишь сослуживцев, не обманываешь, держишь слово, делаешь добро, избегаешь причинять людям зло и т. п.), достаточно ли это для того, чтобы выглядеть хорошим человеком в глазах окружающих? И вообще, возможно ли такое, что окружающие тебя люди воспринимают тебя таким, каким ты сам считаешь себя и стремишься сделать себя? Я давно начал подозревать, что люди вообще не способны к объективным суждениям о ближних. Что думают обо мне мои соседи, я слышу каждый день. А ведь я им не сделал никакого зла, и они это прекрасно понимают. Солдат считает меня скрягой только на том основании, что я иногда отказываюсь ссужать его деньгами и даже осмеливаюсь просить его вернуть долг. И это свое мнение обо мне он высказывает всем нашим общим друзьям. И те соглашались с ним, несмотря на то что во все общие мероприятия я вношу денег больше, чем они. Это почему-то считается само собой разумеющимся. Но почему-то считается, что я должен вносить еще больше, но я — жмот и потому не делаю этого. Некоторые жильцы дома считают, что я завел у себя бардак, что занимаюсь сексуальными извращениями. Многие мои сослуживцы на работе считают меня карьеристом. А Грбовой повсюду распространяет сплетню, будто я — интриган, и многие охотно верят в нее. Я к такого рода мелочам привык и не обращал на них внимания. Но вот недавно мне случайно пришлось прослушать разговор вроде бы самых близких друзей обо мне — Слепого, Моралистки, Теоретика и Социолуха.

Моралистка сказала, что я изображаю из себя морального человека, кокетничаю этим, а что на самом деле я — человек глубоко безнравственный. Слепой заметил, что мы все в той или иной мере безнравственны, все склонны прикидываться порядочными людьми, что у меня это качество выражено, может быть, немного сильнее, чем у других, что я туповат и не очень-то интеллигентен, но в общем и целом неплохой парень. А в наше время и это плюс. Теоретик же сказал, что знает меня чуть ли не с пеленок, что способностями я не блистал, но был старательным и образцово-показательным отличником, что я кормлюсь чужими идеями. Социолух добавил, что я — хороший собеседник, но лишь как пассивный партнер, что слухи насчет моих способностей изобретателя оказались преувеличенными... И вот в таком духе они довольно долго «перемывали мне косточки». Я был просто ошарашен услышанным. Все это показалось мне чудовищной несправедливостью и даже черным предательством. Несколько дней я чувствовал себя несчастным и растерянным. Потом успокоился. Я решил, что бессмысленно рассчитывать на справедливый суд со стороны окружающих — такого суда нет и быть не может в принципе. Высказывая суждения о тебе, люди вольно или невольно думают о самих себе. Их суждения о тебе характеризуют не столько тебя, сколько их самих. Смысл имеет лишь официальное мнение о тебе твоего коллектива, фиксируемое в официальных характеристиках, и то, что удерживает каких-то людей около тебя в качестве твоих друзей, если это слово «друзья» вообще тут уместно. Главное — ты сам знаешь, что ты такое есть. Ты сам есть высший и справедливый судья самого себя.

Я, конечно, сделал вид, будто не слышал того разговора. Наши отношения после этого несколько не изменились. Но во мне после этого что-то треснуло, сломалось. Состояние тоски и отчаяния стало накатываться на меня чаще, стало мучительнее и продолжительнее. Где-то в глубине сознания (на заднем плане) стала шевелиться мысль о бессмысленности жизни и о самоубийстве.

Лови удачу

Фюреру удалось получить место в целевой аспирантуре в Москве. Он намерен написать такую диссертацию, чтобы его оставили в Москве. А если не выйдет научная карьера, он женится на москвичке. У него там есть знакомая, которая согласна за приличные деньги вступить с ним в брак и устроить ему московскую прописку. Потом он с ней, конечно, разведется. Купит в кооперативе квартиру — за взятку это несложно. Отец обещал помочь. Гнить в нашем болоте он не хочет и не будет ни в коем случае. Люди со всех концов страны устремляются в Москву и устраиваются там. Так почему бы и нам, русским людям, не делать того же?! В конце концов, Москва — наш русский город. Почему мы его должны уступать украинцам, татарам, грузинам, евреям, азербайджанцам, казахам и прочим?! Я сказал, что это — неизбежная расплата за империализм. Он сказал, что он лично никакой ответственности за этот империализм не несет. И считает, что русские люди имеют моральное право конкурировать с другими за лучшее место на своей собственной территории.

На проводах Фюрера Солдат напился и оскорбил Фюрера, назвав его хапугой и карьеристом. Невеста попробовала урезонить его и увести домой. Но он оскорбил и ее, назвав ее шлюхой. Невеста в слезах убежала, ее не успели удержать. Остряк, при всех обстоятельствах сохраняющий выдержку и достоинство, уволок Солдата домой. Настроение было испорчено. Мы разошлись.

— Боже, сколько еще грязи в наших душах! — воскликнула Моралистка, когда мы со Слепым провожали ее до автобусной остановки.

— Почему же «еще»? — удивился Слепой. — Эта душевная грязь есть нормальный продукт нашей жизнедеятельности. Мы ее источаем, И в будущем ее будет еще больше.

Я сказал Слепому, когда мы остались вдвоем, что я на его месте женился бы на Моралистке. Она — хороший человек. И как женщина очень привлекательна. А без недостатков людей нет. Он ответил, что непременно женится, когда ему станет совсем невмоготу. Но не на Моралистке, а на какой-нибудь глупой и некрасивой стерве. Почему? Чтобы потом развестись с ней без сожаления.

Чудо

Нам со Слепым осталась последняя надежда — надежда на чудо.

Несколько лет назад слепая девочка, гуляя в лесу, внезапно прозрела и увидела якобы Матерь Божию. Зачем и как занесло слепую девочку в чащобу, куда и зрячие-то боялись ходить, осталось невыясненным. К месту, где произошло чудо, началось паломничество. Потом произошло другое чудо: перестал хромать известный на весь город пьяница, прозванный Хромым. Пропагандисты из общества «Знание» уверяли, что у Хромого только прозвище имело отношение к хромоте. Но им не поверили. На Святом Месте предприимчивые попы быстро соорудили часовенку, дав кое-кому солидную взятку. Захотелось и Слепому посетить Святое Место. Меня он выбрал в качестве поводыря, утверждая, что и мне этот поход будет полезен. Я сказал, что даже божественные чудеса имеют пределы. Одно дело — избавить человека от сомнительной хромоты, и другое дело — вернуть безногую ноги. Слепой согласился со мной и добавил, что для прозрения нужны по крайней мере глаза, которых у него нет. А все-таки вдруг там что-то есть?!

На обратном пути Слепой сказал, что он узнал, почему люди стремятся в это Святое Место. Они поддерживают репутацию Святого Места не потому, что там выздоравливают, а потому, что туда ходят как на светлый праздник. Святое Место находится в самих людях. Нужна какая-то общепризнанная точка в пространстве, где заключенное в человеке Святое Место обнаруживает себя. Если, конечно, оно в нем есть. Сегодня он, Слепой, обнаружил, что в нем не осталось ничего святого. Я ответил, что если его теория насчет Святого Места верна, то и во мне тоже не осталось ничего святого.

Мои фундаментальные ошибки

На другой день Теоретик и Социолух зашли ко мне в кабинет. Я им рассказал о походе в Святое Место. Они посмеялись. Теоретик сказал, что теория Слепого верна лишь в отношении примитивных индивидов, и посоветовал перестать играть со Слепым.

— Знаешь, в чем твоя фундаментальная ошибка? — спросил он. — В том, что ты ищешь реальное решение иллюзорной проблемы. Надо перевернуть отношение: найти иллюзорное решение реальной проблемы. Зачем Слепому глаза? Видеть мерзость бытия? Не стоит. Без глаз у него есть хоть какое-то алиби. А страдания здорового человека мучительнее страданий уродов. Если урод, например, лишен любви женщины, это справедливо: он — урод. А если здоровый человек попал в такое положение, это несправедливо. Страдания Слепого суть результат нарушения закона адекватности самосознания индивида его объективному положению и возможностям. Он для своего уродства слишком умен, слишком образован,

слишком благоустроен. Его страдания искусственно культивированы. Оставь их ему. Без них ему будет еще хуже.

Потом мы заговорили о пороках и добродетелях. Теоретик и на сей раз развил целую теорию. Он сказал, что можно жить с тайными пороками, но нельзя жить с тайными добродетелями. Пороки рано или поздно вылезают наружу сами, добродетели же — никогда. Добродетели и вырабатываются с таким расчетом, чтобы их видели. И потому их замечают с трудом. Пороки же стремятся скрывать, и потому их легко замечают. Пороки естественны, потому их скрывают. Добродетели искусственны, потому их обнажают. Добродетели возникают тогда, когда отсутствует возможность предаваться пороку, когда силен страх наказания за порок и когда они хорошо вознаграждаются. Порок сам по себе есть вознаграждение. Добродетель же ищет вознаграждения вовне. Добродетель навязывается силой, порок приходит без усилия. Добродетель есть карабкание вверх, порок есть падение вниз.

Я сказал, что эти идеи выше моего разумения, что я придерживаюсь самых примитивных представлений о добре и зле, о пороках и добродетелях. Делать людям добро и стремиться быть добродетельным — это же так просто и ясно. Тогда на меня набросился Социолух.

— Понятия добра и зла, — сказал он, — включают в себя субъективную оценку поступков. А она различна у различных людей. Кроме того, поступки людей можно оценивать как таковые, по их намерениям, по их последствиям. Человек, стремящийся делать зло другим, не всегда добивается цели. Часто результатом его поступков является добро. Человек, стремящийся делать добро, часто тем самым причиняет людям зло. Какую моральную установку принять для себя — зависит от индивидуальных особенностей. Опыт миллионов людей доказывает, что обе установки плохи. Человек, стремящийся творить зло, вызывает ненависть и презрение у окружающих. А тот, кто стремится делать добро, становится посмешищем в глазах тех же окружающих.

— Какой вывод отсюда следует?

— Вывод очевиден, и люди так или иначе делают его для себя: живи, как живется, изворачивайся, приспособляйся, извлекай для себя пользу, избегай неприятностей. Ничего другого в этом мире нет и быть не может. Ведь мы — не продукт божественного творения, а всего лишь форма движения материи. Вон видишь, муха бьется о стекло! С точки зрения вечности и бесконечности материи мы — ничтожные мухи.

— Ты считаешь идею делания добра людям вообще неверной?

— Нет. Я ее считаю бессмысленной. Она логически противоречива и практически невыполнима. Можно ли делать добро, не осознавая, что делаешь, добро? Для неразумной природы возможно. Но для разумного существа — нет. Но сознание того, что ты делаешь именно добро, превращает процесс делания добра в нечто показное и лицемерное. Приносить пользу людям и делать добро — не одно и то же. Первое есть явление практического расчета, второе — явление в сфере морали. Нас путают в самых примитивных понятиях. А мы со своей стороны вносим свою лепту во всеобщее смятение умов и чувств.

— И вообще, — сказал он в заключение, — во всех сочинениях и разговорах на тему о добре и зле, о пороках и добродетелях есть один коренной недостаток: в них пороки и добродетели рассматриваются как человеческие качества. А на самом деле они суть социальные отношения, которые лишь проявляются в форме человеческих качеств. Эти социальные отношения вынуждают людей совершать поступки, на основе которых мы и приписываем людям какие-то качества. Возьмите, например, Грбового. Порочен он или добродетелен? Ни то, ни другое. Он хороший семьянин. И для большинства сотрудников отдела он хорош. Если бы им пришлось выбирать — Грбового или Горева — они предпочли бы Грбового. Почему? Горев им неудобен. Он предъявляет слишком высокие требования к себе и людям. Он

слишком добродетелен, и в этом его порочность.

Социолух и Теоретик ушли. Я встал, открыл форточку и долго гонял муху, чтобы помочь ей выбраться наружу, как я думал — на свободу. Муха улетела. Я закрыл форточку. И только в этот момент я вспомнил, что на улице — холодная осень, и что я выпустил муху на верную гибель!

Женитьба солдата

— Женюсь! — торжественно заявил Солдат.

— На Невесте? — спросил я испуганно.

— Не-е-т, на девчонке с нашего завода. Ничего особенного. Мы ведь только мечтаем о принцессах. Мечтаем, пока «гуляем». Тогда кажется, что все доступны. А женимся в конце концов на таких стервах! И где мы их откапываем?! Но моя — ничего. Все, что положено, есть. Образование — десятилетка. Единственная дочь в семье. Двухкомнатная квартира. Жить у нее будем. Тут тесно. И мать ни в какую. В общем, увидишь сам. Она тебе понравится. Скромная, простая. Ничего особенного. Так ведь мне для жизни она нужна, а не для кино. А институт по боку. Не всем же быть инженерами. Надо кому-то и работягой быть. А что плохого быть рабочим? Зарплата у меня хорошая, побольше, чем у инженеров. В будущем году меня посылают на курсы мастеров. С питьем кончаю: покуролесил, и хватит! В партию вступлю. Дети пойдут. Что еще нужно человеку?! Я слушал Солдата с тайной радостью: мои шансы жениться на Невесте повысились.

Регистрация брака происходила во Дворце бракосочетаний. Дворец — типичное советское учреждение. Портреты классиков марксизма и наших руководителей. Лозунги «Семью — на службу коммунизма!», «Здоровая социалистическая семья — залог нашего победоносного шествия вперед к коммунизму». Плакаты. На одном из них плакатно — стандартные, красивые и здоровые молодые родители держат на плечах пару пузатых младенцев, а другую пару пышущих здоровьем крепышей — за ручки. Надпись на плакате: «И это — не предел! Нам, советским людям, и это по плечу!». Вышла толстая вульгарная баба с красной лентой — распорядительница торжества. Объявили, что процедура бракосочетания начинается. Грянул оркестр. Десять пар бракосочетающихся с толпой родственников и друзей двинулись по широкой ковровой дорожке во Дворец.

Потом нас разъединили — мужчин с женихами попросили в комнату женихов, а женщин с невестами — в комнату невест. Бракосочетающиеся по очереди вызывались в зал, где им в присутствии свидетелей и близких родственников вручались брачные свидетельства и обручальные кольца (последние были куплены по специальным талонам заранее и принесены сюда). Все выпивали по фужеру шампанского, которое (как и оркестр) было оплачено заранее. Толстая баба с красной лентой через плечо произносила речь о здоровой социалистической семье. Щелкали фотоаппараты (тоже заранее оплаченные). Потом молодожены с друзьями и родственниками на машинах, украшенных лентами, воздушными шарами и детскими игрушками (все это тоже было оплачено заранее), совершали поездку по городу. Первым делом — к памятнику Ленину на площади Ленина, где молодожены возлагали цветы. Затем — к Могиле Неизвестного Солдата, где тоже возлагали цветы. Наконец — по историческим местам.

Вечером была пьянка в ресторане. Солдат держался чинно и почти совсем не пил. Зато мать его упилась основательно, дурным голосом орала вместе со всеми старые песни и плясала. Им было весело — они были пьяны. Я ускользнул потихоньку. На мой уход никто не обратил

внимания.

Крах надежд

Заведующим отделом меня все-таки не назначили. Решили, что у меня образования маловато. Назначили кандидата наук из Политехнического института. Он собрал сотрудников отдела и два часа без передыху болтал об исторических решениях ЦК КПСС повысить эффективность работы всех учреждений и предприятий страны, о том, что надо перестроить всю работу отдела в духе решения ЦК, что пора кончать... что пора начинать... что надо развернуть... что надо положить конец... Мы слушали и жалели, что Гробоного от нас взяли. Хотя он и сволочь порядочная был, но все-таки не мучил нас пропагандистской демагогией.

Позвонила Невеста. Спросила, можно ли меня поздравить с повышением. Я ответил, что у меня теперь может быть только понижение. Она сказала, что очень жалеет об этом. Значит, у меня не будет отдельной квартиры. А ей так хотелось пожить в отдельной квартире хотя бы один год. Потом мы, конечно, развелись бы и квартиру поделили бы. Но год она вытерпела бы ради квартиры.

— Ладно, — наконец сказала она, — я выйду за тебя замуж. Но у меня есть условие.

— Какое?

— Я не обещаю тебе быть верной. Я остаюсь свободной, и ты не устраиваешь мне сцен ревности. Это же справедливо! Я здорова и красива. А ты... Согласен?

— Нет. Мне ты нужна целиком и полностью. Я тебе отдам себя тоже без остатка.

— Ты хочешь слишком много. Соглашайся на мое условие, пока я не передумала. Согласен?

И даже ради всех Невест

Я эту сделку не приемлю.

И с чистых падаю небес

На испоганенную землю.

Конец Клуба

Жертвой антиалкогольной кампании пал наш Клуб. Его снесли с лица земли. Во дворе сделали маленький скверик. В центр скверика перенесли бронзовый бюст покойного секретаря ЦК КПСС Портянкина. Винно-водочные магазины на нашей улице закрыли, оставив лишь один, да и то в таком виде, что местные алкоголики утратили к нему интерес. Говорили, будто Клуб возродился в районе психиатрической больницы. Но мне ходить туда далековато. Да и желание пропало.

Я иду на бульвар. Сажусь на скамейку. Наслаждаюсь солнцем. Сидящий рядом со мной старик кормит хлебными крошками воробьев.

— Тысячекратно прославили соловьев, — произносит старик. — Самая гнусная птица — голубь — превращена в символ мира и святости. Для меня же все самое чистое и непорочное в мире символизирует обыкновенный русский воробей.

— Какой же он русский? Воробей везде водится.

— Пусть! Но то, что он для меня — символ, это наша русская национальная черта.

— Когда-то у русских символом был двуглавый орел...

— Чужой. Если бы у нас во главе страны были русские, наверняка воробей был бы вместо орла.

Старик разбрасывает крошки. Разговаривает с воробьями, как с детьми или старыми знакомыми.

— Смотрите — ка! Эти молодые совсем обнаглели. Прямо из рук рвут. А старики осторожные. В сторонке сидят. Схватит молодой кусок не по силам, они тут как тут. Теперь я прямо-таки кожей ощущаю смысл выражения «старый воробей». Мы, старики, все такие. Зазеваются молодые или схватятся за дело не по силам, мы налетаем и растаскиваем. Что поделаешь, закон природы. Смотрите — ка, что вытворяют, стервецы! Маленькие, совсем вроде бы беззащитные, а живучие. Ничто их не берет!

— В Китае вроде вывели их совсем.

— Опять появились. Поразительно живучая птица. Мы вот скоро умрем, а тут по — прежнему будут прыгать и чирикать воробьи. Война пройдет... Может быть, все люди и животные погибнут. А эти пострелята выживут!

— Крысы, говорят, тоже выживут.

— Возможно. Крысы — умные животные. Но и воробьи уцелеют.

— Почему вы так думаете?

— Не могу представить себе мир без воробьев. Без орлов, кур, голубей — могу. Без воробьев — нет. А вы?

— Тоже не могу.

— Значит, уцелеют.

Старик бросил последние крошки и ушел. Встаю и я. Воробьи пугаются скрипа моих ног, вспархивают на деревья. Они не знают, что они для меня значат. Я для них чужой.

Апофеоз

Наконец-то у нас в Комбинате наладили отечественное производство глазных протезов по китайским образцам. Их переименовали в «Свет идей Октября». Причем это сделали без всякого юмора. Начальство Комбината совместно с представителями райкома и Обкома партии заседало восемь часов, прежде чем одобрили это название. Мне удалось устроить

для Слепого пару глаз из первой же партии. И вот мы, нарядно одетые и с цветами, собрались у центрального входа больницы. Сестры вывели испуганного и бессмысленно улыбающегося Слепого. Без черных очков. С огромными небесно — голубыми немигающими и невидящими глазами марки «Свет идей Октября». Я это зрелище не забуду вовек. Ничего страшнее я не видел за всю свою жизнь. Мы все окаменели от неожиданной ужасности того, что должно было бы быть прекрасным. Выручала Невеста.

— Смотрите! — закричала она весело (хотя по лицу ее ручьем текли слезы). — Какой красавец-мужчина!

Мы бросились обнимать Слепого, говорили ему комплименты о его прекрасных глазах, о том, как они ему к лицу. Слепой плакал от счастья. Но — без слез. И не мигая.

Вечером собрались у Слепого. Остряк фотографировал хозяина в различных позах. Слепой грозился разослать свое фото красивейшим женщинам города и покорить их таким образом. Моралистка сказала, что теперь Слепому надо отрастить усы и бороду. Сейчас это модно. У Слепого будет густая черная борода с проседью. Это будет очень эффектно в сочетании с большими голубыми глазами. Было очень уютно. На мгновение возникла неповторимая душевная близость.

— Я был круглый идиот, — произнес Слепой, — когда стремился обрести способность зрения. Теперь я займусь более важной проблемой: как научиться испускать настоящие слезы.

Если бы Будда выслушал Слепого, он исключил бы все болезни и уродства из списка человеческих страданий.

Право на смерть

Теоретик сказал, что люди поступили бесчеловечно, сохранив ему жизнь. Слепой заметил, что Теоретик может отказаться от жизни, если она его не устраивает. Теоретик возразил, что если бы его жизнь пресекли в самом начале, это было бы не его решение. А теперь он познал жизнь. То, что предлагает Слепой, есть проблема выбора для человека, осознающего себя живущим. И проблема эта, пожалуй, самая сложная из человеческих проблем.

— Я прочитал любопытную статью в американской газете, — сказал Теоретик. — Речь идет о праве людей, не желающих жить, на смерть. Конечно, если ты в состоянии покончить с собой, то ты делаешь это без всяких там прав. А если ты физически не можешь покончить с собой, например — если ты парализован? Ты даже голодной смертью умереть не можешь — тебя насильственно кормят. Человек требует, чтобы его убили. А врачи не хотят. Вот проблема. Думаю, что и для тех уродов, кто сам способен на самоубийство, тут есть проблема. Одно дело, когда ты кончаешь с собой вопреки законам и моральным нормам, и другое дело — когда ты это делаешь законно и морально оправданно. Иное отношение к смерти. Вот я и думаю: а что, если начать борьбу за право на законную добровольную смерть?

— Борьба за права человека у нас рассматривается как преступление, — промолвил Остряк.

— Я не думаю, что процент самоубийств среди инвалидов выше, чем среди здоровых, — задумчиво заметил Слепой. — Самоубийство есть явление в среде здоровых людей, оказавшихся в нездоровых социальных условиях. И зачем торопиться на тот свет? От смерти все равно не уйдешь, а жизнь хороша сама по себе.

— Жизнь сама по себе ни плоха, ни хороша, — сказал Теоретик. — Она есть факт, и не более того. Жизнь может быть плохой или хорошей смотря по обстоятельствам. В живом организме есть механизм самосохранения. У человека он принимает форму страха смерти. Но этот страх не оправдывает жизнь как таковую. Если жизнь становится невыносимо тяжелой, то самоубийство становится естественной самозащитной реакцией. И тогда лозунг «Умри!» столь же правомерен, как и лозунг «Живи!».

— Основная психологическая ошибка в нашем отношении к смерти состоит в том, что мы на состояние после смерти смотрим так, будто мы вечно будем осознавать, что нас нет и никогда не будет, — проговорил Слепой. — На самом деле смерть есть просто превращение в Ничто, абсолютное исчезновение.

— Жаль, — вздохнула Моралистка. — Я бы предпочла, чтобы мертвые время от времени воскресали, чтобы осознать, что они мертвы, и испытать по этому поводу бесконечную боль и космический ужас.

— Зачем?!

— Хотя бы для того, чтобы один раз данную и короткую жизнь люди проживали более человечно.

— Страх смерти не проблема, — сказал Остряк. — Есть много способов его преодолеть. Один из них — постепенно привыкать спать все дольше и дольше. И, наконец, заснуть насовсем. Тогда грань между сном и смертью расплывается и исчезает. Причем полезно не сразу хоронить, а хранить труп дома как можно дольше. Умиравшие должны знать, что и после смерти они остаются дома среди близких людей. Опыт жителей Севера тут особенно интересен. Там к старости люди приучаются спать по шесть месяцев. Их еще в сонном состоянии выносят на мороз. И они на морозе потом «досыпают» годами. Очень удобно. Всем приятно, что родители рядом. И хлеба не просят. В наших условиях можно хранить покойников в специальных прозрачных холодильниках.

— Прекрасная идея! — воскликнул Теоретик. — Жизнь вообще можно построить так, что умирать будет совсем не страшно и даже приятно. Для этого надо следовать определенным принципам. Вот, например, один из них: чем больше сделаешь зла людям, тем приятнее умирать. Но зло имеется в виду не любое, а такое, чтобы можно было позлорадствовать. Мол, попробуйте теперь наказать меня! Опоздали, голубчики! Ах, если бы можно было хохотать после смерти! Земля на кладбищах тряслась бы, как во время землетрясения в Ташкенте или Ашхабаде.

— Я знал одного человека, — начал рассказывать Остряк, — который мог бы послужить классическим образцом преодоления страха смерти. Незадолго до смерти он взял в долг много денег у всех своих знакомых, взял крупную ссуду в кассе взаимопомощи якобы на взнос в жилищный кооператив, взял в местное палатку и надувную лодку якобы для туристического похода, совратил одну молодую сотрудницу якобы с намерением жениться на ней и сделал многое другое. Все деньги он прокутил. Продал принадлежавший учреждению спортивный инвентарь и пропил вырученные деньги. Набил морду своему начальнику. Тот подал в суд на него. Когда он пропивал последний рубль, он хохотал так, будто выиграл в лотерею велосипед или телевизор. Особенно смешно ему было оттого, что его не успеют посадить в тюрьму за хулиганство и что с него не смогут высчитывать алименты соvrращенной им сотруднице. Так он и умер, смеясь и испытывая огромное удовлетворение от содеянного.

Если бы Будда услышал рассказ Остряка, он вычеркнул бы страх смерти из списка человеческих страданий.

Вот и все

— Что касается меня, — проговорил Бард, — то проблема жизни и смерти для меня решена. Ее решили сильные мира сего. Завтра я обязан выехать в «Атом». Что вам спеть на прощание? Спою «Марш уродов».

Уроды! Плевать на хвори!

Слепые, глядите в оба,

С дороги не сбиться чтобы!

Грядущего зрите зори!

Шагайте, безногие, в ногу!

Протезам — ничто расстоянье.

Где видят слепые сиянье,

Туда пролагайте дорогу!

Безрукие, руки раскроем!

Локоть друг друга почуем!

Свободу себе завоем

Своею железной рукою!

Безголосые, взвойте песни,

Сочиненные тем, кто без слуха!

В бурном танце кружись, старуха,

В одеянье из праха и плесени!

Правьте, безмозглые, нами!

Мир направляйте идеей!

О судьбах планеты радея,

Вовсю шевелите мозгами!

Держайте! И всюду народы

Забудут былые тревоги.

Все счастливы будут, как боги,

Поскольку все будут уроды.

Стали расходиться... Невеста ушла с Остряком. Похоже на то, что у нее с ним начинается такой же нелепый и бесперспективный роман, какой был с Солдатом. Мне хотелось крикнуть ей: останься, приди ко мне и будь мне женой на любых условиях. Я тебе буду таким мужем, каких больше не осталось на земле! Но она даже не оглянулась в мою сторону. В моем мозгу вдруг вспыхнула мысль: она же теперь никогда не будет ночевать на моем диване и насовсем исчезнет из моей жизни!

Ну, вот и все.

Допета песня.

Утерта тайная

Слеза.

И неизвестно,

Что бесчестней:

Быть то ли против,

То ли — за.

Все по отдельности

Банально.

А в целом — нечего

Понять.

И нет виновных

Персонально.

И в общем не на что

Пенять...

— Комедия окончена, — вдруг сказал Слепой, когда мы остались вдвоем. — Люди, как дети, с ними всегда надо разыгрывать какой-то спектакль, чтобы им хоть немного приятно было. Честно говоря, я с большим трудом доиграл свою роль до конца. Я же с самого начала знал, что из наших с тобой усилий ничего не выйдет. Мне просто хотелось сделать тебе приятное и немного облегчить тебе жизнь. Что дальше?

— Вечность, — ответил я.

Впервые в жизни я залпом выпил стакан водки. Затем — другой и заскрипел ставшими непослушными протезами к себе в каморку.

Я упал на диван, не снимая протезов. Изнутри разливалось тяжелое оцепенение, а откуда-то сверху опустилась гнетущая пустота. Имя ее — Вечность.

Эпилог

Новые Липки. Небольшой сквер, засаженный чахлыми деревьями. Бронзовый бюст Портянкина на мраморном пьедестале. На лбу Портянкина, как обычно, — нецензурное слово из трех букв. В грязи около монумента сидит безногий пьяный мужчина с распухшей и заросшей щетиной физиономией. Он ругается, плачет и с остервенением ломает свои протезы. Окружающие его пьяницы вопят от восторга и смеются. Появился милиционер на мотоцикле с коляской. Пьяного инвалида с обломками протезов бросили в коляску и увезли. Пьяницы прекратили веселье и разбрелись.

Мюнхен, 1982

А. Зиновьев